

ISSN 0868-5169

Р
1(125)' 2025
РЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология».

Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) Сибирского отделения Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН, ИЭОПП СО РАН, Исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

Е.А. Коломак (главный редактор), В.Е. Селиверстов (заместитель главного редактора), Л.В. Мельникова (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (заместитель главного редактора, выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Т.Ю. Богомолова, Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), Б.С. Жихаревич, А.Г. Исаев, Н.А. Кравченко, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.Э. Лимонов, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, А.Н. Пилясов, Е.В. Рудой, Б.Г. Санеев, О.П. Фадеева, А.А. Шабунова

Редакционный совет:

В.А. Крюков (председатель редакционного совета), Ежи Баньски (Польша), Джон Батчлер (Великобритания), Даваасурэн Авирмэд (Монголия), Дорж Тувдийн (Монголия), Дун Сочэн (Китай), О.Б. Глезер, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ли Юнцюань (Китай), Назим Музаффарли (Иманов) (Азербайджан), Илона Пальне-Ковач (Венгрия), Б.Н. Порфирьев, Сунь Чжунаньчжи (Китай), В.И. Суслов, Табата Шиниширо (Япония), А.Г. Шумилин (Республика Беларусь)

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Обращение к читателям (В.Е. Селиверстов, Е.А. Коломак)	3
Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
<i>Швецов А.Н.</i> Система региональной политики: концепция и реальность	6
Экономические проблемы развития регионов	
<i>Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Корнеев А.Г., Майсюк Е.П., Тугузова Т.Ф., Халгаева Н.А.</i> Развитие энергетики арктической зоны Красноярского края как драйвер наращивания социально-экономического потенциала территории	30
Социальные проблемы регионального развития	
<i>Сергиенко А.М.</i> Вызовы и угрозы устойчивому развитию региона в сфере доходов населения: методика оценки и результаты апробации	63
<i>Долженко Р.А., Долженко С.Б.</i> Ценности горнозаводской цивилизации: отражение в представлениях работников промышленных предприятий Свердловской области	90
Евразийские трансграничные взаимодействия	
<i>Селиверстов В.Е.</i> Сибирь – Центральная Азия: экономические и научно-технические взаимодействия	117
<i>Кулекеев Ж.А., Пак Е.А.</i> Экономическое взаимодействие стран Центральной Азии и России: современные вызовы	142
<i>Максимов С.А.</i> Транспортно-логистическая инфраструктура Новосибирского узла как основа взаимодействия с Китаем и странами Центральной Азии	171
Эколого-экономические проблемы регионального развития	
<i>Мишулина С.И.</i> Отражение целей и задач циркулярной трансформации инфраструктуры туризма в документах стратегического планирования	195
<i>Рубанова Н.И., Рассохина Т.В., Саар В.С., Шагаров Л.М.</i> Экологическая трансформация российской индустрии гостеприимства: оценка текущего состояния и выявление инструментов стимулирования (по результатам экспертного опроса)	224
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития	
<i>Новоселов А.С.</i> Развитие методологии теоретических и прикладных исследований проблем регионального и муниципального управления . .	249
Экономика предприятий	
<i>Потапова Е.В., Пономарева А.О.</i> Цифровая трансформация предприятий Свердловской области в рамках нацпроекта «Производительность труда»: проблемы и перспективы реализации . . .	277

A Letter to Our Readers (<i>V.E. Seliverstov and E.A. Kolomak</i>)	3
Regional Policy and Economic Issues of Federalism	
<i>Shvetsov, A.N.</i> Regional Policy System: Concept and Reality	6
Economic Issues of Regional Development	
<i>Saneev, B.G., I.Yu. Ivanova, A.G. Korneev, E.P. Maysyuk, T.F. Tuguzova and N.A. Khalgaeva.</i> Expansion of the Energy Sector in the Arctic Zone of Krasnoyarsk Krai: A Driver for Enhancing Territorial Economic Growth and Social Potential	30
Social Issues of Regional Development	
<i>Sergienko, A.M.</i> Challenges and Threats to Sustainable Regional Development in the Sphere of Population Income: Assessment Methodology and Testing Results	63
<i>Dolzhenko, R.A. and S.B. Dolzhenko.</i> The Values of Mining Civilization as Reflected in the Perceptions of Industrial Workers in Sverdlovsk Oblast . . .	90
Eurasian Cross-Border Interactions	
<i>Seliverstov, V.E.</i> Siberia–Central Asia: Economic and Scientific-Technical Interactions	117
<i>Kulekeev, Zh.A. and E.A. Pak.</i> Economic Relations Between Central Asia and Russia: Current Challenges	142
<i>Maksimov, S.A.</i> Transport and Logistics Infrastructure of the Novosibirsk Hub as a Basis for Interaction with China and Central Asian Countries	171
Environmental and Economic Issues of Regional Development	
<i>Mishulina, S.I.</i> Incorporating Goals and Objectives for Circular Transformation of Tourism Infrastructure into Strategic Planning Documents	195
<i>Rubanova, N.I., T.V. Rassokhina, V.S. Saar and L.M. Shagarov.</i> Environmental Transformation of the Russian Hospitality Industry: Current State Assessment and Incentive Tools Identification (based on expert survey results)	224
Issues of Local Self-Government and Municipal Development	
<i>Novoselov, A.S.</i> Developing a Methodology for Theoretical and Applied Research on Regional and Municipal Management Issues	249
Economics of Enterprises	
<i>Potaptseva, E.V. and A.O. Ponomareva.</i> Digital Transformation of Enterprises in Sverdlovsk Oblast Under the National Project “Labor Productivity”: Challenges and Implementation Prospects	277

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

3 октября 2024 г. произошло знаковое для журнала «Регион: экономика и социология» событие. На заседании Президиума Сибирского отделения РАН (СО РАН является одним из учредителей журнала) были утверждены составы редакционной коллегии и международного издательского совета, а также новый главный редактор журнала. Д.э.н. В.Е. Селиверстов, который стоял у истоков создания журнала «Регион: экономика и социология» и был его бессменным главным редактором с 1993 г., передал бразды правления заместителю директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н. Е.А. Коломак. Старый и новый главные редакторы журнала в формате «пост сдал – пост принял» так прокомментировали эти изменения.

Д.э.н. В.Е. Селиверстов. Это совершенно естественное событие. Ротация членов редакционной коллегии и смена главного редактора в каждом научном журнале происходят регулярно. Хотя, откровенно говоря, в этой должности я «засиделся». Более 30 лет руководить журналом, как говорят англичане, – «too much». Тем не менее это важная часть моей научной жизни и, если честно, предмет профессиональной гордости. Вместе с нашей командой (в которой я бы в первую очередь выделил к.э.н. Анатолия Александровича Кина, долгие годы бывшего выпускающим редактором) нам удалось создать журнал нового типа, который по праву стал одним из лучших российских периодических научных журналов по региональной экономике и социологии и по проблемам пространственного развития. Изменялась страна (а ведь журнал был создан лишь на полтора года позже образования независимого суверенного государства – Россий-

ской Федерации), и в годы преобразований менялся и «взрослел» и наш журнал. Он реагировал на имевшие место изменения в формате научного сопровождения происходящих процессов, публикуя статьи о становлении нового российского федерализма, о формировании и проведении региональной политики России, о реализации программ развития регионов, о развитии местного самоуправления. Большое внимание мы уделяли и совершенствованию научных основ и методологии исследований в области региональной экономики, пространственного развития и экономической социологии.

Важно, что мы стали одним из соучредителей журнала «Regional Research of Russia», который выпускается на английском языке и сейчас входит в первый квартиль Q1 лучших журналов в международной библиографической базе Scopus. Более трети статей из каждого номера «Региона...» публикуются в этом журнале, и для нас это еще одно важное окно в мир международного научного пространства.

Безусловно, я не прощаюсь с «Регионом...». В новом составе редакционной коллегии я буду одним из заместителей главного редактора, это поможет обеспечить преемственность и плавность происходящих в нашем журнале изменений.

Я выражаю искреннюю признательность всем коллегам, которые вместе со мной долгие годы работали над изданием родного нам журнала. Особо хочу поблагодарить одного из лучших литературных редакторов (если не лучшего) Сибирского отделения РАН Елену Борисовну Артемову, которая работает в журнале с 2001 г., выпускающего редактора, к.э.н. Софию Раисовну Халимову, ставшую достойной заменой А.А. Кину, ответственного секретаря журнала Екатерину Сергеевну Копылову, Татьяну Георгиевну Чуеву, осуществляющую компьютерную верстку и техническое редактирование, и переводчика Веронику Олеговну Панна.

Д.э.н. Е.А. Коломак. Мне трудно что-то добавить к истории развития журнала «Регион: экономика и социология». С этим изданием я тесно сотрудничаю, в нем было опубликовано более двадцати моих статей, с 2009 г. я являюсь членом редакционной коллегии. Мы с Вячеславом Евгеньевичем – разных поколений ученики академика

А.Г. Гранберга, выдающегося ученого, бесспорного лидера российской региональной науки, вместе работали в секторе, которым он руководил. Именно Александр Григорьевич выдвинул идею создания журналов «Регион: экономика и социология» и «Regional Research of Russia». Поэтому наш научный, профессиональный и человеческий долг перед нашим учителем – поддерживать на высоком уровне эти издания, что мы и стараемся делать.

Вячеслав Евгеньевич отметил, что журнал имеет свою историю, а настоящее время является новым, сложным и ответственным периодом развития России. Поэтому наша задача состоит в профессиональном изучении и обсуждении происходящих изменений, в которых существенно усиливаются роль пространства Российской Федерации и значение его эффективного использования. Кардинальные изменения вызваны новыми направлениями научно-технического прогресса, искусственный интеллект, робототехника, «цифровая» и «зеленая» экономика меняют мир и пространство. Для России новые вызовы связаны также с трансформацией системы ее трансграничных взаимодействий и с изменением позиционирования восточных районов страны – Сибири и Дальнего Востока.

Конечно, научный журнал «Регион: экономика и социология», созданный на базе Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, с самого начала был ориентирован на трансляцию научных достижений этого авторитетного центра российской экономической науки. Но он никогда не был его «карманным» изданием, в каждом номере журнала значительная часть объема отведена статьям наших коллег из других академических институтов и университетов России и других стран. Мы и дальше будем продолжать такую линию научно-публикационной интеграции, искать и раскрывать новые формы нашей деятельности.

Я с оптимизмом смотрю на будущее «Региона...» и сделаю все, чтобы оправдать высокую честь быть главным редактором этого журнала.

В.Е. Селиверстов, Е.А. Коломак

УДК 332.146.2

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 6–29

А.Н. Швецов

СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Становление современной региональной политики пришлось на период, насыщенный кардинальными реформами и острыми кризисами. Результатом лавины реформационных и антикризисных «проб и ошибок» стал конгломерат целей, объектов, органов и мер несогласованного и непоследовательного регулирования отдельных сторон региональной действительности, не обеспечивающего синергии регулирования пространственного развития. Сложившаяся бессистемная конструкция, элементы которой распылены по многим правовым актам и структурам, затрудняет целесообразную организацию и результативное функционирование этой сферы, порождает ведомственную разобщенность, непоследовательность и противоречивость действий, делает региональную политику громоздкой, дорогостоящей и критикуемой за ее низкую результативность.

Осуществляемые многие годы частичные новации, все более усложняя эту политику, не приводят к ее существенному улучшению в целом. Для кардинального повышения результативности и эффективности региональной политики требуется системное упорядочение ее как целостного феномена, результатом которого должна стать внутренне непротиворечивая и согласованно развивающаяся система региональной политики. К этому шагу подталкивает и формальное завершение в 2025 г. действующих Основ государственной региональной политики.

В статье обоснованы смысл, предпосылки и концептуальные положения предлагаемой систематизации региональной политики и прокомментированы ее наиболее важные направления.

Ключевые слова: региональное развитие; пространственное развитие; государственное регулирование; региональная политика; системное упорядочение региональной политики; концепция систематизации; система региональной политики

Для цитирования: Швецов А.Н. Система региональной политики: концепция и реальность // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 6–29. DOI: 10.15372/REG20250101.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Реальная региональная политика – это не застывшая теоретически выверенная конструкция, она идет извилистым путем «проб и ошибок» и формируется как итог прежде всего разноплановой и противоречивой практической деятельности, реагирующей на нескончаемые проблемные ситуации и лишь отчасти подкрепляемой или корректируемой результатами научных исследований, призванных помочь прояснению места и роли этой политики, ее предпосылок, содержания и последствий. Многолетние неупорядоченные расширение круга и изменение содержания задач, разрастание структуры решающих их органов власти, а также увеличение числа объектов и разнообразия инструментов регулирования пространственного развития, распыленных по многим правовым актам, сверх меры усложняют организацию этой сферы, порождают ведомственную разобщенность, непоследовательность и противоречивость регулятивных действий, делают региональную политику все более громоздкой, дорогостоящей и критикуемой за ее недостаточную результативность.

Поэтому необходимым качеством региональной политики должна стать ее *системность*, выступающая как следствием увеличения масштаба, эскалации целей, расширения предметного содержания и усложнения организации этой деятельности, так и предпосылкой повышения планомерности, результативности и эффективности мер государственного воздействия на региональное развитие. На всем протяжении своей тридцатилетней истории эта сфера никогда не была целостным объектом ни изначального *системного кон-*

структурирования, ни последующей ее систематизации¹. Вот почему актуальной является научно-прикладная задача *системного упорядочения* конгломерата целей, объектов, органов и мер государственного регулирования регионального развития, результатом решения которой должна стать непротиворечивая *система* региональной политики. Этому благоприятствуют и назревшая заинтересованность властей², и накопленные достижения академической и вузовской науки³. К такому шагу подталкивает и формальное завершение в 2025 г. действия Основ государственной политики регионального развития РФ.

¹ В указах Президента РФ и от 03.06.1996 г. № 803 «Об Основных положениях государственной политики в Российской Федерации», и от 16.01.2017 г. № 13 «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» в определениях региональной политики было формально по одному разу использовано слово «система», но не более того.

² Об этом свидетельствует разработка в последние годы комплексных документов: Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

³ В одной статье невозможно дать адекватную характеристику не только основному массиву соответствующих многолетних научных исследований, но даже наиболее значимым результатам, полученным учеными разных научных школ и исследовательских направлений. Для этого понадобилась бы многостраничная монография. И тем не менее назовем некоторые яркие недавние работы. Это подготовленный новосибирскими учеными всеобъемлющий труд [21], оценивающий тенденции пространственного развития современной России, а также институты и механизмы управления пространственными процессами. Отметим вклад дальневосточной научной школы пространственных исследований [16; 17] и ученых Уральского отделения РАН [3; 23]. Всегда были продуктивны на этом поприще географы-обществоведы [6; 7; 19; 22]. Особенное место в научном обосновании решений в области пространственного развития страны занимают результаты уникальной серии программ фундаментальных исследований, проведенных в 2009–2020 гг. содружеством трех десятков академических институтов во главе с Институтом географии РАН [1; 27]. Надеемся, будет простительным упоминание соответствующего авторского задела, который включает многие ранее опубликованные, в том числе в соавторстве с В.Н. Лексиним, книги и статьи, из которых тут назовем лишь [12; 14; 15]. См. также: *Швецов А.Н.* Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. – 2021. – № 6. – С. 66–100.

НЕОБХОДИМОСТЬ СИСТЕМНОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

На протяжении постсоветских реформ и кризисов региональная политика – это сфера непрекращающихся поисков способов государственного регулирования, отвечающих принципиально новым условиям и задачам пространственного развития, порожденным сменой устоев государства, сжатием и изменением конфигурации пространства страны, переменой принципов его организации. Следствием этих усилий становились многочисленные изменения, затрагивавшие как сущностные аспекты региональной политики, так и производные от них вопросы. В этом нельзя не видеть стремления власти приспособить регулятивные действия к разнообразной и подвижной ситуации в региональном развитии, сделать региональную политику более результативной и эффективной, полнее отвечающей качественно новым задачам регулирования преобразований в пространственной организации жизнедеятельности, обусловленных становлением федеративно-рыночной парадигмы, выбранной в начале 1990-х годов взамен унитарно-планового социализма⁴. Действовать при этом вынужденно приходилось ускоренно и в калейдоскопе проблемных ситуаций и смены управленческих приоритетов – от выживания территорий к их развитию, от антикризисного управления к стратегическому планированию. Много было сделано как в осмыслении сущности и закономерностей современного пространственного развития, возможностей и последствий регулирующих воздействий на пространственные процессы и ситуации, так и в приложении этих знаний к практическому решению разнообразных пространственно опосредованных проблем с применением новых инструментов. Была создана разветвленная нормативная правовая база, включающая в себя законы, подзаконные акты и ведомственные документы. Вместе с тем следует признать, что повышенный динамизм конструирования и правового закрепления региональной политики не во всем и не всегда был со-

⁴ См.: *Швецов А.Н.* Российское пространство в процессе исторических переходов... .

держательно обоснованным, целеустремленно последовательным и системно организованным.

Это не позволило региональной политике сложиться как *целостной системе* спланированных, целенаправленных, согласованных, ресурсно обеспеченных, ситуативно разнообразных, легитимных и транспарентных специальных государственных воздействий на пространственно опосредованные социоэкономические процессы и ситуации во имя и исходя из общегосударственных интересов. Фактической альтернативой так понимаемой политике все годы реформ выступала хаотично складывавшаяся практика произвольно (без достаточных, корректных и процедурно регламентированных обоснований), кулуарно (вне сферы широкого общественного внимания) и прихотливо (по политическим мотивам и вследствие лоббирования групповых интересов) принимаемых решений, не увязанных между собой. Неоднократная и непоследовательная (по принципу «реформа – контрреформа») смена «правил игры» сильно усложняла жизнь и объектам регулирования – российским регионам, и субъекту регулирования – федеральным органам власти, вносила в их взаимоотношения подозрительность, недовольство и недоверие. А главное, все более многочисленные разрозненные регулятивные нововведения, затрагивавшие лишь по отдельности те или иные направления и компоненты региональной политики и потому не дававшие синергического эффекта, не оправдывали связывавшихся с ними надежд на преодоление противоречий между прежней директивно-плановой и новой естественно-рыночной организациями пространства и оказались источниками ставших хроническими недостатков, таких как преобладание государственного патернализма в ущерб саморазвитию территорий, рецидивы советских подходов к размещению производства и расселению, застойная депрессивность ряда территорий, несбалансированность регионального и муниципального развития и др.

На наш взгляд, конструктивно подступиться к «завалу» накопившихся проблем возможно, только задействовав потенциал *системного упорядочения* всех аспектов региональной политики как единого целого: от представлений о сути пространственно органи-

зованного развития в постсоветский переходный период до процедур принятия соответствующих решений и оценки их результатов. Нужна новая, а именно *системная*, концепция современной региональной политики федеративного государства с местным самоуправлением и рыночной экономикой, призванная установить систему основных положений, исчерпывающе и непротиворечиво определяющих смысл, главные направления и актуальные цели этой политики, вычленяющих ее предметное содержание, а также закрепляющих принципиальные требования к выбору видов объектов регулирования, к организационной структуре управления, к составу инструментов, к объемам необходимых ресурсов, к обязательной оценке результативности и эффективности их использования для корректировки принимаемых решений. Смысл, долговременные ориентиры и предметное содержание региональной политики должны исходить из соответствующих фундаментальных государственных интересов, а цели и задачи – определяться конкретной социально-экономической ситуацией, сложившейся в пространственном развитии страны, имеющимися в этой сфере актуальными проблемами и возможностями их эффективного решения в приемлемые сроки.

При разработке концепции необходимо опираться на накопленный опыт подготовки аналогичных документов в предыдущие годы и использовать новые возможности (обусловленные результатами новейших научных исследований, государственными решениями, международным опытом) для системного упорядочения и модернизации региональной политики. Итогом этих усилий должна стать компактная и обозримая, целостная и непротиворечивая, прозрачная и логичная система, требующая минимального ручного управления и открытая для развивающихся и не разрушающих ее нововведений⁵.

⁵ Системная концепция региональной политики потребует правового закрепления. Это легче и быстрее сделать указом президента (взамен Основ), либо посвятить ей отдельный федеральный закон, но законотворческий вариант более трудоемок и длителен в разработке, хотя юридически является более сильным и устойчивым.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК СИСТЕМЫ

Система региональной политики понимается как управленческий механизм регулирования отношений, складывающихся по поводу пространственной организации социоэкономического развития страны, *в их единстве*. В концепции региональной политики как системы должны быть раскрыты ее следующие основные положения:

- сформулированы долговременные государственные интересы в развитии пространственной организации жизнедеятельности страны, пережившей в 1990-е годы радикальное сжатие пространства, смену функциональных ролей и геополитического значения отдельных его частей, а также сделавшей выбор в пользу рыночных и федеративно-самоуправленческих принципов и механизмов развития⁶;
- зафиксированы смысл, предметное содержание и основные направления региональной политики, в качестве устойчивой первоосновы которых выступают указанные государственные интересы;
- установлены место и роль региональной политики в системе государственного управления социоэкономическим развитием страны, принципы ее взаимодействия с другими видами государственной политики;
- обоснованы критерии и порядок диагностики пространственного развития страны и идентификации приоритетных для кон-

⁶ Этот выбор требует пересмотра стереотипных взглядов, закрепленных в государственной политике. Так, в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. процессы неорганизованного оттока населения с северных и восточных территорий расцениваются как признаки безусловного ухудшения ситуации. Но упускается из виду, что это следствие перехода от унитарно-плановой к федеративно-рыночной организации освоенного пространства, и изменение ситуации признается неблагоприятным в сравнении с отринутым советским прошлым. Отмеченные процессы неизбежны, и бороться с ними – значит закреплять неэффективную схему освоения. См.: *Швецов А.Н.* Российское пространство в процессе исторических переходов...

критических периодов проблем, постановки обусловленных ими задач органов власти и определения ресурсных возможностей по их решению;

- предусмотрен законодательный механизм систематического взаимодействия бизнеса и государства при пространственном размещении производства и развитии транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, в рамках которого (механизма) используются специальные методики подготовки решений, опирающиеся на развитое частно-государственное партнерство, взаимное доверие, ответственность и информационную открытость сторон;
- подтверждена и конкретизирована приверженность принципам реализации в федеративно устроенном государстве двухуровневой организации региональной политики, предусматривающей участие органов власти обоих государственных уровней – федерального и регионального, между которыми должно быть осуществлено разделение труда и одновременно предусмотрено их взаимодействие;
- предложена адекватная современным представлениям о соотношении естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений двухкомпонентная региональная политика. В рамках этой политики регионы сами заботятся о своем комплексном сбалансированном развитии, а федеральные власти, во-первых, обеспечивают необходимые общегосударственные условия для самостоятельного развития регионов, осуществляя общесистемную политику, направленную на создание общих предпосылок, благоприятствующих самостоятельному развитию регионов, а во-вторых, проводят селективную политику, выражающуюся в целенаправленно избирательном влиянии на определенные территориальные части страны, в воздействии на складывающиеся в них конкретные социальноэкономические и экологические ситуации, но не любые, а только те, которые имеют общественно признанное по законодательной процедуре обеими парламентскими палатами существенное значение в контексте общегосударственных инте-

ресов (содержат серьезную угрозу дестабилизации ситуации в стране в целом, ухудшения ее геополитического положения и т.д.) и которые региональные власти не в состоянии выправить самостоятельно;

- очерчены предметные сферы регулятивной деятельности федеральных органов различных ветвей государственной власти (субъектов региональной политики – от президента до министерств), определяющих и реализующих государственные интересы и цели пространственного развития в рамках региональной политики, конкретизированы состав этих органов, их компетенции и способы их взаимодействия между собой, а также с органами государственной власти регионов;
- определены виды пространственных образований, ситуации в границах которых могут выступать в качестве объектов региональной политики;
- упорядочен состав инструментов, допустимых для использования органами государственной власти при воздействии на пространственно опосредованные социоэкономические процессы и ситуации (от стратегического планирования до преференциальных режимов), и, главное, определены гласные предписания, критерии и процедуры выбора тех или иных инструментов для использования в конкретных ситуациях с учетом требований общественной эффективности;
- установлен порядок обязательного соотнесения планируемых мер региональной политики с видами, источниками и объемами потребных для их осуществления ресурсов;
- введены требования по учету особых потребностей региональной политики в распределении между федеральным и региональными бюджетами налоговых и иных доходов, в том числе предусматривающие обязательность территориального разреза бюджетных доходов и расходов, позволяющего оценить объемы «восходящих» и «нисходящих» потоков денежных средств по каждому региону;
- закреплено требование по обязательному учету региональных условий и оценке региональных последствий всех решений,

принимаемых федеральными органами власти в рамках любой (энергетической, транспортной, оборонной и др.) составляющей государственной политики;

- предусмотрено правило обязательного и методически корректного обоснования целесообразности и содержания мер региональной политики как инвестиционных проектов с расчетными оценками их результативности и эффективности, а также последствий не только для выбранных объектов, но и для других регионов;
- сформулированы требования к упорядочению нормативного правового обеспечения разработки и реализации региональной политики.

Рамки статьи не позволяют раскрыть указанные позиции во всей полноте. Поэтому ограничимся некоторыми комментариями.

О СМЫСЛЕ И ПРЕДМЕТНОМ СОДЕРЖАНИИ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Продолжавшиеся на протяжении трех десятилетий попытки исследователей, законодателей и практиков дать толкование региональной политики не увенчались успехом в том смысле, что не удалось предложить устраивающее всех понимание, которое уверенно закрепилось бы в научном обороте, в законодательстве, в управлении, в учебниках. Следствием этого стали терминологическая путаница и невнятность трактовки понятия региональной политики. Не отличаются определенностью и соответствующие нормативно-правовые документы, для которых такое качество императивно.

Первоначально, в середине 1990-х годов, президентским указом⁷ было введено понятие «региональная политика», которое обозначало систему целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием ре-

⁷ Указ Президента РФ от 03.06.1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

гионов страны. Через 20 лет это направление государственной деятельности согласно президентскому указу⁸ было переименовано в «государственную политику регионального развития», и под таковой стала пониматься система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по социально-экономическому и политическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Еще через два года уже правительственным решением⁹ было введено совершенно новое понятие – «стратегия пространственного развития»; предметом стратегии выступает пространственное развитие¹⁰, под которым понимается «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития».

Таким образом, в правовом регулировании регионального/пространственного развития действуют параллельно два главных документа: президентские Основы и правительственная Стратегия. Первый документ – более общий по замыслу (но его не раскрывший) и стоящий выше по статусу. Второй – по ранжиру ниже, но гораздо шире и глубже по содержанию и претендующий на главную доктринальную роль. В нем (чего нет в Основах) обозначены тенденции и проблемы, сформулированы цель и задачи пространственного раз-

⁸ Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.».

¹⁰ Понятие «пространственное развитие» приходит на смену понятию «региональное развитие» [27, с. 22–23]. Но в связи с этой метаморфозой возникли проблемы предметной и методологической неопределенности новой категории. Об их причинах и сути размышляют разные исследователи, которые по-разному и объясняют их. Так, авторитетный академический ученый В.Н. Лажнев обращает внимание на разногласия в отношении трактовок предмета исследования, подмену специфики пространственных процессов общими положениями региональной экономики, совмещение понятий и методов исследований пространственных и территориальных аспектов социально-экономического развития, отсутствие системности в организации практических работ в области государственного управления пространственным устройством России [10].

вития, приоритеты и направления, прописаны сценарии и механизмы их реализации. К тому же значимость Стратегии усиливает то, что она является еще и планово-конкретным документом. Стратегия стала *де-факто* новым выражением региональной политики, заменив прежние представления о ней настолько, что отвела «государственной политике регионального развития» подчиненную роль всего лишь способа реализации самой себя. Впору переименовывать политику из «региональной» в «пространственную», да и вместо «политика» уместнее говорить «стратегия». Эту коллизию следовало бы устранить, тем более что срок действия обоих документов заканчивается в 2025 г.

При доработке основополагающих документов следует обратить внимание на вопрос о сути и соотношении естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений [13]. В современном понимании органичное пространственное развитие возможно при условии разумного сочетания этих двух начал. Однако мы не можем избежать крайностей. После резкого поворота в 1990-е годы в сторону неумеренно стихийной децентрализации пространственной организации жизнедеятельности в 2000-е годы начался быстрый возврат к укреплению централизованного государственного регулирования, которое оказывается чрезмерным по задачам, затратам и неоправданным по ожиданиям. Государство возложило ответственность за пространственное развитие преимущественно на себя, что во многом лишило регионы и муниципалитеты преимуществ самоорганизации и самодеятельности.

Наряду с прояснением вопроса о мере государственного участия, важно уточнить его предметное содержание: вычленив именно пространственную составляющую развития страны, собственно пространственные аспекты этого разнообразного процесса, выбрать в широком спектре социоэкономических задач те из них, которые пространственно опосредованы и только потому могут (но не обязательно!) выступать предметом региональной политики. Критерий отнесения к пространственному развитию пока очень простой: раз происходит на территории (а все происходящее привязано к терри-

тории) – значит, территориальное. Потому и Основы, и Стратегия содержат цели и задачи, по своему содержанию вовсе не относящиеся к проблематике собственно пространственной организации развития. Но и те, которые являются пространственно обусловленными, не обязательно требуют участия государства в их решении.

ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Объектный состав региональной политики претерпевает постоянные изменения, причем настолько серьезные, что их следствием становятся даже изменения в Конституции РФ¹¹. Одной из новаций политики последних лет стало выделение целевых территорий, превосходящих по своим масштабам отдельные субъекты Российской Федерации и не укладывающихся даже в пределы федеральных округов. Речь о введении в законодательство понятия макрорегиона¹², под которым понимается часть территории страны, включающая в себя два и более региона и выделяемая для целей стратегического планирования. Эта норма узаконила начавшееся ранее восстановление государственного интереса к арктическому и восточному направлениям в развитии страны. Вследствие этого разворот приоритетными объектами региональной политики вновь стали макрорегионы: Арктика, Сибирь и Дальний Восток. И если можно говорить о том, что такой маневр наконец-то случился после первых постсоветских полутора десятилетий фактического забвения властями некогда стратегически важных макрорегионов, то научные исследования этих обширных зон усилиями давно сформировавшихся высококвалифицированных научных коллективов даже в неблагоприятные 1990-е годы

¹¹ Изменения претерпевает ст. 65 главы 3 «Федеративное устройство», где приводится состав субъектов РФ. Речь о проходивших в 2000-х годах укрупнениях региональных объектов государственного регулирования. Тогда было проведено слияние ряда субъектов РФ. В 2022 г. в состав РФ были приняты новые субъекты.

¹² См. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

не прекращались, что стало залогом быстрого и успешного обоснования соответствующих новых направлений региональной политики.

Об обширности и разнообразии исследовательских интересов и научных результатов российских ученых в изучении Арктики дают представление научно-прикладные достижения институтов РАН в рамках междисциплинарного проекта «Россия в Арктике: история, современность, перспективы» [24]¹³. Говоря об имеющихся научных оценках потенциала и проблем развития Сибири, об определении ее места в пространственной структуре российской экономики и как особого объекта региональной политики, следует обращаться к многочисленным и разнообразным результатам ученых новосибирского Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Из-за дефицита места вынужденно упомянем только свежий двухтомник под редакцией В.А. Крюкова и Н.И. Суслова [18] и некоторые новейшие статьи [4; 5; 25; 26]. Характеризуя вклад в изучение Сибири их коллег из других академических институтов, по тем же причинам сошлемся только на работы [8; 20].

Государственная политика воздействия на пространственное развитие не ограничивается региональными и макрорегиональными объектами. Территориальная действительность современной России не может быть ни объективно оценена, ни изменена к лучшему без должного внимания к более локальным объектам муниципального уровня, представленным различными типами поселений¹⁴. Примеры регулятивных воздействий, когда в качестве объектов региональной

¹³ Рекомендуем также обстоятельный и актуальный анализ северо-арктической тематики в систематических многолетних исследованиях В.Н. Лаженцева [9; 11].

¹⁴ Эту точку зрения мы начали отстаивать еще в 1990-е годы [14]. Из работ коллег на эту тему рекомендуем представленное в монографии [2] теоретически, понятийно и методически новое и креативное (как и все, что выходит из-под пера А.Н. Пилясова, будь то на тему регионального развития в целом или по особому близкой ему «северной» проблематике) исследование актуальных перемен в «малом» российском пространстве регионов, агломераций и городов.

политики выступали ситуации в таких локальных образованиях, не единичны и известны: речь идет о закрытых административно-территориальных образованиях, наукоградах, «шахтерских» городах и поселках, моногородах. В этом классе субрегиональных объектов государственного воздействия уже давно ищут место и городским агломерациям. Генерируются новые инициативы по государственной поддержке развития малых и средних городов, а также сельских населенных пунктов, включая государственную программу поддержки развития опорных населенных пунктов в рамках нового национального проекта «Инфраструктура для жизни». Речь о не менее 2 тыс. таких объектов. Кроме того, для не менее 200 крупных и малых городов, городских агломераций будет обеспечена поддержка разработки и реализации мастер-планов и планов комплексного социально-экономического развития. В ряду объектов региональной политики все более заметна совокупность точечных субмуниципальных территорий с особыми режимами ведения хозяйственной деятельности: особых экономических зон, территорий опережающего развития и др. И для того чтобы региональная политика стала подлинно системной, увеличивающаяся совокупность ее разнообразных объектов требует системного упорядочения.

Система региональной политики предполагает наличие системно организованного субъекта регулятивных воздействий. Вся предшествующая история организационно-управленческого проектирования крутилась вокруг вопроса о необходимости/ненужности специального федерального органа управления. Потребовался не один год противоречивой практики, чтобы уяснить, что обширнейшая и сложнейшая региональная проблематика не может быть уделом одного-единственного ведомства. В решение широкого спектра вопросов, относящихся к проблематике регионального (пространственного) развития, де-факто вовлечены многие органы разных ветвей власти федерального уровня. Состав этого множества не отличался постоянством. Так, в структуре федеральной исполнительной власти создавались и упразднялись министерство, отвечавшее за весь комплекс вопросов региональной политики (Минрегионразвития), министер-

ства по отдельным макрорегионам (Дальнему Востоку и Арктике, Северному Кавказу, Крыму), в администрации президента – соответствующие структурные подразделения, в Государственной думе и Совете Федерации – профильные комитеты. Предметы регулирования, степень и механизмы вовлеченности в процессы пространственного развития у названных органов различны. В связи с этим возникает сложная организационная задача рационального разделения функций и координации работы многих органов, с тем чтобы каждый из них в отдельности (в пределах своей компетенции) и все они вместе несли ответственность за результативность и эффективность соответствующей государственной политики. Другими словами, речь идет о формировании подлинно системной организации субъекта государственной политики в сфере пространственного развития¹⁵.

ИНСТРУМЕНТЫ И ПРАВОВАЯ БАЗА СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

«Приводными ремнями» региональной политики выступают воздействия на пространственно опосредованные процессы и ситуации. Их число неуклонно увеличивается, а диапазон решаемых задач расширяется – от преодоления депрессивных состояний и антикризисной поддержки территорий до стимулирования их опережающего развития и социоэкономической модернизации¹⁶. Этот процесс не отличается упорядоченностью. Его следствием становится противоречивый набор инструментов, одновременно, но не согласованно реализующих несколько типов региональной политики: «выравнивания» и «развития полюсов роста», «стимулирования» и «сдерживания», «конкуренции» и «сотрудничества». Неупорядоченность усиливается

¹⁵ См.: *Швецов А.Н.* Становление новой организации экономического пространства России: Опыт государственного регулирования и научных исследований пространственных преобразований. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.

¹⁶ Там же.

тем, что за государственные решения отвечают различные ведомства, мотивы (цели) которых нельзя назвать согласованными, а действия – скоординированными. Итогами бессистемного конструирования и применения инструментов пространственных преобразований являются малая результативность и низкая эффективность использующей этот инструментарий политики¹⁷.

То, что входит в понятие региональной политики (ее предметное поле, состав объектов регулирования, инструменты), в настоящее время «размыто» в многочисленных нормативных правовых актах различной правовой природы, неодинаковой юридической силы, федерального и регионального уровней. За годы становления этой политики ее правовая база разрослась неимоверно и стала совершенно необозримой. По данным Минэкономразвития, в России только преференциальных режимов действует до 15 видов, которые регулируются 245 нормативными правовыми актами¹⁸. Упорядочение этого неструктурированного множества документов – обязательное и важнейшее действие в рамках систематизации всего обширного и разнообразного хозяйства региональной политики.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Ключевое слово в этой статье – «система». Оно точно и емко определяет смысл и содержание назревшего совершенствования региональной политики. Говоря о системе региональной политики, мы подчеркиваем, что нужна не система вообще, а системная организация региональной политики *определенного типа*, отвечающая им-

¹⁷ Менять практику пытались. Минэкономразвития для наведения порядка в разрастающемся хозяйстве объявило еще в 2018 г. о разработке при подготовке Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. единого механизма поддержки территорий. Предлагалось объединить разнообразные типы территорий с преференциями для бизнеса в единую категорию – «специальные экономические зоны» и ввести четкий регламент льгот для их резидентов.

¹⁸ URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depOsobEcZone/201815012> (дата обращения: 15.01.2018).

перативу пространственных преобразований в соответствии с выбранной в начале 1990-х годов федеративно-рыночной парадигмой развития государства и с изменившимися масштабами и конфигурацией занимаемого им пространства. При этом такая организация – не единичное действие, а процесс последовательного повышения и постоянного поддержания системности. Все созданное за три десятилетия противоречивой реформационно-антикризисной практики и пионерного научного поиска в этой сфере требует «инвентаризации». С ее учетом и в соответствии с предложенной концепцией должны последовать уточнение смыслов, снятие противоречий, отказ от ошибочных решений, взаимоувязка компонентов, установление порядка выработки и применения согласованных мер государственного реагирования, превентивной и методически корректной оценки их результативности и эффективности.

Выполнение связанного с процессом систематизации комплекса требований и условий – это сверхзадача даже для научно-исследовательского проекта, не говоря уже о его практической реализации. Но только на этом пути возможно говорить о преодолении нынешней узвизимости региональной политики, которая представляет собой россыпь отдельных, не связанных воедино механизмов, регулирующих без согласования между собой различные стороны региональной действительности. Но региональная действительность целостна и сущностно едина, поэтому повышение результативности регулятивных мер по отдельным направлениям никак не гарантирует достижения общего эффекта, синергии региональной политики. И только пройдя стадию системного упорядочения, региональная политика сможет стать системным регулятором пространственного развития.

Список источников

1. *Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке* / Под ред. В.М. Котлякова, А.Н. Швецова, О.Б. Глезер. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – 365 с.
2. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – М.: Новый хронограф, 2013. – 548 с.

3. *Инновационное развитие регионов России: теория, практика, управление* / Под ред. А.И. Татаркина. – М.: Экономика, 2010. – 242 с.
4. *Крюков В.А.* Изучение экономики Сибири: преемственность и комплексность // *Регион: экономика и социология.* – 2018. – № 2 (98). – С. 3–32.
5. *Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Пространство и экономика Сибири: от изучения особенностей развития к проектированию направлений роста социальной ценности // *Проблемы прогнозирования.* – 2022. – № 5. – С. 33–42.
6. *Кузнецова О.В.* Проблемы региональной политики в трудах экономико-географов // *Социально-экономическая география в России.* – Владивосток: Русское географическое общество, 2016. – С. 130–135.
7. *Кузнецова О.В.* Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. – 2 изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 392 с.
8. *Кузнецова О.В.* Сибирь как объект федеральной политики регионального развития // *Вопросы географии.* – 2022. – № 154. – С. 141–159.
9. *Лаженцев В.Н.* Арктика и Север в контексте пространственного развития России // *Экономика региона.* – 2021. – Т. 17, вып. 3. – С. 737–754.
10. *Лаженцев В.Н.* О пространственном развитии (суждение по поводу предметной и методологической неопределенности) // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сер.: Экономические науки.* – 2023. – № 3 (61). – С. 103–111.
11. *Лаженцев В.Н.* О тематике научных работ по вопросам экономического развития Севера России // *Север и рынок: формирование экономического порядка.* – 2023. – № 1. – С. 35–43.
12. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 1997. – 372 с.
13. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // *Федерализм.* – 2024. – Т. 29, № 2 (114). – С. 5–31.
14. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика: В 5 т., 12 кн. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – Т. 1. – 992 с.
15. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 1024 с.
16. *Минакир П.А.* Российское экономическое пространство: Стратегические тупики // *Экономика региона.* – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 967–980.

17. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике / Отв. ред. В.М. Полтерович. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
18. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: В 2 т.* / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – 418 с.
19. *Общественная география в России: взгляд в будущее* / Под ред. П.Я. Бакланова, А.Г. Дружинина, В.А. Колосова. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022. – 130 с.
20. *Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири* / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. – 528 с.
21. *Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты* / Под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 502 с.
22. *Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов)* / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. – М.: Вузовская книга, 2012. – 336 с.
23. *Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления* / Под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2022. – 644 с.
24. *Российская Арктика: современная парадигма развития* / Под ред. А.И. Таркина. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 808 с.
25. *Селиверстов В.Е.* О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 66–114.
26. *Селиверстов В.Е.* «Пятилетка» пространственного развития и региональной политики России: бег на месте или готовность к рывку? // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 4 (112). – С. 30–81.
27. *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез* / Отв. ред. В.М. Котляков; науч. ред. О.Б. Глезер. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – 662 с.

Информация об авторе

Швецов Александр Николаевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (119333, Москва, ул. Вавилова, 44, корп. 2). E-mail: san@isa.ru.

DOI: 10.15372/REG20250101

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 6–29

A.N. Shvetsov

REGIONAL POLICY SYSTEM: CONCEPT AND REALITY

The modern concept of regional policy emerged during the early post-Soviet period, a time characterized by radical reforms and acute crises. The outcome of numerous reformative and anti-crisis “trial-and-error” approaches was a fragmented conglomerate of goals, objectives, institutions, and regulatory measures that addressed individual aspects of regional development in an uncoordinated and inconsistent manner. This lack of synergy in regulating spatial development resulted in an unsystematic framework dispersed across various legal acts and institutions. Such fragmentation complicates the effective organization and functioning of regional policy, fosters departmental disunity and inconsistency, and results in contradictory actions. As a consequence, regional policy is perceived as cumbersome and costly; it is often criticized for ineffectiveness.

Years of partial innovations have further complicated this framework without delivering substantial overall improvements. To radically enhance the efficiency and impact of regional policy, a systemic streamlining of it as an integral phenomenon is required, transforming it into a cohesive and consistently evolving framework. This need is reinforced by the formal conclusion of the current Fundamentals of State Regional Policy in 2025.

This article substantiates the rationale, prerequisites, and conceptual provisions for this proposed systematization and outlines its critical directions.

Keywords: regional development; spatial development; state regulation; regional policy; systemic streamlining of regional policy; systematization concept; regional policy system

For citation: *Shvetsov, A.N. (2025). Sistema regionalnoy politiki: konceptsiya i realnost [Regional policy system: Concept and reality]. Region:*

ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 6–29.
DOI: 10.15372/REG20250101.

References

1. *Kotlyakov, V.M., A.N. Shvetsov & O.B. Glezer* (Eds.). (2020). *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [Challenges and Politics of Spatial Development of Russia in the 21st Century]. Moscow, KMK Scientific Press Ltd., 365.
2. *Zamyatina, N.Yu. & A.N. Pelyasov*. (2013). *Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne* [The Russia We Found: Exploring Space at the Micro Level]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 548.
3. *Tatarkin, A.I.* (Ed.). (2010). *Innovatsionnoe razvitie regionov Rossii: teoriya, praktika, upravlenie* [Innovative Development of Russian Regions: Theory, Practice, Management]. Moscow, Ekonomika Publ., 242.
4. *Kryukov, V.A.* (2018). *Izuchenie ekonomiki Sibiri: preemstvennost i kompleksnost* [Studying Siberia's economy: Continuity and complexity]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (98), 3–32.
5. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov*. (2022). *Prostranstvo i ekonomika Sibiri: ot izucheniya osobennostey razvitiya k proektirovaniyu napravleniy rosta sotsialnoy tsnennosti* [The space and economy of Siberia: From studying the features of development to designing directions for the growth of social value]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 5, 33–42.
6. *Kuznetsova, O.V.* (2016). *Problemy regionalnoy politiki v trudakh ekonomiko-geografov* [Problems of regional policy in the works of economic geographers]. In: *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya v Rossii* [Socioeconomic Geography in Russia]. Vladivostok, Russian Geographical Society, 130–135.
7. *Kuznetsova, O.V.* (2015). *Regionalnaya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Russia's Regional Policy: 20 Years of Reforms and New Opportunities]. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 392.
8. *Kuznetsova, O.V.* (2022). *Sibir kak obyekt federalnoy politiki regionalnogo razvitiya* [Siberia as an object of the federal policy of regional development]. *Voprosy geografii* [Geography Issues], 154, 141–159.
9. *Lazhentsev, V.N.* (2021). *Arktika i Sever v kontekste prostranstvennogo razvitiya Rossii* [The Arctic and the North: A Russian spatial development context]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], Vol. 17, No. 3, 737–754.
10. *Lazhentsev, V.N.* (2023). *O prostranstvennom razvitii (suzhdenie po povodu predmetnoy i metodologicheskoy neopredelennosti)* [About the spatial development (Judgment about the subject and methodology uncertainty)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Ser.: Ekonomicheskie nauki*

[Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences. Series: Economic Sciences], 3 (61), 103–111.

11. *Lazhentsev, V.N.* (2023). O tematike nauchnykh rabot po voprosam ekonomicheskogo razvitiya Severa Rossii [Economic development issues in the North of Russia: Research topics]. Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 1, 35–43.

12. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov.* (1997). Gosudarstvo i regiony: Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialnogo razvitiya [State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development]. Moscow, URSS Publ., 372.

13. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov.* (2024). Estestvennoe i regulyatивно-imperativnoe v prostranstvennom razvitii Rossii [Natural and regulative-imperative in the spatial development of Russia]. Federalizm [Federalism], Vol. 29, No. 2, 5–31.

14. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov.* (2001). Munitsipalnaya Rossiya: Sotsialno-ekonomicheskaya situatsiya, pravo, statistika [Municipal Russia: Socioeconomic Situation, Law, Statistics]. In 5 vols., 12 books, Vol. 1. Moscow, Editorial URSS Publ., 992.

15. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov.* (2012). Reformy i regiony: Sistemnyy analiz protsessov reformirovaniya regionalnoy ekonomiki, stanovleniya federalizma i mestnogo samoupravleniya [Reforms and Regions: Systemic Analysis of Reforms in Regional Economics, Development of Federalism, and Local Self-Government]. Moscow, LENAND Publ., 1024.

16. *Minakir, P.A.* (2019). Rossiyskoe ekonomicheskoe prostranstvo: Strategicheskie tupiki [Russian economic space: Strategic impasses]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], Vol. 15, No. 4, 967–980.

17. *Minakir, P.A., A.N. Demyanenko & V.M. Polterovich* (Ed.). (2014). Ocherki po prostranstvennoy ekonomike [Essays on Spatial Economics]. Khabarovsk, Economic Research Institute FEB RAS Publ., 272.

18. *Kryukov, V.A. & N.I. Suslov* (Eds.). (2023). Novyy impuls Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya [New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development]. In 2 vols. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 418.

19. *Baklanov, P.Ya., A.G. Druzhinin & V.A. Kolosov* (Eds.). (2022). Obshchestvennaya geografiya v Rossii: vzglyad v budushchee [Public Geography in Russia: A Look Into the Future]. Rostov-on-Don & Taganrog, Southern Federal University Publ., 130.

20. *Kotlyakov, V.M. & V.A. Shuper* (Eds.). (2022). Preodolenie “kontinentalnogo proklyatya”: budushchee Sibiri [Overcoming the “Continental Curse”: The Future of Siberia]. Moscow, Media-PRESS Publ., 528.

21. *Kolomak, E.A.* (Ed.). (2020). Prostranstvennoe razvitie sovremennoy Rossii: tendentsii, faktory, mekhanizmy, instituty [Spatial Development of Modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutions].

Trends, Factors, Mechanisms, Institutions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 502.

22. *Druzhinin, A.G., V.A. Kolosov & V.E. Shuvalov* (Eds.). (2012). *Prostranstvo sovremennoy Rossii: vozmozhnosti i barery razvitiya (razmyshleniya geografov-obshchestvovedov)* [The Space of Modern Russia: Opportunities and Barriers to Development (Reflections of Geographers and Social Scientists)]. Moscow, Vuzovskaya Kniga Publ., 336.

23. *Lavrikova, Yu.G.* (Ed.). (2022). *Riski i vozmozhnosti razvitiya regionov Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya* [Risks and Opportunities for the Development of Russian Regions under Sanctions Pressure]. Yekaterinburg, Institute of Economics UB RAS Publ., 644.

24. *Tatarkin, A.I.* (Ed.). (2014). *Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya* [The Russian Arctic: The Modern Development Paradigm]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 808.

25. *Seliverstov, V.E.* (2024). *O konturakh i realisticnosti novoy modeli razvitiya Sibiri* [A new model for Siberia's development: Exploring the contours and feasibility]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 66–114.

26. *Seliverstov, V.E.* (2021). "Pyatiletka" *prostranstvennogo razvitiya i regionalnoy politiki Rossii: beg na meste ili gotovnost k ryvku?* [The five-year period of Russia's spatial development and regional policy: Running in place or getting ready for a breakthrough?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (112), 30–81.

27. *Kotlyakov, V.M. & O.B. Glezer.* (2013). *Fundamentalnye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: mezhdistsiplinarnyy sintez* [Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis]. Moscow, Media-Press Publ., 662.

About Author

Shvetsov, Alexander Nikolaevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at Federal Research Center Computer Science and Control, Russian Academy of Sciences (bldg. 2, 44, Vavilov St., Moscow, 119333, Russia). E-mail: san@isa.ru.

Поступила в редколлегию 24.07.2024.

После доработки 02.09.2024.

Принята к публикации 06.09.2024.

© Швецов А.Н., 2025

УДК 620.9:581.524.441

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 30–62

**Б.Г. Санеев, И.Ю. Иванова, А.Г. Корнеев,
Е.П. Майсюк, Т.Ф. Тугужева, Н.А. Халгаева**

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИКИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ КАК ДРАЙВЕР НАРАЩИВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ

Анализ существующих структуры и параметров энерго- и топливopotребления арктической зоны Красноярского края позволил выявить важные особенности энергоснабжения этой территории. В арктической зоне края проживает преимущественно городское население, 88% от численности ее жителей. Основная часть населения сконцентрирована в г. Норильске, энергоснабжение которого осуществляется за счет местных энергоресурсов и связано с деятельностью по добыче и переработке руд цветных и драгоценных металлов. В арктической зоне края сформирована крупная технологически изолированная энергосистема с тепловыми электростанциями и ГЭС, линиями электропередачи и газопроводом. Энергоснабжение удаленных и труднодоступных территорий, на которых проживает в основном сельское население, осуществляется за счет дизельных электростанций. На этих территориях функционируют малые котельные, обеспечивающие тепловой энергией социальные объекты: школы, больницы, детские сады.

Перспективы развития арктической зоны Красноярского края связаны с проектами освоения минеральных ресурсов. Реализация проектов требует расширения энергетической инфраструктуры, что станет импульсом к развитию не только промышленного комплекса, но и социаль-

ной среды. В результате проведенного анализа показано изменение структуры генерирующих мощностей для обеспечения как производственных процессов, так и комфортного проживания населения. Для удаленных труднодоступных территорий оценены масштабы использования ветроустановок и выявлены районы лучшего их размещения. Проведены социально-экономическая и экологическая оценки существующего состояния энергетики арктической зоны Красноярского края и возможных последствий при реализации перспективных проектов.

Ключевые слова: население; трудовые ресурсы; удаленные труднодоступные территории; локальная энергосистема; энергетические объекты; перспективные проекты; ветроэнергетические установки; социально-экономические и экологические оценки

Для цитирования: Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Корнеев А.Г., Майсюк Е.П., Тугузова Т.Ф., Халгаева Н.А. Развитие энергетики арктической зоны Красноярского края как драйвер наращивания социально-экономического потенциала территории // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 30–62. DOI: 10.15372/REG20250102.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ от 13.07.2020 г.¹ в состав арктической зоны Красноярского края входят муниципальное образование г. Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, муниципальное образование Туруханский район, 10 сельских поселений Эвенкийского муниципального района. Площадь арктической зоны, большая часть которой относится к категории удаленных и труднодоступных территорий, оценивается в 1094 кв. км и составляет 0,05% от всей площади края.

¹ См.: *Федеральный закон* от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата обращения: 11.04.2024).

Для данной территории на основе государственных документов о развитии Российской Арктики² правительством Красноярского края разработана и утверждена Стратегия социально-экономического развития северных и арктических территорий и поддержки коренных малочисленных народов до 2035 г.³ В этом документе описывается существующее социально-экономическое состояние и представлен детальный план хозяйственных преобразований, включающий реализацию масштабных проектов в различных секторах экономики. Так, для развития северных и арктических территорий края до 2035 г. намечены к реализации 16 крупных инвестиционных проектов, из которых семь – в Арктике. Основные проекты связаны со строительством и модернизацией мощностей по добыче цветных и благородных металлов (МО г. Норильск), с развитием туризма (Таймырский Долгано-Ненецкий район) и два масштабных проекта – с освоением месторождений топливно-энергетических ресурсов (угля, нефти и природного газа). Дальнейшее промышленное освоение арктической зоны края будет существенно влиять на ее перспективные экономические, энергетические и экологические характеристики.

Цель настоящего исследования состоит в оценке перспектив развития энергетики арктической зоны Красноярского края с учетом реализации крупных инвестиционных проектов и связанных с ними структурных изменений генерации энергии, а также возможных последствий в социально-экономическом и экологическом состоянии территории.

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 10.04.2024); Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 26.02.2024).

³ См.: Стратегия социально-экономического развития северных и арктических территорий и поддержки коренных малочисленных народов Красноярского края до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства Красноярского края от 03.02.2023 № 81-р. – URL: <http://24sever.krskstate.ru/docs/strategiya> (дата обращения: 15.03.2024).

Специфической особенностью исследуемой территории является проживание на ней малочисленных коренных народов Севера, жизнедеятельность которых связана с традиционными и исторически сложившимися видами хозяйствования. Как правило, расширение добычи топливно-энергетических ресурсов оказывает существенное влияние на всю экономику региона, и прежде всего на энергетику [11]. Важнейшим драйвером развития экономики арктических зон являются создание современной инфраструктуры, в первую очередь транспортной и энергетической, строительство специальных логистических центров по обслуживанию населения, в том числе и коренных народов.

Для оценки перспектив развития энергетики рассмотрено существующее состояние энерго- и топливоснабжения исследуемой территории, оценены особенности расселения населения и потенциальная потребность в электроэнергии при реализации проектов освоения месторождений минеральных ресурсов.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

На арктической территории Красноярского края насчитывается 60 населенных пунктов, в которых по результатам проведенной в 2020 г. переписи населения⁴ (состояние на 01.10.2021 г.) зафиксировано 224 874 жителя, или 8% численности населения края.

Среди поселений имеется три города – Норильск, Дудинка и Игарка, два поселка городского типа – Снежногорск и Диксон. Эти населенные пункты формируют городское население, которое составляет 88,4% от численности населения арктической зоны Красноярского края (табл. 1).

⁴ См.: *Итоги ВПН-2020*. Том 1: Численность и размещение населения. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 11.10.2024); *Всероссийская перепись населения 2020. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Красноярский край. Табл. 5: Численность населения Красноярского края, городских округов, муниципальных районов и округов, городских и сельских поселений, городских и сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более.* – URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 14.01.2025).

Таблица 1

Количество населенных пунктов и численность населения арктической зоны Красноярского края по итогам переписи 2020 г.

Муницип. образование, муницип. район	Кол-во населенных пунктов	Численность населения, чел.		
		Всего	Городское	Сельское
г. Норильск	2	175 237	175 237	–
Таймырский Долгано-Ненецкий	22	30 154	19 875	10 279
Туруханский	26	12 808	3 634	9 174
Эвенкийский	10	6 675	–	6 675
В с е г о	60	224 874	198 746	26 128

Источник: составлено авторами по данным Красноярскстата.

В муниципальном образовании г. Норильск находятся транспортно-логистический узел, центры предоставления социально-бытовых, медицинских, образовательных, сервисных услуг как для города, так и для всей территории Таймыра [6]. Население Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района сосредоточено преимущественно в г. Дудинка и пгт Диксон. Более 34% населения района проживает в 20 сельских поселениях. Хозяйственная деятельность жителей района в настоящее время связана с добычей топливно-энергетических ресурсов, производством электрической и тепловой энергии. Значительную роль играет транспортный сектор. Почти 72% населения Туруханского муниципального района – сельское. Административный центр района – с. Туруханск. В 2020 г. в арктическую зону Красноярского края вошли 10 населенных пунктов Эвенкийского муниципального района, включая центр района п. Тура. Все население является сельским. Большинство населенных пунктов расположено за Северным полярным кругом.

Для дальнейших исследований проведена группировка населенных пунктов по численности населения. Сформировано четыре ка-

тегории: 1) с числом жителей от 1 до 200 чел.; 2) от 201 до 500 чел.; 3) от 501 до 1000 чел.; 4) более 1000 чел. Ранжирование населенных пунктов по численности жителей показало, что основная масса населения красноярской Арктики проживает в трех крупных городах (Норильск, Дудинка, Игарка) и двух поселках городского типа. Остальная часть населения проживает в 55 сельских поселениях, из которых пять – это крупные населенные пункты (с числом жителей более 1000 чел.), в них проживает немногим более половины всего сельского населения арктической зоны края – 54% (табл. 2). Более 11% населения проживает на удаленных и труднодоступных территориях в 54 населенных пунктах, включая пгт Диксон (табл. 3).

Таблица 2

Группировка населенных пунктов арктической зоны Красноярского края по численности населения

Тип населенного пункта	Категории населенных пунктов по численности жителей, чел.				
	1–200	201–500	501–1000	Более 1000	Всего

Кол-во населенных пунктов по категориям, ед.

Поселки городского типа	–	1	1	–	2
Города	–	–	–	3	3
Сельские поселения	26	17	7	5	55
И т о г о	26	18	8	8	60

Численность населения по категориям, тыс. чел.

Поселки городского типа	–	0,3	0,8	–	1,1
Города	–	–	–	197,6	197,6
Сельские поселения	2,4	4,9	4,7	14,1	26,1
И т о г о	2,4	5,2	5,5	211,7	224,8

Источник: составлено авторами по данным Красноярскстата.

Таблица 3

Группировка населенных пунктов на удаленных и труднодоступных территориях арктической зоны Красноярского края по численности населения

Тип населенного пункта	Категории населенных пунктов по численности жителей, чел.				
	1–200	201–500	501–1000	Более 1000	Всего
<i>Кол-во населенных пунктов по категориям, ед.</i>					
Поселки городского типа	–	1	–	–	1
Сельские поселения	26	17	5	5	53
Итого	26	18	5	5	54
<i>Численность населения по категориям, тыс. чел.</i>					
Поселки городского типа	–	0,3	–	–	–
Сельские поселения	2,4	4,9	3,1	14,1	24,5
Итого	2,4	5,2	3,1	14,1	24,8

Источник: составлено авторами по данным Красноярскстата.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Арктические территории имеют большое значение в развитии Красноярского края. Обладая богатыми запасами разнообразных минерально-сырьевых ресурсов, они ориентированы на промышленное развитие, связанное с добычей и переработкой полезных ископаемых. В 2023 г. производство промышленной продукции в арктической зоне составило 1924,9 млрд руб., или 58,1% от общего производства в крае. В структуре собственного промышленного производства на долю обрабатывающих производств приходится 62,9%, на добычу полезных ископаемых – 35%. В то же время производство продукции в добыче полезных ископаемых составляет в краевом объеме около 90%.

В арктической зоне относительно краевых показателей производится более 18% валового регионального продукта, осваивается 55% инвестиций, формируется 33% прибыли (табл. 4). Численность

Таблица 4

Роль арктической зоны в экономике Красноярского края, 2022 г.

Показатель	Красноярский край	Арктическая зона	
		Всего	Доля, %
Производство промышленной продукции, млрд руб.	3 313,6	1 924,9	58,1
Инвестиции, млрд руб.	926,4	510,0	55
Производство ВРП, млрд руб. (оценка)	3 500	630	18
Численность занятых работников, тыс. чел.	1 396,7	130,0	9,3
Средняя заработная плата в месяц, тыс. руб.	81,1	138,0	170,0
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки предприятий), млрд руб.	1173	293	25
Прибыль предприятий, млрд руб.	1 363,8	450,3	33,0

Источники: Основные компоненты социально-экономического потенциала Северного макрорайона Красноярского края: Стат. бюлл. / Красноярскстат. – Красноярск, 2021; Красноярский край в цифрах 2023: Стат. сб. / Красноярскстат. – Красноярск, 2024; оценки авторов.

занятых работников в промышленности составила в 2023 г. 130 тыс. чел. (9,3% от общей численности занятых в крае и 20% от численности занятых в промышленности).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Энергорайоны технологически изолированной энергосистемы

В арктической зоне Красноярского края централизованное электроснабжение представлено двумя функционирующими изолированными от красноярской энергосистемы энергорайонами: Норильско-Таймырским и Ванкорским. Энергетическая изолированность обусловлена удаленностью и отсутствием транспортной инфраструктуры.

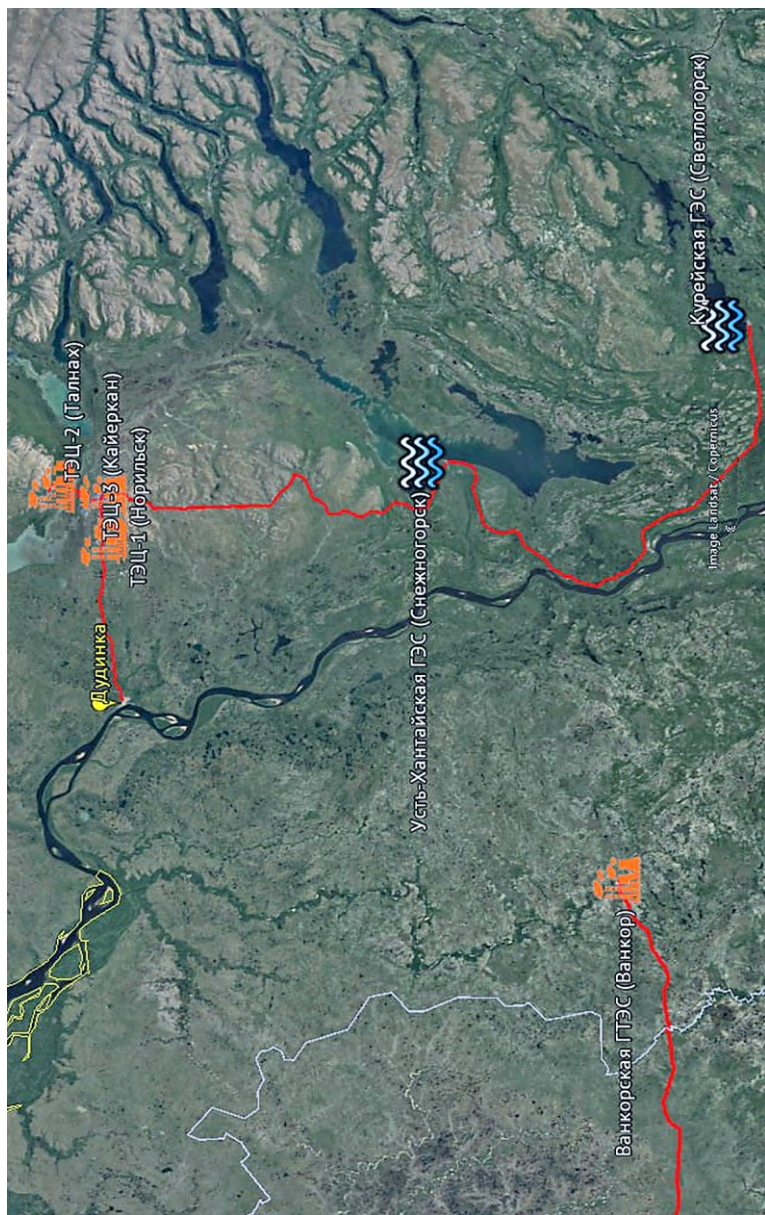

Рис. 1. Размещение электростанций Норильско-Таймырского и Ванкорского энергорайонов

Источник: составлено н.с. ИСЭМ СО РАН Р.А. Ивановым по запросу авторов

Основная часть мощности электростанций технологически изолированной территориальной энергосистемы находится в ведении АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания», которое обеспечивает электроэнергией Норильский горно-металлургический комбинат, г. Норильск, г. Дудинка, пгт Снежногорск, пос. Светлогорск и г. Игарка. В составе энергорайона пять электростанций суммарной установленной мощностью 2 271 МВт, половина которой приходится на ГЭС (рис. 1).

Основу Ванкорского энергорайона составляет газотурбинная электростанция ООО «РН-Ванкор», оператора по освоению месторождений Ванкорского кластера. Ванкорский энергорайон осуществляет электроснабжение объектов месторождения, нефтепровода Ванкор – Пурпе и прилегающих производственных баз, имеет элект-

Таблица 5

Показатели функционирования электростанций технологически изолированной энергосистемы арктической зоны Красноярского края, 2022 г.

Электростанция	Установленная мощность, МВт	Производство электроэнергии, млн кВт·ч
Норильская ТЭЦ-1	320,0	1 085,1
Норильская ТЭЦ-2	350,0	1 417,1
Норильская ТЭЦ-3	440,0	955,5
Усть-Хантайская ГЭС	511,0	2 401,0
Курейская ГЭС	600,0	2 028,2
Ванкорская ГТЭС	206,4	1 809,5
Итого	2 477,4	9 427,4

Источник: составлено авторами по данным: *Схема* и программа перспективного развития электроэнергетики технологически изолированной территориальной электроэнергетической системы Красноярского края на период 2024–2028 годов. Утв. распоряжением Правительства Красноярского края от 24.05.2023 № 366-р. – URL: http://www.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/22900_366_r.pdf (дата обращения: 15.04.2024); *Схема* и программа перспективного развития электроэнергетики Красноярского края на период 2022–2026 годов. Утв. распоряжением губернатора Красноярского края от 30 апреля 2021 года № 212-пр. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/574771512> (дата обращения: 15.04.2024).

рические связи с Северным энергорайоном тюменской энергосистемы. С 2015 г. Ванкорский энергорайон учитывается в составе красноярской энергосистемы. В структуре производства электроэнергии в зоне централизованного электроснабжения более 50% занимают тепловые электростанции (табл. 5).

Удаленные труднодоступные территории

Электроснабжение потребителей в арктической зоне Красноярского края, за исключением крупных энергорайонов, осуществляется от дизельных электростанций (ДЭС) различной мощности⁵. Суммарная установленная мощность 61 ДЭС составляет 90 МВт [5]. В таблице 6 представлены показатели функционирования ДЭС по категориям населенных пунктов.

Таблица 6

Показатели функционирования дизельных электростанций в арктической зоне Красноярского края, 2022 г.

Показатель	Численность населения, чел.				Итого
	До 200	201–500	501–1000	Более 1000	
Кол-во электростанций, ед.	26	19	5	11	61
Суммарная установленная мощность, МВт	8,8	15,1	7,1	58,7	89,7
Производство электроэнергии, млн кВт·ч	8,9	17,5	10,1	86,3	122,8
Потребление топлива, тыс. т у.т., всего	3,6	6,7	3,8	28,4	42,5
В том числе:					
дизельного	3,6	6,7	3,8	12,6	26,7
нефти	–	–	–	15,8	15,8

Источник: составлено авторами по данным [5].

⁵ См.: Сведения об энергоисточниках: Приложение к письму министерства промышленности, энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Красноярского края от 23.05.2023 № 78-2423/06 (по запросу авторов). – 22 с.

Наибольшее количество автономных электростанций (74%) расположено в населенных пунктах, относящихся по численности жителей к первым двум категориям, их единичная мощность не превышает 1 МВт. В то же время 79% электроэнергии вырабатывается на ДЭС в крупных населенных пунктах.

В структуре мощности электростанций арктической зоны края около 52% приходится на газовые электростанции Норильско-Таймырского и Ванкорского энергорайонов, 44% занимают ГЭС и лишь 4% – дизельные электростанции. В структуре выработки электроэнергии доля ДЭС еще ниже.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИКИ И ТОПЛИВОСНАБЖЕНИЯ

Теплоснабжение населенных пунктов в арктической зоне, исключая населенные пункты, где расположены тепловые электростанции, осуществляется от котельных суммарной установленной мощностью 132,8 Гкал/ч (табл. 7). Гораздо меньшее количество котельных по сравнению с ДЭС обусловлено тем, что во многих населенных пунктах, особенно мелких, имеются котельные, обеспечивающие теплом школы, больницы, детские сады и т.д., данные о мощности, произ-

Таблица 7

Показатели функционирования котельных в арктической зоне Красноярского края, 2022 г.

Показатель	Численность населения, чел.				Итого
	До 200	201–500	501–1000	Более 1000	
Кол-во котельных, ед.	3	7	7	18	35
Суммарная установленная мощность, Гкал/ч	3,5	21,6	11,6	96,1	132,8
Производство тепловой энергии, тыс. Гкал	2,9	28,8	140,2	103,3	275,2

Окончание табл. 7

Показатель	Численность населения, чел.				Итого
	До 200	201–500	501–1000	Более 1000	
Потребление топлива, тыс. т у.т., всего	2,3	14,3	118,2	31,0	165,8
В том числе:					
угля	1,9	12,4	76,3	31,0	121,6
газа	–	–	37,7	–	37,7
нефти	–	1,3	4,0	–	5,3
дров	0,4	0,6	0,2	–	1,2

Источник: составлено авторами по данным: *Сведения об энергоисточниках:* Приложение к письму министерства промышленности, энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Красноярского края от 23.05.2023 № 78-2423/06 (по запросу авторов). – 22 с.

водстве тепловой энергии и расходе топлива по которым не представляются.

Основным топливом (73%) для котельных является уголь: каменный Кайерканского и Минусинского месторождений, бурый Бородинского и Хатангского месторождений⁶. Кроме того, в котельной с. Караул (Таймырский Долгано-Ненецкий район) сжигается газ, составляющий 22,7% от суммарного потребления топлива котельными. В незначительном количестве используются нефть и дрова.

Преимущественную долю (95%) в суммарном потреблении топлива всеми типами энергоисточников в арктической зоне края составляет газ (табл. 8). Для трех ТЭЦ АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» используется природный газ Пеляткинского газоконденсатного месторождения. На ГТЭС АО «Ванкор-нефть» в качестве топлива используется попутный газ. В большин-

⁶ См.: *Сведения об энергоисточниках:* Приложение к письму министерства промышленности, энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Красноярского края от 23.05.2023 № 78-2423/06 (по запросу авторов). – 22 с.

Таблица 8

Расход топлива объектами энергетики в арктической зоне Красноярского края, 2022 г., тыс. т у.т./год

Вид топлива	Расход топлива
Газ	3 103,5
Дизельное топливо	26,7
Нефть	21,1
Уголь	121,6
Дрова	1,2
В с е г о	3 274,1
В том числе:	
электростанциями	3 108,3
котельными	165,8

Источник: составлено авторами по данным формы Росстата «Сведения об использовании топливно-энергетических ресурсов» за 2022 г. с учетом данных компаний.

стве удаленных населенных пунктов основным топливом на ДЭС служит дизельное. Нефть используется только в трех крупных населенных пунктах: селах Хатанга, Туруханск и пос. Бор. При этом потребление нефти составляет 37% от суммарного потребления топлива автономных электростанций.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Для анализа текущего состояния экономики и энергетики арктических территорий Красноярского края использованы данные социально-экономических бюллетеней Красноярскстата, статистической отчетности Росстата «Сведения об использовании топливно-энергетических ресурсов» за 2022 г. с учетом данных компаний, Схемы и программы перспективного развития электроэнергетики технологически изолированной территориальной электроэнергетической системы Красноярского края на период 2024–2028 гг., а также программные документы и стратегии развития территории. Основой для

анализа показателей энергообъектов на удаленных труднодоступных территориях края послужили данные доклада Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации [5] и материалы, полученные в ответ на запросы в муниципальные образования.

Расчеты потребности в электроэнергии для реализации перспективных проектов освоения месторождений минеральных ресурсов проведены нормативным методом исходя из намечаемых объемов добычи или производства обозначенного в проекте ресурса⁷. Выбор предпочтительного варианта энергоснабжения перспективных предприятий по освоению минеральных ресурсов обоснован с использованием авторского методического подхода и модельного инструментария для оценки эффективности альтернативных вариантов энергоснабжения потребителей децентрализованной зоны [10]⁸.

Определение рациональной мощности ветроэлектростанций (ВЭС) и мест наилучшего их размещения на удаленных труднодоступных территориях красноярской Арктики выполнено на основе обобщенных зависимостей рациональной мощности ВЭС относительно максимума нагрузки потребителя, полученных авторами при многочисленных аналогичных исследованиях для различных территорий восточных регионов РФ⁹. Рациональная мощность ВЭС является важным аспектом для эффективного функционирования возобновляемых источников энергии в составе гибридных энергокомплексов [9; 12].

⁷ См.: Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Корнеев А.Г. Оценка электрических нагрузок потенциальных проектов освоения месторождений минерально-сырьевых ресурсов в восточных регионах Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 1 (37). – С. 4–14. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-1-4-14.

⁸ См. также: Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Ижбулдин А.К., Тугузова Т.Ф. Влияние освоения ресурсов Восточной Арктики на энерго- и топливоснабжение потребителей // Энергетическая политика. – 2021. – № 7 (161). – С. 86–95. DOI: 10.46920/2409-5516_2021_7161_86.

⁹ См.: Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Тугузова Т.Ф., Халгаева Н.А. Влияние природных и стоимостных факторов на выбор оптимальной мощности ветроэлектростанции в составе ветродизельного комплекса на востоке РФ // Альтернативная энергетика и экология. – 2016. – № 19-20. – С. 21–28. DOI: 10.15518/issue.2016.19-20.021-028.

Экологическая оценка как существующего, так и перспективного состояния природной среды в арктической зоне Красноярского края проводилась на основе данных об объемах потребления топлива на энергообъектах с использованием утвержденных методик по определению количества выбросов загрязняющих веществ в атмосферу котельными установками различной мощности и дизельными электростанциями¹⁰. Наряду с выбросами загрязняющих веществ рассчитывалось количество поступающего в атмосферу диоксида углерода как основного эмитента парниковых газов при стационарном сжигании топлива в соответствии с рекомендациями¹¹. Расчетные модели адаптированы для рассматриваемой территории посредством учета технических показателей энергоисточников, качественных характеристик и расхода используемого топлива.

Структурные изменения генерации электроэнергии при реализации проектов освоения минеральных ресурсов

В числе приоритетных в арктической зоне Красноярского края выявлены проекты освоения следующих месторождений: Черногорское и Норильск-1 редкоземельных металлов, Сузунское, Тагуль-

¹⁰ См.: *Методика* определения валовых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от котельных установок ТЭС. РД 34.02.305-98/ВТИ. – М., 1998; *Методика* определения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу при сжигании топлива в котлах производительностью менее 30 тонн пара в час или менее 20 Гкал в час. – М.: Гос. комитет по охране окружающей среды Российской Федерации (при участии фирмы «Интеграл», Санкт-Петербург), 1999. – 53 с.; *Методика* расчета выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных дизельных установок / Министерство природных ресурсов Российской Федерации; Научно-исследовательский институт охраны атмосферного воздуха (НИИ Атмосфера); Фирма «Интеграл». – СПб., 2001. – 15 с.; *Методическое* письмо НИИ Атмосфера от 17 мая 2000 г. № 335/33-07 «О проведении расчетов выбросов вредных веществ в атмосферу по “Методике определения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу при сжигании топлива в котлах производительностью менее 30 тонн пара в час или менее 20 Гкал в час”». – СПб.: НИИ Атмосфера, 2000. – 20 с.

¹¹ См.: *Приказ* Минприроды России от 27.05.2022 № 371 «Об утверждении методик количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.07.2022 № 69451). – URL: <https://carbonreg.ru/pdf/Общие%20НПА/Приказ%20Минприроды%20РФ%20от%2027.05.2022%20N%20371.pdf>. (дата обращения: 25.02.2024).

ское и Лодочное нефтегазовые Ванкорской площади, Сырадасайское и Малолемберовское коксующихся углей, Попигайское алмазное, Пайяхское нефтяное [1; 4; 7].

Суммарное электропотребление при реализации обозначенных проектов оценивается авторами почти в 10 млрд кВт·ч/год, т.е. практически соизмеримо с текущими значениями выработки электроэнергии. Потребность в электрической мощности превышает 1,7 ГВт¹².

Для реализации наиболее электроемких проектов (100–200 МВт) потребуется развитие генерирующих мощностей и электросетевой инфраструктуры энергорайонов: Норильско-Таймырского для редкоземельных месторождений Черногорское и Норильск-1; Ванкорского для нефтегазовых месторождений Сузунское, Тагульское и Лодочное (рис. 2).

При обосновании предпочтительной схемы энергоснабжения предприятий в районах нового освоения главным является выбор вида топлива и его рациональной логистики. Естественно, в проектах добычи топливных ресурсов будут использоваться собственные ресурсы для энергоснабжения производства. Результаты выполненных исследований по обоснованию рациональной схемы энергоснабжения предприятий по освоению месторождений металлических руд, представленные в работе [10], доказывают эффективность использования сжиженного природного газа (СПГ) в прибрежных районах арктических зон. Аналогичный вывод для арктических зон РФ сделан и в работе [2]. В связи с этим для освоения Попигайского месторождения эффективно строительство газотурбинной электростанции при условии создания системы газоснабжения на основе СПГ в восточных районах Российской Арктики.

При реализации проектов освоения месторождений минерального сырья и развитии инфраструктуры рост мощности электростанций в арктической зоне Красноярского края с учетом особых требований по резервированию в изолированных энергорайонах составит 1,7 раза относительно текущего уровня (табл. 9).

¹² См.: Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Корнеев А.Г. Оценка электрических нагрузок потенциальных проектов освоения месторождений минерально-сырьевых ресурсов в восточных регионах Арктической зоны Российской Федерации.

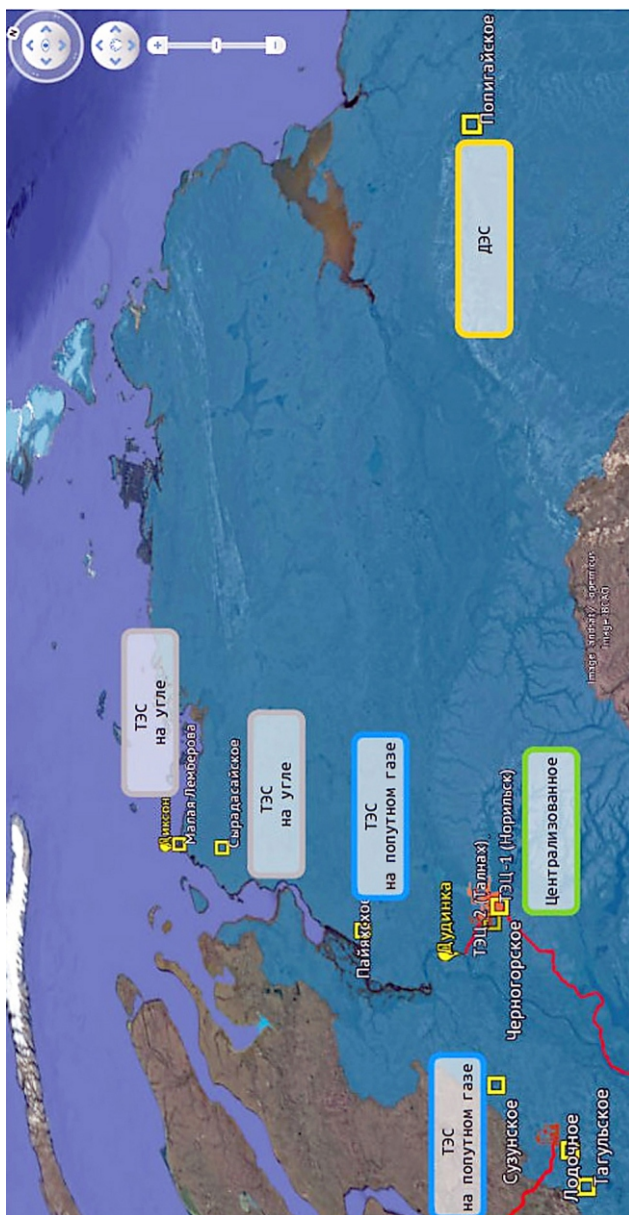

Рис. 2. Предпочтительные варианты энергоснабжения перспективных предприятий по освоению минеральных ресурсов

Источник: составлено н.с. ИСЭМ СО РАН Р.А. Ивановым по запросу авторов

Таблица 9

Изменение установленной мощности электростанций арктической зоны Красноярского края, МВт

Состояние	ТЭС, газ	ТЭС, уголь	ГЭС	ТЭС, попутный газ	ДЭС	Итого
Текущее	1 110	–	1 111	206,4	89,7	2 517
Перспективное	1 353	227	1 111	1 408,0	159,0	4 258

Источник: оценки авторов.

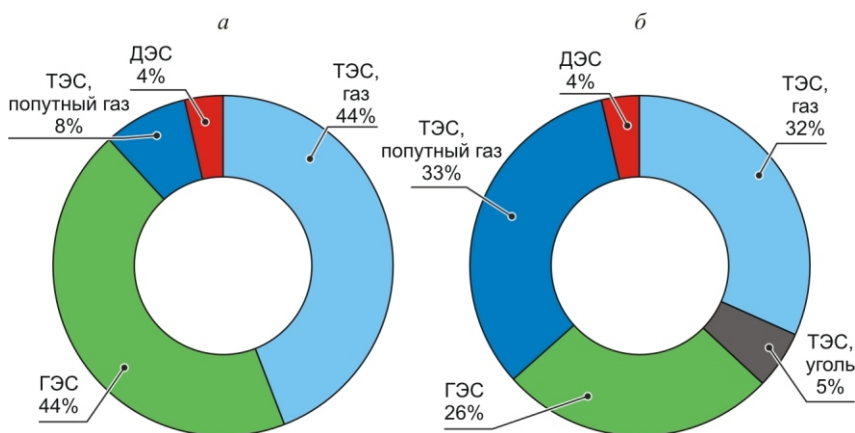

Рис. 3. Изменение структуры установленной мощности электростанций: а – текущее состояние; б – перспективное состояние

Источник: составлено авторами по результатам исследований

В структуре мощности электростанций произойдет снижение доли ГЭС за счет увеличения доли ТЭС на попутном газе и ввода ТЭС на угле (рис. 3).

Оценка масштабов использования энергии ветра для электроснабжения труднодоступных населенных пунктов

Арктические территории восточных регионов РФ обладают значительным потенциалом ветроэнергетических ресурсов. В Краснояр-

ском крае максимальные значения среднегодовых скоростей ветра отмечаются на территории Таймырского Долгано-Ненецкого района вдоль побережья Карского моря и моря Лаптевых. Использование ветропотенциала для энергоснабжения труднодоступных потребителей позволило бы сократить расход дизельного топлива и тем самым уменьшить дотации на обеспечение электроэнергией этой категории потребителей. На рисунке 4 представлены результаты оценки авторами мест наилучшего размещения ветроэлектростанций в арктической зоне края. Для каждого пункта по информации о ресурсном потенциале с использованием программы Wind-MCA рассчитаны коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) ветроустановки и коэффициент вариации скорости ветра в течение года¹³ на основе данных наземных измерений метеостанций¹⁴. Карта выполнена в программе QGIS – географической информационной системы с открытым кодом¹⁵.

В таблице 10 представлены характеристики мест наилучшего размещения ветроэлектростанций в арктической зоне края. Мощность ВЭС определена исходя из обобщенных зависимостей рациональной мощности ВЭС относительно максимума нагрузки потребителя для расчетных значений коэффициента использования установленной мощности. Для пунктов с КИУМ более 30% рациональная мощность ВЭС составляет 60–70% от максимума нагрузки потребителя.

На основе проведенных исследований и анализа полученных результатов масштабы использования ветропотенциала для электроснабжения удаленных труднодоступных потребителей, изолированных от систем централизованного электроснабжения, в арктической зоне края оцениваются в 3,5 МВт.

¹³ См.: *Свидетельство* о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014619044. Многокритериальная оценка эффективности использования ветроэнергетических установок (Wind-MCA) / В.А. Шакиров, А.Ю. Артемьев. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 08.09.2014 г.

¹⁴ URL: <https://rp5.ru> (дата обращения: 03.10.2023).

¹⁵ URL: <https://www.qgis.org/ru/site/about/> (дата обращения: 03.03.2023).

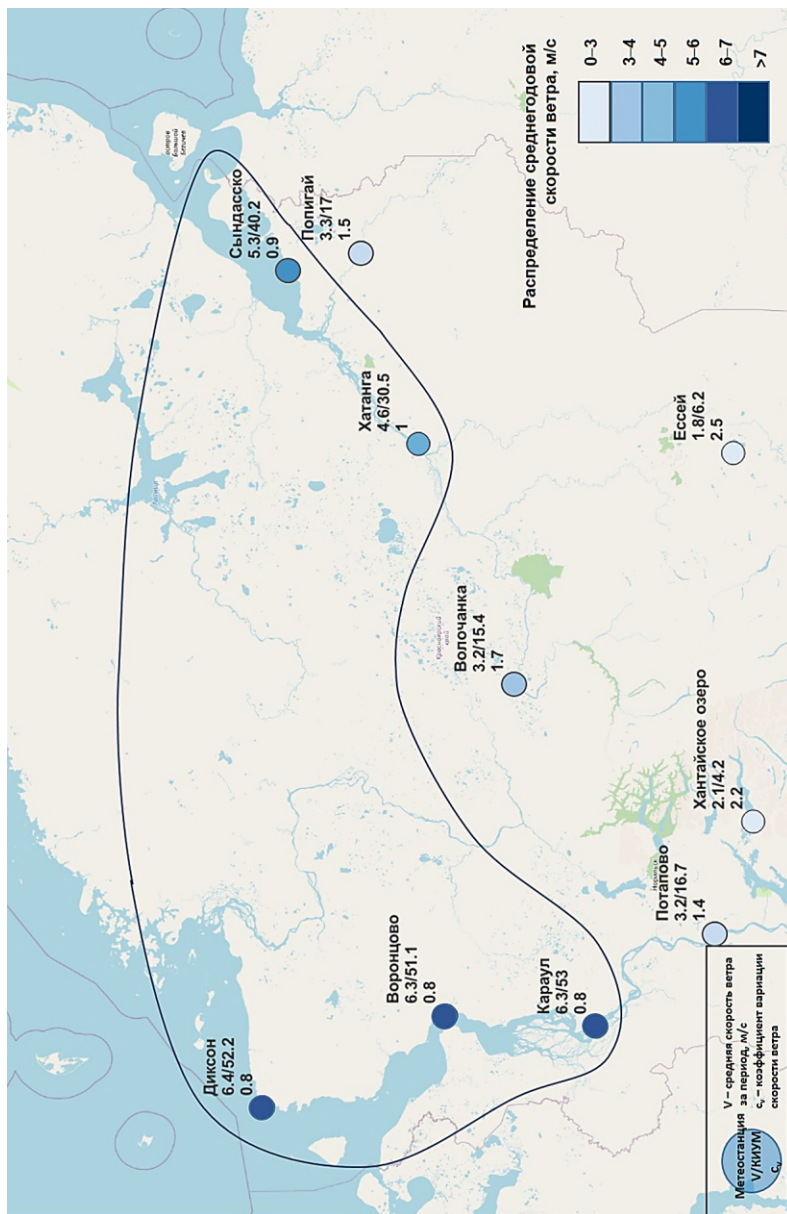

Рис. 4. Характеристики ветропотенциала пунктов арктической зоны Красноярского края
 Источник: составлено авторами

Таблица 10

Характерные показатели пунктов арктической зоны Красноярского края и рациональная мощность ВЭС

Населенный пункт	Среднегодовая скорость ветра, м/с	КИУМ, %	Максимальная нагрузка, кВт	Рациональная мощность ВЭС, кВт
пос. Воронцово	6,3	51,1	330	210
пгт Диксон	6,4*	52,2	990 (материковая часть), 180 (островная часть)	620 (материковая часть), 120 (островная часть)
с. Караул	6,3	53,0	810	510
пос. Сындасско	5,3	40,2	230	140
с. Хатанга	4,6	30,5	2 850	1 850
И т о г о			5 390	3 450

Примечание: * принято по гидрометеостанции Диксон, расположенной на материковой части.

Источник: составлено авторами по результатам исследований.

Социально-экономическая оценка комплексного энергоэкономического развития арктической зоны

Перспективное развитие необходимой энергетической инфраструктуры с опорой на использование рациональных централизованных и локальных схем электроснабжения, увязанных с реализацией крупнейших инвестиционных проектов по освоению минерально-сырьевой базы, обеспечит значительный дополнительный вклад в социально-экономическое развитие арктических территорий и Красноярского края в целом. Промышленность является базовой отраслью арктических территорий, и выпуск ее продукции выступает главным индикатором эффективности комплексного энергоэкономического развития. Выполненная оценка показала, что в перспективе до 2035 г. при своевременном электроснабжении реализуемых и планируемых к реализации инвестиционных проектов среднегодовые

темпы роста с 2020 по 2035 г. могут составить: в производстве промышленной продукции в целом – 107,6%, в добыче полезных ископаемых – 110,0%, в обрабатывающих производствах – 105,8%, в производстве электрической и тепловой энергии – 109,0%. Причем в общепромышленном производстве доля добычи полезных ископаемых вырастет к 2035 г. до 48,0%, в электро- и теплоэнергетике – до 3,2%, а в обрабатывающих производствах снизится до 48,6%, (табл. 11).

Создание новых промышленных предприятий в арктической зоне Красноярского края потребует привлечения к 2035 г. дополнительной рабочей силы в количестве 91 тыс. чел., что увеличит ее общую численность в промышленности до 221 тыс. чел. Значительно возрастут и налоговые поступления в консолидированный бюджет края, составив не менее трети от общих поступлений [8].

Таблица 11

Выпуск промышленной продукции в арктической зоне Красноярского края

Показатель	2020		2025		2030		2035	
	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%
Промышленное производство* (промышленность), всего	1 676,3	100,0	1 487	100,0	3 113,6	100,0	5 064	100,0
В том числе:								
добыча полезных ископаемых	577,0	34,4	654	44,0	1 432,3	46,0	2 431	48,0
обрабатывающие производства	1 046,8	62,4	784	52,7	1 578,6	50,7	2 458	48,6
обеспечение электрической и тепловой энергией	44,6	2,7	43	2,9	93,4	3,0	162	3,2
водоснабжение и водоотведение	7,5	0,4	6	0,4	9,3	0,3	13	0,25

Примечание: * в сопоставимых ценах 2020 г.

Источник: оценки авторов с использованием данных Стратегии социально-экономического развития северных и арктических территорий и поддержки коренных малочисленных народов Красноярского края до 2035 года (URL: <http://24sever.krskstate.ru/docs/strategiya>).

Экологическая оценка функционирования объектов энергетики

В современной статистике данные о суммарных выбросах загрязняющих веществ в атмосферу от объектов энергетики арктической зоны Красноярского края не приводятся¹⁶, поэтому в настоящей статье представлены расчетные оценки [3]. Суммарные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу оцениваются в 32,7–33,5 тыс. т/год, из которых 49% приходится на ТЭС, 46% – на котельные и 5% – на дизельные электростанции (рис. 5а). Основным источником эмиссии диоксида углерода также являются газовые ТЭС. Структура выбросов связана с преобладанием природного газа в качестве топлива. Наряду с выбросами оксида углерода и твердых частиц, наибольший

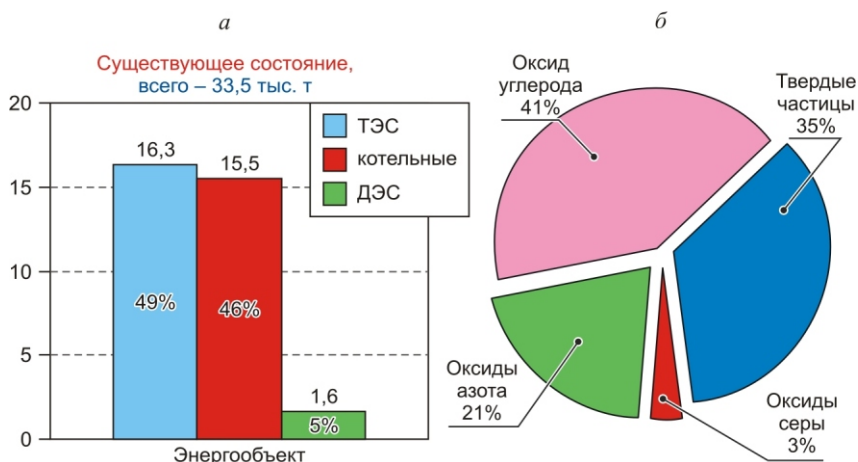

Рис. 5. Расчетные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от энергообъектов в арктической зоне Красноярского края, тыс. т/год (а), и их ингредиентная структура, % (б)

Источник: составлено авторами по результатам исследований

¹⁶ См.: Государственный доклад «О состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2021 году». – Красноярск, 2022. – 317 с. – URL: http://www.mpr.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/23022_svod_28.06.2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

процент соответствует выбросам оксидов азота (до 21%), при этом выбросы диоксида серы минимальны (рис. 5б).

Расчетные выбросы CO₂ от сжигания топлива на энергообъектах арктической зоны края составили 5,2 млн т с наибольшим вкладом газовых ТЭС и наименьшим (2%) – ДЭС.

При реализации перспективных проектов освоения минеральных ресурсов в арктической зоне края существенную долю в топливопотреблении составит попутный нефтяной газ. Заметно увеличится количество сжигаемого угля на ТЭС. С опорой на обоснованную оценку потребности в топливе для различных энергообъектов¹⁷ проведен расчет выбросов загрязняющих веществ и эмиссии диоксида углерода в атмосферу. Предполагается, что снижение выбросов SO₂ возможно осуществить, например, за счет использования на ТЭС мокрых систем золоулавливания с трубами Вентури или эмульгаторов, соответственно, выброс оксидов серы будет снижаться примерно на 20%. Для котельных предполагается увеличение степени пылеулавливания до 85% с установкой современных батарейных циклонов как на действующих, так и на вновь вводимых угольных теплоисточниках.

В целом расчетный выброс загрязняющих веществ в атмосферу при реализации перспективных проектов арктической зоны края характеризуется ростом в 2,4–2,5 раза по сравнению с современным уровнем (рис. 6)¹⁸. Основными источниками выбросов останутся, как и в настоящее время, крупные электростанции, их доля в суммарных выбросах составит 75–80%. Рост выбросов диоксида углерода составит немногим более 2,3 раза.

Изменится и ингредиентная структура выбросов загрязняющих веществ при сравнении перспективного состояния с существующим:

¹⁷ См.: Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Ижбулдин А.К., Тугузова Т.Ф. Влияние освоения ресурсов Восточной Арктики на энерго- и топливоснабжение потребителей.

¹⁸ См.: Санеев Б.Г., Майсюк Е.П., Иванова И.Ю. Оценка экологических последствий от объектов энергетики при реализации перспективных проектов освоения месторождений арктических территорий восточных регионов России // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 466–480. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-466-480.

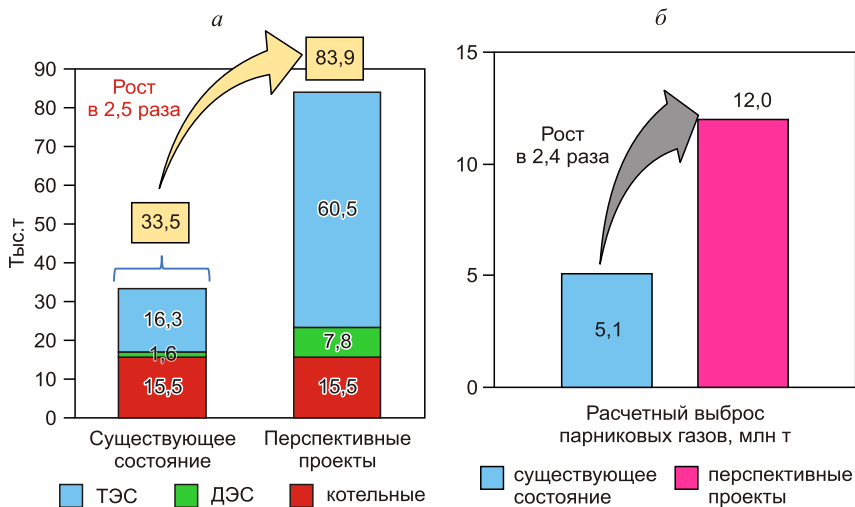

Рис. 6. Изменение структуры расчетных выбросов в атмосферу с учетом перспектив развития арктических территорий: а – загрязняющих веществ, тыс. т/год; б – парниковых газов, млн т/год

Источник: составлено авторами по результатам исследований

вырастет доля диоксида серы (с 3 до 29%) и оксидов азота (с 20 до 24%). Основной причиной такого роста является значительное увеличение потребления попутных нефтяных газов на нужды энергетических предприятий.

Таким образом, в атмосферу будет поступать до 83,1 тыс. т загрязняющих веществ. Экологические последствия при реализации проектов освоения месторождений характеризуются преимущественно ростом выбросов диоксидов серы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная часть населения арктической зоны Красноярского края обеспечивается электроэнергией от электростанций Норильско-Таймырского и Ванкорского энергорайонов. Населенные пункты, расположенные на удаленных и труднодоступных территориях вне зоны

централизованного электроснабжения, с числом жителей 24,8 тыс. чел. обеспечиваются энергией от автономных ДЭС.

Исследование проблем энергоснабжения арктических территорий Красноярского края показало, что важной его особенностью является наличие хорошо развитой локальной, хотя и изолированной, энергосистемы. Электроснабжение труднодоступных удаленных потребителей осуществляется за счет многочисленных ДЭС. В структуре мощности около 52% приходится на газовые электростанции Норильско-Таймырского и Ванкорского энергорайонов, 44% занимают ГЭС и лишь 4% – дизельные электростанции. Источниками теплоснабжения служат котельные с преимущественным потреблением угля. Однако основную долю (95%) в суммарном потреблении топлива энергоисточниками арктической зоны края в 3,3 млн т у.т. составляет газ, что обусловлено использованием его на крупных ТЭЦ.

Перспективы развития арктической зоны Красноярского края связаны с освоением минерально-сырьевых ресурсов, что повлечет за собой необходимость развития энергетической инфраструктуры. Обоснованы предпочтительные схемы энергоснабжения новых предприятий по освоению минеральных ресурсов. Для электроснабжения предприятий при освоении месторождений Сырадасайского и Малолемберовского целесообразно строительство электростанций на угле. Для энергоснабжения в рамках проектов освоения месторождений металлических руд в прибрежных районах арктических территорий наиболее эффективным является использование сжиженного природного газа. При реализации перспективных проектов и развитии инфраструктуры рост мощности электростанций в арктической зоне края с учетом особых требований по резервированию в изолированных энергорайонах составит 1,7 раза относительно текущего уровня.

Одним из перспективных направлений энергоснабжения удаленных труднодоступных потребителей в арктической зоне Красноярского края является использование ветропотенциала. Рациональные масштабы применения ВЭС оцениваются в 3,5 МВт. Использование ветропотенциала в таких масштабах позволило бы снизить расход дизельного топлива на 2 тыс. т/год и тем самым сократить ежегодные

дотации на обеспечение электроэнергией этой категории потребителей на 160–180 млн руб.

В перспективе до 2035 г. выпуск промышленной продукции по сравнению с 2020 г. может увеличиться в 3,5 раза, что существенно повысит и доходы населения, и его занятость, а также увеличит возможности местных и краевого бюджетов в социальной защите населения.

В то же время масштабное развитие энергетической инфраструктуры будет связано с увеличением выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в атмосферу. При реализации перспективных проектов по освоению ресурсов в арктической зоне края это увеличение составит 2,4–2,5 раза.

Развитие арктических территорий должно иметь социально-экономическую направленность и быть связано не только с разработкой и реализацией перспективных проектов, но и с улучшением качества жизни населения, социальных условий, с поддержкой традиционных видов деятельности коренного населения, с обеспечением благоприятной природной среды за счет использования современных энергетических технологий.

Работа выполнена в рамках проекта государственного задания (№ FWEU-2021-0004) программы фундаментальных исследований РФ на 2021–2030 гг. с использованием ресурсов ЦКП «Высокотемпературный контур» (Минобрнауки России, проект № 13.ЦКП.21.0038)

Список источников

1. Волков А.В., Галямов А.Л., Лобанов К.В. Минеральное богатство Циркумарктического пояса // Арктика: экология и экономика. – 2019. – № 1 (33). – С. 106–117. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-106-117.
2. Климентьев А.Ю., Книжников А.Ю. Потенциал газификации Арктической зоны Российской Федерации сжиженным природным газом (СПГ): Аналитический обзор / Всемирный фонд дикой природы (WWF). – М., 2018. – 84 с.
3. Майсюк Е.П., Иванова И.Ю. Экологическая оценка природы Восточной Арктики: вклад объектов энергетики // Энергетическая политика. – 2021. – № 5. – С. 80–93. – URL: <https://energypolicy.ru/wp-content/uploads/2021/05/№5159-2021.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

4. *Мир Арктики*: В 3 т. Т. 2: Подходы и практики / Под ред. В.А. Крюкова и А.К. Криворотова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 370 с.
5. *Объекты генерации в изолированных и труднодоступных территориях в России: Аналитический доклад / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.* – М., 2020. – 78 с.
6. *Пилясов А.Н.* Алгоритм одоления монопрофильности арктического города: случай Норильска // *Арктика и Север.* – 2023. – № 53. – С. 101–134. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.53.101.
7. *Шишацкий Н.Г.* Перспективы развития северных и арктических районов в рамках мегапроекта «Енисейская Сибирь» // *Арктика и Север.* – 2018. – № 33. – С. 66–90. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.66.
8. *Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А., Матвеев А.М.* Проблемы и перспективы развития Арктической зоны Красноярского края // *ЭКО.* – 2018. – № 4. – С. 8–28. DOI: 10/30680/ECO0131-7652-2018-4-8-28.
9. *Cheng-Dar Yue, Chung-Sheng Chen, Yu-Chen Lee.* Integration of optimal combinations of renewable energy sources into the energy supply of Wang-An Island // *Renewable Energy.* – 2016. – Vol. 86. – P. 930–942. DOI:10.1016/J.RENENE.2015.08.073.
10. *Ivanova I., Izhbaldin A., Tuguzova T.* Systems studies on power supply diversification in Eastern areas of the Russian Arctic // *AIP Conference Proceedings.* – 2023. – Vol. 2552. – 080024. DOI: 10.1063/5.0113881.
11. *Nong D., Countryman A.M., Warziniack T.* Potential impacts of expanded Arctic Alaska energy resource extraction on US energy sectors // *Energy Policy.* – 2018. – Vol. 119. – P. 574–584. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.003.
12. *Tezer T., Yaman R., Yaman G.* Evaluation of approaches used for optimization of stand-alone hybrid renewable energy systems // *Renewable and Sustainable Energy Reviews.* – 2017. – Vol. 73. – P. 840–853. DOI: 10.1016/J.RSER.2017.01.118.

Информация об авторах

Санеев Борис Григорьевич (Россия, Иркутск) – доктор технических наук, профессор, руководитель научного направления «Комплексные проблемы энергетики и региональная энергетическая политика», заведующий отделом Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 130). E-mail: saneev@isem.irk.ru.

Иванова Ирина Юрьевна (Россия, Иркутск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующая лабораторией Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 130). E-mail: nord@isem.irk.ru.

Корнеев Анатолий Григорьевич (Россия, Иркутск) – старший научный сотрудник Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 130). E-mail: kor@isem.irk.ru.

Майсюк Елена Петровна (Россия, Иркутск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 130). E-mail: maysyuk@isem.irk.ru.

Тугузова Татьяна Федоровна (Россия, Иркутск) – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 130). E-mail: tuguzova@isem.irk.ru.

Халгаева Надежда Александровна (Россия, Иркутск) – научный сотрудник Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН (664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 130). E-mail: khalgaeva@isem.irk.ru.

DOI: 10.15372/REG20250102

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 30–62

**B.G. Saneev, I.Yu. Ivanova, A.G. Korneev, E.P. Maysyuk,
T.F. Tuguzova, N.A. Khalgaeva**

**EXPANSION OF THE ENERGY SECTOR IN THE ARCTIC
ZONE OF KRASNOYARSK KRAI:
A DRIVER FOR ENHANCING TERRITORIAL
ECONOMIC GROWTH AND SOCIAL POTENTIAL**

The current structure and parameters of energy supply and fuel consumption in the Arctic zone of Krasnoyarsk Krai reveal specific features of energy provision. The Arctic zone of the region is predominantly urban, with 88% of the population under study residing in cities. Its majority is concentrated in Norilsk, where the energy supply is supported by local resources and closely tied to the extraction and processing of non-ferrous and precious metal ores. The Arctic zone of Krasnoyarsk Krai hosts a large, technically isolated energy system comprising thermal and hydroelectric power plants, power transmission lines, and a gas pipeline. In contrast, remote and

hard-to-reach areas, where the population mainly lives in rural settings, rely on diesel power plants for energy. These areas also have small boiler houses that supply thermal energy to social facilities such as schools, hospitals, and kindergartens.

The development prospects of the Arctic zone in Krasnoyarsk Krai are linked to mineral resource development projects. These projects necessitate the enhancement and expansion of the energy infrastructure, which will drive not only industrial growth but also improvements in the social environment. As a result of our analysis, a change in the structure of energy generation capacity is expected to support both production processes and a higher quality of life for the population. Socio-economic and environmental assessment have been conducted to evaluate the current state of the region's Arctic zone and the potential impacts of promising projects.

Keywords: population; human resources; remote hard-to-reach areas; local energy system; energy facilities; prospective projects; wind farms; socio-economic and environmental assessments

For citation: *Saneev, B.G., I.Yu. Ivanova, A.G. Korneev, E.P. May-syuk, T.F. Tuguzova & N.A. Khalgaeva. (2025). Razvitie energetiki arkticheskoy zony Krasnoyarskogo kraia kak drayver narashchivaniya sotsialno-ekonomicheskogo potentsiala territorii [Expansion of the energy sector in the Arctic Zone of Krasnoyarsk Krai: A driver for enhancing territorial economic growth and social potential]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 30–62. DOI: 10.15372/REG20250102.*

The research was carried out within the State Assignment Project (No. FWEU-2021-0004) of the Fundamental Research Program of Russian Federation 2021–2030 using the resources of the High-Temperature Circuit Multi-Access Research Center (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 13.CKP.21.0038)

References

1. *Volkov, A.V., A.L. Galyamov & K.V. Lobanov. (2019). Mineralnoe bogatstvo Tsirkumarkticheskogo poyasa [The mineral wealth of the Circum-Arctic Belt]. Arktika:*

ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy], 1 (33), 106–117. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-106-117.

2. *Klimentyev, A.Yu. & A.Yu. Knizhnikov.* (2018). Potentsial gazifikatsii Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii szhizhennym prirodnyim gazom (SPG) [Potential for LNG gasification in the Arctic Zone of the Russian Federation]. Analytical Review. WWF. Moscow, 84.

3. *Maysyuk, E.P. & I.Yu. Ivanova.* (2021). Ekologicheskaya otsenka prirody Vostochnoy Arktiki: vklad obyektov energetiki [Environmental assessment of the Eastern Arctic: Contribution of energy objects]. Energeticheskaya politika [Energy Policy], 5, 80–93. Available at: <https://energypolicy.ru/wp-content/uploads/2021/05/№5159-2021.pdf> (date of access: 15.04.2024).

4. *Kryukov, V.A. & A.K. Krivorotov* (Eds.). (2018). Mir Arktiki: V 3 t. Tom 2: Podkhody i praktiki [The World of the Arctic: In 3 vols. Vol. 2: Approaches and Practices]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 370.

5. *Obyekty generatsii v izolirovannykh i trudnodostupnykh territoriyakh v Rossii* [Generation facilities in remote and inaccessible areas in Russia]. (2020). Analytical Report. Analytical Center for the Government of the Russian Federation, Moscow, 78.

6. *Pelyasov, A.N.* (2023). Algoritm odoleniya monoprofilnosti arkticheskogo goroda: sluchay Noril'ska [Algorithm for overcoming the monopofile of the Arctic city: The case of Noril'sk]. Arktika i Sever [Arctic and North], 53, 101–134. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.53.101.

7. *Shishatsky, N.G.* (2018). Perspektivy razvitiya severnykh i arkticheskikh rayonov v ramkakh megaproekta “Eniseyskaya Sibir” [The prospects of the northern and Arctic territories and their development within the Yenisei Siberia megaproject]. Arktika i Sever [Arctic and North], 33, 66–90. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.66.

8. *Shishatsky, N.G., E.A. Bryukhanova & A.M. Matveev.* (2018). Problemy i perspektivy razvitiya Arkticheskoy zony Krasnoyarskogo kraya [Problems and prospects of development of the Arctic Zone of Krasnoyarsk Krai]. EKO [ECO], 4, 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-4-8-28.

9. *Cheng-Dar Yue, Chung-Sheng Chen & Yu-Chen Lee.* (2016). Integration of optimal combinations of renewable energy sources into the energy supply of Wang-An Island. Renewable Energy, 86, 930–942. DOI: 10.1016/J.RENENE.2015.08.073.

10. *Ivanova, I., A. Izhbuldin & T. Tuguzova.* (2023). Systems studies on power supply diversification in Eastern areas of the Russian Arctic. AIP Conference Proceedings, 2552, 080024. DOI: 10.1063/5.0113881.

11. *Nong, D., A.M. Countryman & T. Warziniack.* (2018). Potential impacts of expanded Arctic Alaska energy resource extraction on US energy sectors. Energy Policy, 119, 574–584. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.003.

12. *Tezer, T., R. Yaman & G. Yaman.* (2017). Evaluation of approaches used for optimization of stand-alone hybrid renewable energy systems. Renewable and Sustainable Energy Reviews, 73, 840–853. DOI: 10.1016/J.RSER.2017.01.118.

About Authors

Saneev, Boris Grigorievich (Irkutsk, Russia) – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, Head of the scientific direction “Complex Problems of Energy and Regional Energy Policy”, Head of the Department at Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (130, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: saneev@isem.irk.ru.

Ivanova, Irina Yuryevna (Irkutsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of the Laboratory at Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (130, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: nord@isem.irk.ru.

Korneev, Anatoly Grigorievich (Irkutsk, Russia) – Senior Researcher at Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (130, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: korn@isem.irk.ru.

Maysyuk, Elena Petrovna (Irkutsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (130, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: maysyuk@isem.irk.ru.

Tuguzova, Tatiyana Fedorovna (Irkutsk, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Senior Researcher at Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (130, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: tuguzova@isem.irk.ru.

Khalgaeva, Nadezhda Alexandrovna (Irkutsk, Russia) – Researcher at Melentiev Energy Systems Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (130, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: khalgaeva@isem.irk.ru.

Поступила в редколлегию 01.07.2024.

После доработки 11.10.2024.

Принята к публикации 16.10.2024.

© Санеев Б.Г., Иванова И.Ю., Корнеев А.Г., Майсюк Е.П.,
Тугузова Т.Ф., Халгаева Н.А., 2025

УДК 330.564.2+332.05

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 63–89

А.М. Сергиенко

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В СФЕРЕ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ

В статье представлена методика оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения. Описаны теоретические основы и исторические особенности формирования концепции устойчивого развития. Выделены методы и критерии выявления вызовов и угроз в сфере доходов населения. Среди критериев отмечены: отклонения от нормативных, выход за пороговые значения; значимое отставание от среднего уровня по России для позитивных процессов либо его превышение – для негативных; отрицательная динамика за длительный период и/или негативный тренд в противовес позитивному в России. На основе глобальных и национальных целей устойчивого развития и национального набора показателей ЦУР выделены индикаторы (показатели) вызовов и угроз в сфере доходов населения.

Результаты апробации методики представлены на примере агропромышленного региона – Алтайского края на данных государственной статистики за последние более чем 30 лет. На основе концепций устойчивого развития, экономической безопасности, социального воспроизводства определены нормативные и пороговые значения показателей для оценки остроты и устойчивости проявления вызовов и угроз в сфере доходов населения Алтайского края. Среди вызовов и угроз в качестве ключевых выявлены: 1) чрезмерно низкие доходы, выражающиеся в устойчивом существенном отставании роста реальных доходов и реальной заработной платы от уровня 1990 г. и средних показателей по

России, в низкой покупательной способности среднестатистических денежных доходов и среднемесячной заработной платы; 2) масштабная бедность и устойчиво превышающие пороговые значения неравенства по доходам.

Ключевые слова: устойчивое развитие; регион; доходы населения; вызовы; угрозы; методика оценки вызовов и угроз; индикаторы; критерии; пороговые значения; реальные доходы; покупательная способность; равенство по доходам; бедность; Алтайский край

Для цитирования: Сергиенко А.М. Вызовы и угрозы устойчивому развитию региона в сфере доходов населения: методика оценки и результаты апробации // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 63–89. DOI: 10.15372/REG20250103.

ВВЕДЕНИЕ

Сфера доходов населения, как известно, наглядно отражает социально-экономические последствия воздействия различных внешних для жителей страны (международного характера) и внутренних вызовов и угроз устойчивому развитию регионов, будь то экономические кризисы глобальной природы либо связанные с внутрисюскими структурными и другими проблемами экономики и социальной сферы, будь то кризисные явления, вызванные, как в последние годы, пандемией или политико-экономическими санкциями и условиями ведения специальной военной операции. Результаты такого воздействия воплощаются в формировании различного рода и масштаба вызовов и угроз устойчивому развитию российских регионов, проявляющихся в сфере доходов населения, с пролонгированными социально-экономическими последствиями либо только рисков их возникновения.

К социально-экономическим последствиям вызовов и угроз в сфере доходов населения относятся сокращение платежеспособного спроса, снижение экономической активности в форме миграционных и товарных потоков, разрывы интеграционных социально-экономических связей [1; 2; 4; 8; 11; 12]. Даже при отсутствии явных вызовов

и угроз значимо более низкий уровень доходов населения какого-либо региона на фоне других регионов страны может сыграть роль ограничителя привлечения капитала, инвестиций, рабочей силы с других территорий, развития внутри- и межрегиональных связей, что в конечном счете может привести к ухудшению социально-экономической ситуации в регионе и дальнейшему усилению межгрупповой и межрегиональной дифференциации по доходам населения.

Целью статьи является описание методики оценки остроты и динамики ключевых вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, а также представление результатов апробации данной методики¹. Апробация проведена на примере Алтайского края как агропромышленного региона Сибири.

Агропромышленные регионы составляют особую группу, отличающуюся значительной спецификой проявления вызовов и угроз в сфере доходов населения в различные периоды экономического развития и особенностями их влияния на состояние и динамику экономики и социальной сферы региона². В агропромышленном секторе возникает «клубок» вызовов и угроз, с одной стороны, отражающих состояние экономики в целом (представляя собой ее проекцию), а с другой – являющихся следствием мощного воздействия природного фактора, который, синхронизируясь с кризисами в экономике, может создавать дополнительное усугубляющее воздействие (неуро-

¹ Результаты предыдущего этапа исследования вызовов и угроз в сфере доходов населения и разработки методики их оценки см.: *Сергиенко А.М.* Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 4 (40). – С. 239–246; *Сергиенко А.М.* Доходы населения Алтайского края: где концентрируются вызовы и угрозы? // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – № 4. – С. 57–67. DOI: 10.14258/201854.

² См.: *Сергиенко А.М.* Агропромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2020. – № 4. – С. 108–117. DOI: 10.14258/epb2019107; *Троцковский А.Я., Перекаренко Ю.А., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.* Агропромышленные регионы в контексте развития территориально-отраслевой структуры России: изменения в составе и социально-экономических характеристиках // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 201–234. DOI: 10.15372/REG20220107.

жай в кризисный период). Хотя, как известно, в противофазе именно природный фактор, напротив, смягчает проявление вызовов и угроз устойчивому развитию таких регионов, становится «подушкой безопасности» для развития АПК и экономики в целом [13].

Актуальность разработки методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, и ее апробации на примере агропромышленного региона значительно усилилась с 2022 г. именно вследствие особого влияния западных санкционных мер на развитие российского АПК и сопряженных отраслей, разрыва части международных кооперационных цепочек предприятий аграрных и пищевой промышленности. Применение такой методики в региональной политике, как нам представляется, позволяет региональным органам управления своевременно реагировать на формирование и развитие таких вызовов и угроз, а также на появление рисков их возникновения и, как результат, не допускать значительных негативных социально-экономических последствий.

МЕТОДИКА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ОЦЕНКИ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Концептуальные основы разработки методики. Для выявления и оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, воспользуемся концепцией устойчивого развития общества (государства, региона, территории), а также комплементарной, во многом сопряженной с ней теорией экономической (или социально-экономической) безопасности [6; 10; 12]³. В соответствии с ними под *угрозами* устойчивому социально-экономическому развитию региона понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба такому развитию. *Вызовом* является совокуп-

³ Подробнее см.: Сергиенко А.М. Доходы населения Алтайского края: где концентрируются вызовы и угрозы?

ность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы. *Риск* рассматривается лишь как вероятность нанесения ущерба устойчивому развитию региона в связи с реализацией угрозы⁴.

Основа концепции устойчивого развития, как известно, заложена в идеях В.И. Вернадского о переходе биосферы в новое эволюционное состояние – ноосферу (сферу разума) как основной закономерности выживания и развития человека и общества [3]. В своих трудах Вернадский изложил 12 условий становления ноосферы, и одним из них, связанным с доходами, является *подъем благосостояния трудящихся, создание реальной возможности не допустить недоедания, голода, нищеты*.

Не останавливаясь подробно на характеристике исторических и методологических особенностей формирования концепции устойчивого развития, отметим, что понятие устойчивого развития применительно как к глобальному, так и к региональному сообществу впервые было определено в 1987 г. в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». Под устойчивым понималось социально-экономическое развитие, направленное на разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни живущих и будущих поколений, на бережное использование ресурсов планеты и сохранение природной среды [14, р. 16]. На Конференции ООН по окружающей среде, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 г., провозглашена «необходимость перехода мирового сообщества на рельсы устойчивого развития, обеспечивающего должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворение основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением таких возможностей для буду-

⁴ Данные понятия сформулированы на основе сопряженных понятий, представленных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, с. 2 (URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>, дата обращения: 05.06.2024).

щих поколений»⁵. В утвержденной на этой конференции Повестке дня на XXI век указано, что основными задачами повсеместно являются искоренение нищеты и голода, обеспечение более справедливого распределения дохода и развитие людских ресурсов.

В принятой в 2015 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁶ выделено 17 глобальных целей устойчивого развития (ЦУР), первые две из которых имеют явное отношение к сфере доходов населения. Так, в рамках *цели 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»* определены задачи к 2030 г. ликвидировать крайнюю нищету (проживание на сумму менее чем 1,25 долл. США в день) для всех людей во всем мире и сократить долю мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям, по крайней мере наполовину. Для реализации *цели 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»* обозначен ряд задач, в том числе задача покончить с голодом и со всеми формами недоедания.

В России обе цели и соответствующие им задачи нашли отражение в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁷, а также в национальных проектах, федеральных и региональных программах. На достижение

⁵ Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

⁶ См.: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. 70/1. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.06.2024).

⁷ В качестве одного из целевых показателей сохранения населения, здоровья и благополучия людей определено «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года»; для достижения цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» установлен целевой показатель

устойчивого развития регионов сориентированы стратегии национальной и экономической безопасности, пространственного развития Российской Федерации, социально-экономического развития ее федеральных округов и субъектов. Так, в Стратегии развития Сибирского федерального округа до 2035 года определены основные направления устойчивого развития входящих в его состав регионов⁸. Среди системных проблем выделено отставание денежных доходов населения СФО от среднероссийского уровня, что выражается в наибольшей относительно других федеральных округов доле населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

Инструментами достижения устойчивого развития агропромышленных регионов являются также федеральная программа «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 годы и одноименные программы регионов. В федеральной программе среди трех ключевых выделена цель увеличения до 70% соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств⁹. В региональной программе Алтайского края указано, что данный целевой показатель составит 82,9% в 2025 г., 83,5% в 2030 г.

обеспечения устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции. См.: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 05.06.2024); *Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года*. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

⁸ См.: *Стратегия* социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р. – С. 1, 14. – URL: <http://government.ru/docs/all/145780/> (дата обращения: 05.06.2024).

⁹ См.: *Постановление* Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». – URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 05.06.2024).

Причем достижение этого показателя не является проблемой, уже в 2021 г. зафиксировано его превышение (102,17%)¹⁰.

Для контроля за реализацией целей устойчивого развития Российской Федерации и ее субъектов разработан национальный набор показателей в соответствии с 17 глобальными ЦУР¹¹. К показателям, позволяющим оценить в рамках первой ЦУР выполнение национальной задачи двукратного сокращения к 2030 г. количества «живущих в нищете», отнесены доля и численность населения, живущего за национальной чертой (с денежными доходами ниже границы) бедности, индексы риска бедности и социальной исключенности (ARОPE), годовых реальных денежных доходов населения. Для реализации второй ЦУР и выполнения задачи «к 2030 году покончить с голодом и обеспечить всем... круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище» среди показателей, имеющих прямое отношение к сфере доходов населения, используется «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду».

Как выделить вызовы и угрозы в сфере доходов населения, оценить их остроту и риски возникновения? Что может стать критериями, нормативными и/или пороговыми значениями для оценки таких вызовов и угроз? Воспользуемся эффективными в таких случаях методами: нормативным и экспертных оценок. Наличие и остроту выраженности вызовов и угроз оценим на основе ретроспективного анализа данных государственной статистики за длительный период (с начала 1990-х годов, более 30 лет) с применением методов анализа динамических рядов, индексного и др. Это позволяет не только оценить глубину вызовов и угроз в настоящее время, но и раскрыть характер произошедших сдвигов в социально-экономическом разви-

¹⁰ См.: *Паспорт* государственной программы Алтайского края «Комплексное развитие сельских территорий Алтайского края» на 2024–2030 гг. – С. 2. – URL: <https://www.altagro22.ru/upload/iblock/1ab/cqu4kabq0rz0sw4999jkrff9nd15ie5e/pasport.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

¹¹ См.: *Национальный набор показателей ЦУР* / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 05.06.2024).

тии региона, выявить устойчивость их во времени: от возникновения рискованной ситуации, перерастания ее в вызов или угрозу до приобретения последними хронического характера с вытекающими значительными негативными последствиями.

Вместе с тем, если учитывать высокую динамику социально-экономических процессов, особый интерес представляют и сдвиги в оценке остроты (глубины) вызовов и угроз за относительно краткосрочный период – последние пять лет (в нашем случае это период 2018–2022 гг.). Анализ изменения показателей в сравнении с уровнем 2017 г. обусловлен также и выбором этого года как стартового для реализации национальных целей и выполнения задач устойчивого развития России и ее регионов. Для мониторинга их реализации с 2017 г. в национальный набор показателей ЦУР был включен ряд новых, в том числе уже названный выше показатель «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду».

Информационная база и ее ограничения. Исходя из национальных целей развития России, национального набора показателей ЦУР и с учетом ограниченных возможностей государственной статистики для оценки остроты вызовов и угроз устойчивому развитию региона на основе многолетних измерений доходов населения в качестве основных нами выделены следующие показатели:

- реальные денежные доходы населения и реальная начисленная заработная плата работников организаций – годовые и накопленным итогом к уровням 1990 и 2017 гг. (%);
- соотношение с прожиточным минимумом (ПМ) среднестатистических денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы, отражающих их покупательную способность (разы);
- коэффициент фондов, или децильный (дифференциации доходов), рассчитываемый как соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (разы) и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), отражающие степень неравенства и неравномерности распределения доходов по отдельным группам населения;

- доля населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума, установленной в субъекте Российской Федерации, в общей численности населения (%)¹² и доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду (%).

Выделенная совокупность показателей, безусловно, не отражает всю сферу доходов населения, где могут проявляться вызовы и угрозы устойчивому развитию региона. *Во-первых*, по отдельным показателям из национального набора показателей ЦУР осуществить ретроспективный анализ на данных государственной статистики пока не представляется возможным. К примеру, это относится к индексу риска бедности и социальной исключенности (ARОPE), который находится в процессе разработки, на стадии экспериментальных расчетов. Кроме того, в нашу совокупность не включен показатель «доля расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на социальную поддержку отдельных категорий граждан к собственным доходам консолидированных бюджетов» данных субъектов, поскольку для него пока не определены количественные целевые и пороговые значения¹³.

¹² Данный показатель, наряду с децильным коэффициентом и долей работников с заработной платой ниже прожиточного минимума, отнесены к показателям состояния экономической безопасности России (см.: *Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.* – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>, дата обращения: 05.06.2024). До 2020 г. включительно национальный уровень бедности рассчитывался на основе величины прожиточного минимума, установленной в субъектах РФ. С 1 января 2021 г. произведен переход к измерению бедности на основе определения ее границы (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2049).

¹³ По отношению к последнему показателю задача сформулирована в довольно общем виде: «внедрить на национальном уровне надлежащие системы и меры социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, и к 2030 году достичь существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения». См.: *Национальный набор показателей ЦУР.* – URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 05.06.2024).

Во-вторых, ограниченность представленной выше совокупности показателей проявляется и в том, что они касаются главным образом уровня и динамики доходов населения. Более комплексной была бы оценка вызовов и угроз с использованием показателей структуры доходов (удельных весов оплаты труда, социальных выплат и других составляющих), ее сдвигов. Но если в том, что оплата труда должна составлять основную часть доходов, существенных разногласий среди экспертов нет, то в отношении нормативов по удельному весу социальных трансфертов столь однозначного представления не сложилось. С одной стороны, социальные трансферты отражают выполнение социальной политикой государства (пере)распределительной функции в условиях рыночно ориентированной экономики, и при ее эффективном выполнении трансферты составляют значительную долю. С другой же стороны, доля социальных выплат не должна быть близкой к доле оплаты труда, чтобы не формировалась сильная зависимость населения от таких источников в форме «институциональных ловушек».

В России с начала активных действий в сфере социальной поддержки населения (с середины «нулевых») доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения выросла более чем в 1,5 раза, до уровня 20–21% (20,6% в 2021 г. и 20,2% в 2022 г. против 12,7% в 2005 г.), в Алтайском крае – до 29–30% (30,3% в 2021 г. и 29,4% в 2022 г. против 19,3% в 2005 г.). Выполнение же одной из задач ЦУР, направленной на достижение существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения мерами социальной защиты, без адекватного увеличения оплаты труда и поддержки развития малого и среднего бизнеса может с большой вероятностью привести к дальнейшему росту удельного веса социальных выплат в структуре доходов населения, а значит, усилить риски формирования таких «ловушек».

В-третьих, помимо остроты проявления и устойчивости вызовов и угроз во времени целесообразно учитывать их распространенность по территории региона, принимая во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе различия

между сельскими территориями и городами, характерные для регионов аграрной специализации¹⁴.

И в-четвертых, показатели статистики желательно дополнять результатами социологических опросов жителей региона по их удовлетворенности уровнем и динамикой доходов и вытекающим отсюда вызовам и угрозам (к примеру, связанным с инфляцией и другими причинами снижения доходов).

Указанные и другие ограничения и недостатки информационной базы¹⁵ отчасти преодолимы, что можно рассматривать как направление дальнейшего развития представленной методики.

Критерии оценки вызовов и угроз. В зависимости от остроты (глубины) проявления и устойчивости во времени нами выделены следующие критерии оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, а также риска их возникновения:

1) *степень отклонения от нормативных значений и/или целевых индикаторов, удаленности от пороговых значений*, в том числе верхних либо нижних;

2) *значимое отставание от среднего уровня по России* для показателей, рост которых оценивается как позитивная динамика, и/или *значимое превышение среднего уровня* в случае показателей с негативным ростом. Для позитивных процессов (среди выделенных к ним относятся рост реальных доходов и реальной заработной платы, рост соотношения среднедушевых денежных доходов и среднемесячной заработной платы с соответствующим прожиточным минимумом) в качестве значимого отставания предлагается рассматривать значе-

¹⁴ Так, в 2020 г. 82,4% бедного населения Алтайского края проживало в сельской местности, что в 1,6 раза превышало аналогичный показатель по России (52,2%). См.: Региональная программа снижения доли населения с доходами ниже границы бедности на территории Алтайского края (утв. постановлением Правительства Алтайского края от 13.10.2023 № 385). – С. 38. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2200202310160010?index=2> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁵ О недостатках показателей государственной статистики, отражающих бедность и неравенство, также см.: Сергиенко А.М. Доходы населения Алтайского края: где концентрируются вызовы и угрозы?

ния, соответствующие 75–90% от среднего уровня по стране и ниже. Для негативных процессов (рост бедности и голода, увеличение чрезмерного неравенства по доходам) таким значимым превышением могут являться значения, равные 1,1–1,25 раза от среднего значения в России;

3) *негативная динамика за длительный период и/или негативный тренд в противовес позитивному процессу в России*. Как вариант, в качестве негативной может оцениваться динамика за пятилетний и более длительный периоды на уровне от 5–10% негативного изменения значения показателя в противовес аналогичному позитивному сдвигу¹⁶.

С учетом всех трех критериев выделенные нами показатели могут вести себя разнонаправленно и, следовательно, оцениваться неоднозначно. В связи с этим по результатам анализа каждого показателя примем следующие условия для оценки остроты и устойчивости проявления вызовов и угроз, а также рисков их возникновения:

- если любой один критерий выполняется, то рассматриваемый процесс можно отнести к *вызову*;
- если выполняются два-три критерия либо чрезвычайной является острота проявления хотя бы одного устойчивого во времени вызова, приводящего к масштабным негативным последствиям для устойчивого развития региона, то данная ситуация может оцениваться как *угроза*;
- в случае менее существенного отклонения реальных значений от нормативных или меньших масштабов негативной динамики показателей можно говорить о наличии *риска* возникновения вызова или угрозы.

Представленный нами подход в целом не противоречит описанным российскими и зарубежными учеными методикам оценки вызовов и угроз устойчивому развитию либо экономической и социальной

¹⁶ Оценка масштабов сдвигов, безусловно, в значительной мере зависит от самого показателя и его вариативности, а также от длительности временного периода. Так, более существенными могут быть сдвиги значений покупательной способности доходов населения, чем сдвиги значений неравенства по доходам.

безопасности страны и ее регионов (см. в работах А.Г. Аганбегяна, М.К. Горшкова, С.В. Казанцева, С.Н. Митякова, В.К. Сенчагова, Б. Далал-Клейтона, С. Басса и др. [1; 2; 4; 8; 9; 12]). В частности, мы согласны с С.Н. Митяковым и другими исследователями, подчеркивающими необходимость более дифференцированной оценки удаленности реальных показателей от пороговых значений на основе определения зон (уровней) риска (двух-трех и более) [5; 6]. В дальнейшем можно воспользоваться данным подходом, выделив зоны риска, соответствующие объекту исследования.

Нормативные (целевые, пороговые) значения показателей оценки вызовов и угроз. Особую проблему для исследователей представляет определение нормативных (либо целевых) и пороговых значений показателей, позволяющих выявить вызов или угрозу, оценить их остроту. В качестве нормативных и пороговых значений предлагается использовать экспертные оценки, целевые индикаторы государственной политики, общепринятые требования и стандарты, а также их различные сочетания либо преобразования в безразмерную форму, что приводит к разнообразию оценок, отсутствию единого мнения [5; 9].

В научной литературе, к примеру, строго не определен количественный норматив для показателей покупательной способности доходов населения и заработной платы. Общеизвестно, что среднедушевые доходы населения должны обеспечивать его нормальное социальное воспроизводство. И по различным оценкам экспертов (ученых и практиков), это подразумевает использование денежных ресурсов в объеме не одного, а по крайней мере 2,5–3,5 бюджета прожиточного минимума в расчете на человека [7; 9], что соответствует социально приемлемому потребительскому бюджету, включающему дополнительно затраты на потребление культурных благ и другие расходы на развитие человеческого потенциала¹⁷. С учетом различных видов поддержки, предоставляемых государством, выбо-

¹⁷ В частности, для среднего размера трудовой пенсии по старости установлен целевой норматив не менее 2,5–3,0 ПМ пенсионера. См.: *Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации* (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. № 2524-р). – URL: <https://base.garant.ru/70290226/> (дата обращения: 05.06.2024).

рем в качестве нижнего порогового значения доходы, равные 2,5 ПМ на душу населения.

Что касается заработной платы работников организаций, то она должна обеспечивать социальное воспроизводство не только работников, но и отдельных членов его семьи. К примеру, чтобы обеспечить даже простое демографическое воспроизводство, полной двухпоколенной семье, состоящей из двух занятых в экономике родителей с двумя детьми, по разным оценкам, потребуются совокупные денежные ресурсы в объеме 12–14 ПМ, т.е. те же 2,5–3,5 ПМ на члена семьи. И в таком случае размер среднемесячной заработной платы работников должен соответствовать не менее 5–7 ПМ, что позволяет обеспечить социальное воспроизводство по крайней мере одного занятого члена семьи и одного иждивенца (ребенка) в случае отсутствия существенной материальной поддержки со стороны государства. Учитывая значительный рост в последние годы государственной поддержки семей с детьми, приближающейся к размеру одного прожиточного минимума на ребенка, остановимся на нижней оценке порогового значения среднемесячной заработной платы, равной 5 ПМ.

В отношении реальных доходов населения и реальной заработной платы нормативом для оценки устойчивого развития региона выступает их ежегодный рост, т.е. годовые темпы роста данных показателей должны превышать 100%. Так, в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации указано, что реальные располагаемые денежные доходы населения должны расти годовыми темпами 102,4% в 2022 г., 102,5% в 2024 г. и не ниже 102,5% в 2030 г. В региональной программе Алтайского края целевые значения аналогичного показателя определены на уровне от максимальных 103,3% в 2023–2028 гг. до минимальных 102,2% в 2030 г.¹⁸ Близкие целевые значения имеют в крае и годовые темпы роста реальной заработной платы: 103,3% в 2023–2028 гг. и 103,0% в 2029–2030 гг.

Для выполнения задачи снижения уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. на федеральном уровне определены

¹⁸ Рассчитано по данным таблицы «Показатели для реализации региональной программы» в Региональной программе снижения доли населения с доходами ниже границы бедности на территории Алтайского края.

следующие целевые значения доли населения с денежными доходами ниже границы бедности: 9,6% в 2024 г. и 6,5% в 2030 г. В региональной программе Алтайского края целевые значения аналогичного показателя более чем на треть выше: 13,6% в 2024 г. и 8,8% в 2030 г.¹⁹ Выберем конечный целевой показатель (8,8%) для региона как нормативное значение²⁰.

В качестве верхнего порога коэффициента фондов можно встретить несколько вариантов экспертных оценок. Воспользуемся максимальным значением (*10 раз*), превышение которого, как традиционно оценивается западными экспертами, приводит к социальным потрясениям. Поскольку сохраняется значительное превышение 10-разового порога, он применяется российскими исследователями и в последние годы [7]. Также будем ориентироваться и на более низкий, «нормальный» уровень коэффициента фондов (*4–8 раз*), используемый сотрудниками Института экономики РАН и другими исследователями [9, с. 144].

Для коэффициента Джини в качестве верхнего порога, соответствующего чрезмерно высокому неравенству, экспертами признается значение, равное *0,40*. После публикации в 2006 г. доклада Всемирного банка «Равенство и развитие» это значение рассматривается как критическое, препятствующее устойчивости социально-экономического развития [15].

Что касается показателя «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду», то поскольку поставлена цель ликвидировать голод, верхним порогом для него является значение, равное *нулю*.

РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ

Результаты апробации методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона в сфере доходов населения на примере Алтайского края представлены в таблице. Не останавливаясь подроб-

¹⁹ См. тот же документ.

²⁰ Он близок к нормативу 8%, который выделен экспертами по проблемам экономической безопасности [9, с. 144].

Показатели, нормативные (пороговые) значения и оценка вызовов и угроз устойчивому развитию Алтайского края в сфере доходов населения

Показатель	Нормативное значение	Значение в 2022			Оценка остроты и устойчивости (угроза/вызов/риск)
		Россия	Алтайский край	Алтайский край по отношению к России, %	
Индекс реальных денежных доходов населения, %:					
к уровню 1990	> 100 ежегодно	156,9	54,7	34,9	Угроза (по трем критериям)
к уровню 2017	> 100 ежегодно	104,1	92,3	88,7	Угроза (по трем критериям)
Индекс реальной начисленной заработной платы работников организаций, %:					
к уровню 1990	> 100 ежегодно	157,5	58,8	37,3	Угроза (по двум критериям)
к уровню 2017	> 100 ежегодно	123,7	125,1	101,1	Угроза (по двум критериям)
Соотношение с прожиточным минимумом (покупательная способность), раз:					
среднедушевых доходов	2,5 ежегодно	3,23	2,51	77,7	Вызов
заработной платы	5 ежегодно	4,31	3,17	73,5	Угроза (по двум критериям)

Окончание таблицы

Показатель	Нормативное значение	Значение в 2022			Оценка остроты и устойчивости (угроза/вызов/риск)
		Россия	Алтайский край	Алтайский край по отношению к России, %	
Коэффициенты неравенства по доходам населения:					
коэффициент фондов, раз	<10,0	13,8	10,2	73,9	Вызов
коэффициент Джини, ед.	<0,400	0,395	0,353	89,4	Вызов
Уровень бедности и голода, %:					
доля населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума	8,8	9,8	15,4	157,1	Угроза (по трем критериям)
доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду	0,0	0,1	0,1	100,0	Вызов

Источники: *Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2023. – С. 156, 232, 233, 240, 242. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf (дата обращения: 05.06.2024); *Алтайский край в цифрах. 2018–2022: Крат. стат. сб.* / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2023. – С. 36, 43. – URL: <https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ДЛЯ%20САЙТА.pdf> (дата обращения: 05.06.2024); *Регионы России: социально-экономические показатели: Стат. сб.* / Росстат, 2012–2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.06.2024).

но на особенностях изменений рассматриваемых показателей на разных этапах экономического развития²¹, заметим следующее: основные вызовы и угрозы обусловлены более резким падением экономики края в начале 1990-х годов в сравнении с Россией в целом, что выразилось в резком, значительно превышающем среднероссийские показатели снижении реальных доходов населения и заработной платы работников. Период экономического роста в 2000-х годах отличался в регионе более активными восстановительными процессами в экономике, что привело к значительному сокращению отрыва показателей доходов от среднего уровня по стране. В период же турбулентности с конца «нулевых» сдвиги в показателях доходов населения края можно оценить уже как тренд с более медленным, неустойчивым, но все же заметным уменьшением различий с показателями по России.

Явную угрозу устойчивому развитию Алтайского края демонстрируют показатели реальных доходов и реальной заработной платы. В 2022 г. *реальные денежные доходы* населения края составляли только 54,7% от уровня 1990 г., тогда как аналогичный показатель по России превысил уровень 1990 г. в 1,57 раза. Остроту и устойчивое проявление данной угрозы не смягчили и последние пять рассматриваемых лет: с 2017 г. реальные доходы ежегодно сокращались, снижение составило 7,7 п.п. при росте на 4,1 п.п. в России. Выход на целевые ежегодные 102–103% пока не наблюдается. Следовательно, по данному показателю не выполнены все три критерия, что позволяет оценить его динамику как угрозу: велико отставание от нижних пороговых значений (целевых индикаторов), а также от среднероссийского уровня, в последние годы налицо негативный тренд в противовес позитивному в России.

Несколько иная ситуация сложилась с динамикой *реальной заработной платы* работников организаций края. В 2022 г. реальная зарплата составила от уровня 1990 г. немногим больше в сравнении с реальными доходами (58,8%) при превышении аналогичного уровня

²¹ Подробнее см.: *Сергиенко А.М.* Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов; *Сергиенко А.М.* Доходы населения Алтайского края: где концентрируются вызовы и угрозы?

по России почти в 1,58 раза. Вместе с тем, в отличие от динамики реальных доходов, за последние рассматриваемые пять лет наблюдался ежегодный прирост данного показателя в регионе (в среднем даже более высокий, чем целевые показатели по региональной программе снижения бедности). В целом за пятилетний период реальная зарплата выросла на 25,1% (чуть выше, чем в стране в целом – 23,7%), причем основной рост зафиксирован в 2018–2021 гг. Таким образом, если по результатам более чем тридцатилетней ретроспективы мы можем говорить об устойчивой угрозе, то сдвиги за относительно небольшой период (последние пять лет) можно оценивать, с одной стороны, как ее отсутствие, а с другой – как потенциальный риск ее возникновения в будущем в связи со снижением темпов роста в 2022 г.

Динамику *покупательной способности доходов населения* края за последние пять лет можно оценить как вызов. В 2022 г. среднедушевые доходы были равны 2,51 бюджета прожиточного минимума, т.е. соответствовали нижнему порогу. Вместе с тем покупательная способность доходов составила лишь 77,8% от среднего значения в России. В отличие от данного показателя, *покупательная способность заработной платы* в регионе в тот год была существенно ниже порогового значения (63%), составив 3,17 ПМ населения трудоспособного возраста. Более значительным является отставание от среднероссийского уровня – на 26,5%. Хотя за предшествующее пятилетие покупательная способность зарплаты выросла на 16,6%, устойчивостью этот процесс не обладает (в 2021 г. наблюдалось снижение). Все это позволяет идентифицировать уровень и динамику данного показателя как соответствующие угрозе устойчивому развитию региона по двум критериям.

Не столь критичной на первый взгляд является ситуация в регионе с показателями неравенства по доходам. При устойчивом превышении *коэффициентом фондов* и *коэффициентом Джини* своих верхних порогов с начала 1990-х годов Алтайский край традиционно относительно благополучен на российском фоне. В последнее пятилетие в крае наблюдалась позитивная динамика этих коэффициентов (их значения снизились на 15,7 и 6,4% соответственно к уровню

2017 г.). Несмотря на существенно более низкие, чем в России, значения данных коэффициентов (в 2022 г. на 26 и 10,6%)²² и позитивную динамику последних пяти лет, остается по-прежнему существенным превышение их пороговых значений (на 12% по коэффициенту Джини, на 2% по коэффициенту фондов до 10-разового порога) и на четверть и более до нормативов (4–8 раз), что позволяет говорить о сохранении вызова.

Ситуацию с бедностью следует оценить как угрожающую устойчивому развитию региона. С 2000-х годов сокращение бедности в Алтайском крае происходило более интенсивно, чем в России в целом (с 56,3% в 1999 г. до 15,4% в 2022 г.), позитивные сдвиги наблюдались и в последние пять лет (бедность уменьшилась на 12% в сравнении с 2017 г.). Вместе с тем превышение среднероссийского уровня хотя и сократилось с двукратного, все же остается значительным (более 1,5 раза в 2022 г.), а целевые показатели 2023 г. в регионе превышены на 6,2%, 2030 г. – в 1,8 раза.

Уровень голода в крае чуть выше целевого нулевого значения: в 2022 г., как и в России, при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду указали лишь 0,1% домохозяйств. Несмотря на значительные позитивные сдвиги за рассматриваемые пять лет (1,5% в 2017 г.), вызов пока сохраняется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная методика оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона в сфере доходов населения в целом подтвердила свой эвристический потенциал. Апробация методики на примере агропромышленного региона (Алтайского края) позволила выделить

²² Близкими к значению коэффициента фондов Алтайского края являются его значения у большинства регионов СФО (10–12 раз в 2022 г.). В близком к краевому диапазоне (0,34–0,36 в 2022 г.) находятся значения коэффициента Джини в таких регионах СФО, как республики Алтай и Тыва, Иркутская, Кемеровская и Томская области. См.: *Регионы России: социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – 2023. – С. 233. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 05.06.2024).*

ключевые вызовы и угрозы устойчивому развитию региона, проявляющиеся в сфере доходов населения. Среди таких вызовов и угроз:

- чрезмерно низкие доходы населения, выражающиеся в устойчивом существенном отставании роста реальных доходов и реальной заработной платы от уровня 1990 г. и от аналогичных показателей по России, в низкой покупательной способности среднедушевых денежных доходов и среднемесячной начисленной заработной платы;
- масштабная бедность, являющаяся во многом следствием низких доходов, и устойчиво превышающие пороговые значения неравенства по доходам.

Выявленные низкие доходы и бедность представляют собой системные хронические угрозы не только полноценной жизнедеятельности и воспроизводству населения, эффективному функционированию социальной сферы региона, но и его экономике из-за слабого ее стимулирования за счет потребительского спроса, что наносит значимый ущерб его устойчивому развитию.

Вывод региона из зоны вызовов и угроз во многом лежит в сфере государственной политики, предполагающей более эффективное применение традиционных и введение относительно новых механизмов и инструментов, имеющих непосредственное отношение к доходам и потреблению. Среди них должны присутствовать существенное увеличение МРОТ и пенсий в сравнении со средней заработной платой, более активная, опережающая инфляцию индексация пособия по безработице и других социальных выплат, освобождение от подоходного налога малообеспеченных, введение эффективно реализуемой многоступенчатой прогрессивной шкалы налогообложения, субсидирование ипотеки и кредитов для покупки населением товаров длительного пользования отечественного производства, расширение применения акцизов на предметы роскоши, а также множество других мер, предлагаемых российскими экспертами [2; 7]. Ключевой задачей государственной политики остается существенное повышение благосостояния всех слоев населения на основе развития социально ориентированной экономики, опережающего развития человеческого капитала и современной экономики знаний и здоровья, что требует значительного перераспределения государственных расходов в сферу здравоохранения, науки и образования.

Дальнейшее развитие методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, как нам представляется, прослеживается по меньшей мере в трех направлениях:

1) более углубленное представление сферы доходов населения за счет включения показателей, не вошедших в набор показателей ЦУР (к примеру, показателей медианных и модальных значений доходов и заработной платы, соотношения среднемесячной заработной платы с МРОТ, уровня и динамики потребления, расходов и сбережений, структуры доходов и расходов населения, доступности приобретения жилья и услуг социальной сферы и др.) [1; 7];

2) расширение блока анализируемых социальных показателей из набора показателей ЦУР за пределы сферы доходов населения, что позволяет выявить и оценить более широкий контекст вызовов и угроз (например, включить показатели занятости и демографические);

3) усиление пространственного (территориального) и структурного аспектов оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона посредством включения показателей уровня и качества жизни городского и сельского населения в целом, жителей различных муниципальных образований, демографических и других социальных групп, в том числе с использованием опросных данных [7; 8].

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН,
проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных
и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5*

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. – 2023. – Т. 25, № 1 (187). – С. 6–15.
2. Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широв А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому росту // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 6. – С. 18–26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера – М.: АСТ, 2022. – 650 с.
4. Казанцев С.В. Люди, доходы и обеспечение национальной безопасности России и ее регионов // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 3 (115). – С. 61–80. DOI: 10.15372/REG20220303.

5. Митяков С.Н., Митяков Е.С. Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 5. – С. 83–113. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_83_113.
6. Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А., Назарова Е.А. Экономическая безопасность в эпоху перемен. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. техн. ун-та им. Р.Е. Алексеева, 2023. – 120 с.
7. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2020 год / Бобков В.Н., Гуллогина А.А., Колмаков И.Б. и др. – М.: ОАО «Фабрика офсетной печати», 2021. – 116 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021.
8. Российское общество и вызовы времени / Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Андреев А.Л. и др. – М.: Весь Мир, 2022. – Кн. 6. – 284 с. DOI: 10.55604/9785777708984.
9. Сенчагов В.К., Побываев С.А., Соловьев А.И. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент управления экономической безопасностью России // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: Мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 25–27 мая 2016 года. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. – С. 140–150.
10. Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования / Под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 361 с.
11. Cingano F. Trends in Income Inequality and Its Impact on Economic Growth / OECD Social, Employment and Migration Working Papers. – 2014. – No. 163. – 64 p. – OECD Publishing. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jxjrjncwvxv6j-en> (дата обращения: 19.03.2024).
12. Dalal-Clayton B., Bass S. Sustainable Development Strategies: A Resource Book. – Routledge, 2012. – 382 p. – URL: https://books.google.ru/books?id=Cm-Xh6vKNj8C&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (дата обращения: 19.03.2024).
13. Kulunda: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use / Ed. by M. Fruhauf, G. Guggenberger, T. Meinel, I. Theesfeld, S. Lentz. – Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. – 522 p. DOI: 10.1007/978-3-030-15927-6.
14. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – United Nations. – 300 p. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
15. World Development Report 2006: Equity and Development. – N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006. – 320 p. – URL: https://www.sas.upenn.edu/~dludden/WDR2006_EQUITY.pdf (дата обращения: 19.03.2024).

Информация об авторе

Сергиенко Алие Мустафаевна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: a.m.sergienko@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20250103

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 63–89

A.M. Sergienko

CHALLENGES AND THREATS TO SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT IN THE SPHERE OF POPULATION INCOME: ASSESSMENT METHODOLOGY AND TESTING RESULTS

This study presents a methodology for assessing challenges and threats to a region's sustainable development as manifested in the sphere of population income. It outlines the theoretical foundations and historical aspects of the concept of sustainable development. The methods and criteria for identifying challenges and threats in the population income sphere are highlighted. These criteria include deviations of indicators from normative values, exceeding thresholds, significant lags from national averages for positive trends, surpassing averages for negative trends, prolonged negative dynamics, and/or a negative trend as opposed to positive nationwide patterns. Based on global and national Sustainable Development Goals (SDGs) and Russia's national SDG indicator framework, we identify the main indicators of challenges and threats in the population income sphere.

The methodology is tested using state statistical data over more than 30 years, focusing on an agro-industrial region, namely Altai Krai. Normative and threshold values are determined, guided by the concepts of sustainable development, economic security, and social reproduction, to assess the severity and persistence of challenges and threats in the population income sphere in Altai Krai. The study identifies the following key challenges and threats: (1) Excessively low incomes, reflected in a sustained and significant lag in the growth of real incomes and wages compared to 1990 levels and national averages, as well as in the low purchasing power of per capita monetary incomes and average monthly wages; and (2) Widespread poverty and persistently high income inequality that exceeds established thresholds.

Keywords: sustainable development; region; population income; challenges; threats; methodology for assessing challenges and threats; indicators; criteria; thresholds; real incomes; purchasing power; income inequality; poverty; Altai Krai

For citation: *Sergienko, A.M. (2025). Vyzovy i ugrozy ustoychivomu razvitiyu regiona v sfere dokhodov naseleniya: metodika otsenki i rezultaty aprobatsii [Challenges and threats to sustainable regional development in the sphere of population income: Assessment methodology and testing results]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 63–89. DOI: 10.15372/REG20250103.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Driving forces and mechanisms of cooperation and integration processes in the economy of Siberia”, No. 121040100279-5

References

1. *Aganbegyan, A.G. (2023). Tri glavnykh sotsialno-ekonomicheskikh vyzova, stoyashchikh pered Rossiei, i 15 otvetnykh shagov [Three main socio-economic challenges facing Russia and 15 response steps]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], Vol. 25, No. 1 (187), 6–15.*
2. *Aganbegyan, A.G., A.N. Klepach, B.N. Porfiriev, M.N. Uzyakov & A.A. Shirov. (2020). Postpandemicheskoe vosstanovlenie rossiyskoy ekonomiki i perekhod k ustoychivomu sotsialno-ekonomicheskomu rostu [Post-pandemic recovery: The Russian economy and the transition to sustainable social and economic development]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 6, 18–26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26.*
3. *Vernadsky, V.I. (2022). Biosfera i noosfera [The Biosphere and Noosphere]. Moscow, AST Publ., 650.*
4. *Kazantsev, S.V. (2022). Lyudi, dokhody i obespechenie natsionalnoy bezopasnosti Rossii i ee regionov [Population, monetary income and national security of the Russian Federation and its regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (115), 61–80. DOI: 10.15372/REG20220303.*
5. *Mityakov, S.N. & E.S. Mityakov. (2023). Razvitiye teorii riskov i porogovykh znacheniy ekonomicheskoy bezopasnosti [Developing the theory of economic security risks and thresholds]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 5, 83–113. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_83_113.*
6. *Mityakov, S.N., O.I. Mityakova, N.A. Murashova & E.A. Nazarova. (2023). Ekonomicheskaya bezopasnost v epokhu peremen [Economic Security in an Era of Change]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev Publ., 120.*
7. *Bobkov, V.N., A.A. Gulyugina, I.B. Kolmakov et al. (2021). Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2020 god [Monitoring of Incomes and Living Standard of the Population in Russia – 2020]. Moscow, OJSC Fabrika Ofsetnoy Pechati Publ., 116. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021.*
8. *Gorshkov, M.K., N.E. Tikhonova, A.L. Andreev et al. (2022). Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian Society and the Challenges of Time], Book 6. Moscow, Ves Mir Publ., 284. DOI: 10.55604/9785777708984.*

9. *Senchagov, V.K., S.A. Pobyvaev & A.I. Solovyev.* (2016). Otsenka vliyaniya globalnykh riskov kak instrument upravleniya ekonomicheskoy bezopasnostyu Rossii [Assessment of the impact of global risks as a tool for managing Russia's economic security]. In: *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: problemy i perspektivy: Mat. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Nizhniy Novgorod, 25–27 maya 2016 goda* [Economic Security of Russia: Problems and Prospects: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 25–27, 2016]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev Publ., 140–150.

10. *Gorodetskiy, A.E. & I.V. Karavaeva* (Eds.). (2023). *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: teoreticheskoe obosnovanie i metody regulirovaniya* [Economic Security of Russia: Theoretical Justification and Methods of Regulation]. Moscow, Institute of Economics RAS Publ., 361.

11. *Cingano, F.* (2014). Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, 163, 1–64. OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jxjrjncwvxv6j-en> (date of access: 19.03.2024).

12. *Dalal-Clayton, B. & S. Bass.* (2012). *Sustainable Development Strategies: A Resource Book*. Routledge, 382. Available at: https://books.google.ru/books?id=CmXh6vKNj8C&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (date of access: 19.03.2024).

13. *Fruhauf, M., G. Guggenberger, T. Meinel, I. Theesfeld & S. Lentz* (Eds.). (2020). *Kulunda: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use*. Cham, Switzerland, Springer Nature Switzerland AG, 522. DOI: 10.1007/978-3-030-15927-6.

14. *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future.* (1987). United Nations, 300. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (date of access: 19.03.2024).

15. *World Development Report 2006: Equity and Development.* (2006). New York, The World Bank and Oxford University Press, 320. Available at: https://www.sas.upenn.edu/~dludden/WDR2006_EQUITY.pdf (date of access: 19.03.2024).

About Author

Sergienko, Aliye Mustafaevna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: a.m.sergienko@mail.ru.

Поступила в редколлегию 19.03.2024.

После доработки 31.05.2024.

Принята к публикации 05.06.2024.

Р.А. Долженко, С.Б. Долженко

ЦЕННОСТИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТРАЖЕНИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Деятельность людей определяется в том числе системой ценностей, которых они придерживаются. Эти ценности формируются очень медленно, слабо меняются, зависят от национальных, региональных и отраслевых особенностей. В большинстве их воздействие на поведение и восприятие людей безусловно, очень устойчиво и малоуправляемо. Однако при учете различных особенностей и грамотном управлении людьми можно добиться повышения эффективности их работы. Свердловская область как определенная территория страны, часть Урала обладает уникальной историей, разнообразным ландшафтом, играет важную роль в экономике и промышленности страны, будучи исконно промышленным регионом. Все это не могло не сформировать у людей, живущих на данной территории, особую систему ценностей, которая может и должна учитываться при управлении персоналом для повышения эффективности труда работников.

Цель исследования – обосновать и выделить базисные ценности горнозаводской цивилизации, сформированные на Урале, для того чтобы использовать их в управлении персоналом на предприятиях Свердловской области. В качестве основных методов исследования были использованы ретроспективный и исторический анализ деятельности промышленных предприятий в различные исторические периоды, интервью с руководителями предприятий Свердловской области и представителями органов власти, взаимодействующих с ними, фокус-группы с экспертами в области управления персоналом.

Исследование показало, что работники крупных промышленных предприятий этого региона обладают особыми ценностями, которые не исключают, а дополняют базовый набор ценностей обычного россиянина. В силу важного значения региона и исторических предпосылок у них сложилось представление об особой роли предприятий Урала в развитии страны («Урал – хребет России», «Урал – оплот горнозаводской цивилизации», «Урал – перекресток цивилизаций»), артикулируются ценности, характерные только для жителей региона.

Управление работниками предприятий с использованием системы ценностей, присущих жителям данной территории, позволит, на наш взгляд, повысить результативность работы персонала, организовать среди молодежи эффективную профориентационную работу, удерживающую ее на территории.

Ключевые слова: ценности; управление персоналом; горнозаводская цивилизация; промышленные предприятия Свердловской области; образование; профориентация

Для цитирования: Долженко Р.А., Долженко С.Б. Ценности горнозаводской цивилизации: отражение в представлениях работников промышленных предприятий Свердловской области // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 90–116. DOI: 10.15372/REG20250104.

ВВЕДЕНИЕ

Ценности выступают одним из регуляторов поведения людей, служат для них ориентирами, предостерегают от поступков, идущих вразрез с представлениями, формируют сообщества, которые объединены целостной культурой. Огромное значение имеет воспитание, которое, в свою очередь, зависит от исторических предпосылок и тех целей, которые ставят перед собой субъекты, оказывающие воспитательное воздействие. По мнению многих исследователей и практиков, для разных стран, территорий, отраслей, организаций и отдельных групп людей характерны свои особые наборы ценностей, обладающие некой вариабельностью при сохранении единого культурного ядра. Чем сильнее и долговременнее воздействие внешней среды на людей, тем ярче проявляются особенности культурного кода тер-

ритории. Свердловская область как часть Урала уникальна по своему ландшафту, имеет богатую историю, располагает мощной производственной и экономической основой, у жителей этой территории сформированы собственные ценности, о которых часто в том или ином ключе говорит общественность [20]. Идентификация этих ценностей, их использование для системного управления людьми, приобщения их к единому ценностному основанию через деятельность не только позволят повысить эффективность социально-трудовой деятельности, но и усилит у людей желание трудиться во благо Родины, на своем предприятии. Особенно актуальна эта тема применительно к молодому поколению, которое в силу значительной погруженности в цифровую среду, мультикультурности как следствия глобализации, отсутствия связи с территорией через дела, поступки, проекты теряет ценности предков, тот базис, который помогает обрести смыслы жизни вообще, в конкретной стране, на конкретной территории.

Исходя из этого целью настоящей работы является идентификация ключевых базисных ценностей горнозаводской цивилизации, сформированных у жителей Свердловской области как части Урала, для того чтобы использовать их в управлении персоналом на предприятиях региона, в развитии территорий проживания, в профориентационной деятельности среди молодых людей. Для достижения этой цели мы рассмотрим исторические предпосылки формирования ценностей горнозаводской цивилизации, сделаем обзор литературы на данную тему, проанализируем результаты интервью и фокус-групп, проведенных авторами, представим возможности их использования в работе во благо развития территории, предприятий, населения региона.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕННОСТЯХ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Термин «горнозаводская цивилизация» был введен П.С. Богословским в 1927 г. Под горнозаводской цивилизацией он понимал «масштабную систему расселения, структурно состоящую более чем из двухсот городов-заводов, являющуюся не просто промышленным

экономическим районом, но и самобытным регионом, в котором все взаимосвязано и подчинено общей жизнедеятельности, сконцентрированной вокруг промышленных предприятий» [6, с. 33]. Некоторые исследователи связывают контур горнозаводской цивилизации с р. Чусовой, по которой осуществлялись сплавы продукции заводов с помощью системы барж с использованием управляемого повышения уровня реки и волны, поднимаемой за счет спуска воды из заводов [18].

Урал как топос (топос, по Платону, – «место памяти, которое становится священным пространством») включает в себя несколько регионов, которые исторически развивались вместе, в разное время входили в разные агломерации, играют неодинаковую роль в экономической жизни страны. Его становление началось в XVII в. в ходе формирования круга промышленных предприятий, объединенных не только собственниками, но и схожим окружающим ландшафтом, связанностью с экономикой страны. Созданию горнозаводской цивилизации способствовали не столько заводы, сколько организация жизни людей в поселениях при них, их вовлечение в производственные и связанные процессы, цикличность деятельности (циклы добычи – производства – перемещения в центральные регионы страны). Все это приводило к объединению рудников, металлургических предприятий, логистических центров и цепочек поставок в единые горнозаводские округа; эти организационные институты подробно описаны в работе Е.Г. Неклюдова [24].

В результате сложного процесса создания системы взаимодействующих элементов вокруг металлургических заводов, которые интегрировали обслуживающие их предприятия (рудные, топливные, транспортные) и жизненную систему рабочих кадров, появились многочисленные замкнутые и достаточно устойчивые социально-экономические объекты, получившие в начале XIX в. наименование горнозаводских округов. Со временем они стали играть важную роль не только в экономической жизни страны, но и в жизни населения на местах, так как собственники заводов пытались оказывать влияние на политические процессы через интегрирование представителей заводов в административные центры управления регионом. В том или

ином виде подобные процессы шли и на других территориях страны, однако нигде так масштабно и основательно в силу того, что заводы изначально были градообразующими элементами жизни на Урале.

Прошли века, сменились общественные формации, горнозаводские округа как институции давно уже были упразднены, поменялись собственники заводов, где-то изменился ландшафт, но базовые принципы работы подобных предприятий сохранились, а вместе с ними сохранились и ценности, лежащие в основе деятельности заводов, их руководителей, работников. Отметим, что в Свердловской области существуют управленческие округа, один из которых носит название «Горнозаводской управленческий округ», но это всего лишь административная надстройка над муниципальным уровнем.

На протяжении нескольких веков большинство населения региона жило в поселениях и городах при заводах, что не могло не сказаться на его историческом и культурном коде. Лишь во второй половине XX в. ученые начали идентифицировать данные территории в качестве уникальных мест для исследования [1] – как города-заводы, моногорода.

Одним из первых, кто зафиксировал влияние культуры и ценностей, присущих жителям территории, на темпы экономического роста, был Э. Бэнфилд [9]. Он подчеркивал, что рост экономики возможен только в случае системной реализации социально-экономической политики на территории с учетом ее культурной системы и традиций. Другие авторы отмечают, что не всегда изменение уровня экономического развития региона влияет на трансформацию культурных ценностей его жителей, в то время как ценности прямо влияют на экономику и производственные отношения [2]. Это в очередной раз указывает на первичное влияние культуры и ценностей, в которых она воплощается, на развитие общества.

Анализируя содержание понятия «ценности горнозаводской цивилизации», необходимо определить значение его ключевых компонентов: «цивилизация» и «ценности».

Одним из базовых определений цивилизации является трактовка А. Тойнби, который исследовал этот феномен и его влияние на развитие общества. В понимании А. Тойнби, цивилизация – это замкну-

тое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: 1) религии и формы ее организации; 2) территориального признака, степени удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло [28]. В этом определении отражена значимость общности пространства, которая может сохраняться даже при существенном расширении территории присутствия людей. Категория «цивилизация» является очень важной для осмысления предмета нашего исследования, как и понятие «культура».

В зарубежной науке выделяют десятки школ и направлений, в рамках которых предлагаются десятки определений понятия «культура», но ни одно из них не признано единственно верным. Классическим является определение Э. Тайлора, английского этнографа, одного из основателей антропологии: «Культура – комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества» [26, с. 18].

Цивилизация трактуется как внешний по отношению к человеку мир, в то время как культура выступает внутренним достоянием людей, складываясь из системы их ценностей. Если посмотреть на историю развития Урала, можно убедиться в том, что на этой территории последовательно формировались, развивались и исчезали технологии, выстраивающие жизнь людей: добыча соли и других полезных ископаемых, промышленность, металлургия и др. С каждым витком развития менялось не только производство, но и быт людей, а также их мышление и поведение.

Именно ценности выступают основой культуры, они формируют базовые нормы, идеалы, верования, разделяемые людьми, в конце концов они определяют стандарты успеха и модели поведения. Ценность – это то, что значимо для человека, что ему дорого и важно, на что он ориентируется в своей деятельности. Организационные ценности, в свою очередь, это все окружающие объекты (как внутри, так и вне организации), в отношении которых члены организации занимают позицию оценки в соответствии со своими потребностями и целями. Они могут подразделяться на те, которыми организация

обладает (разделяемые), и те, на которые она ориентируется (декларируемые).

Влияние ценностей на людей не вызывает сомнений. Начиная с известного исследования Г. Хофштеде, изучавшего особенности ценностей разных территорий с точки зрения выделенных им культурных измерений, проводятся оценки влияния национальных ценностей на управленческие и организационные практики в компаниях. О том, что культура влияет не только на поведение людей, но и на экономику, а также на те начинания, которые должны повысить ее эффективность, подробно написал А.А. Аузан в своей работе «Культурные коды экономики» [3]. Продолжая его логику, представленную в том числе в коллективной работе [4], можно сделать вывод о том, что эта связь прослеживается и на уровне конкретной территории (региона).

По оценкам П.С. Богословского, ученого, который, как уже упоминалось, впервые ввел понятие «горнозаводская цивилизация», Урал является самой индустриализованной зоной нашей планеты [6]. Это не могло не повлиять на менталитет жителей, когда осуществлялась индустриализация региона, а также их потомков, которые живут в уникальном географическом и историческом ландшафте. По мнению А.В. Иванова, индустриализация определила у жителей Урала приоритет ценностей труда и служения и продолжает оказывать влияние на население в настоящем [18]. Его книга «Горнозаводская цивилизация» имеет значение вехи для исследований в этой области, за ней последовали как работы, в которых развивается тема [20], так и работы, где излагается критика [7].

Наши исследования рынка труда Свердловской области показывают значительную дифференциацию трудовых ценностей жителей региона и их отношения к институтам содействия занятости в зависимости от принадлежности к крупным городам, сельскохозяйственным территориям, моногородам¹.

¹ См.: Долженко Р.А., Долженко С.Б., Антонов Д.А. Роль и возможности служб занятости региона (взгляд стейкхолдеров Свердловской области) // ЭКО. – 2023. – № 6 (588). – С. 152–176. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-6-152-176.

Обзор литературы позволил сделать вывод, что горнозаводская цивилизация как объект исследования интересует ученых уже более 10 лет. При этом ее изучают представители разных предметных областей.

Среди исследований историков можно выделить работы К.И. Зубкова о «колонизации в истории имперской России» [15], о цивилизационной принадлежности России на границе Европы и Азии, которая проходит через Урал [16]. Многие историки описывают конкретные аспекты существования Урала: металлургию [27], нефтегазодобычу [10; 11], культуру городов [12] и пространств [14], урбанизацию [13], промышленный туризм как направление реиндустриализации [17], проводят аналогии между развитием горнозаводской цивилизации в XVIII в. и Сколково в XXI в. [22] и т.д.

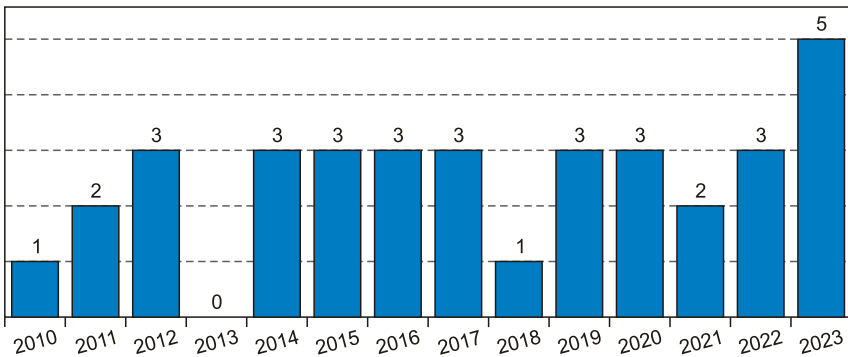
Эксперты по управлению и экономике исследуют этот феномен с разных сторон. Например, в статье В.П. Береснева и А.И. Семячкова рассмотрены историческая подоплека развития горнозаводской цивилизации и последствия влияния промышленности (Нижнетагильский металлургический комбинат и «Уралвагонзавод») на город (Нижний Тагил) [5]. В работе Ю.Г. Мысляковой, Е.А. Шамовой и Н.П. Неклюдовой на примере Урала анализируются генотип территории и его влияние на экономическую жизнь населения, в том числе на его доходы [23]. Одной из самых цитируемых работ по теме является статья Н.Ю. Сорокиной и Ю.В. Латова [25], в которой авторы описывают, как смена технологических укладов повлияла на развитие старопромышленных регионов страны (Урала и Алтая). Отметим, что в солидных научных изданиях было опубликовано несколько статей, которые оперируют понятием «старопромышленный регион», подразумевающим территорию с концентрацией промышленных отраслей. С нашей точки зрения, понятие «горнозаводская цивилизация» шире и глубже, так как затрагивает интеграцию промышленности и жизни, влияние заводов на жизнедеятельность и ценности жителей, имеет исторические базисы не только в наличии предприятий, но и в знаковых событиях, которые воздействовали на поколения людей.

Философы, политологи и социологи пытаются учитывать влияние ландшафта, исторического контекста на жизнь населения регионов Урала и их туристический потенциал [31]. Отдельно отметим, что по

мнению ряда ученых, наследие горнозаводской цивилизации может стать основой для развития промышленного туризма [17], позволит брендировать территории. Системно пытаются осмыслить роль и значение выделения региональных цивилизационных ландшафтов в жизни России Р.Ю. Федоров [30] и Н.И. Тюленева [29].

Количество публикаций в релевантных научных журналах, посвященных вопросам горнозаводской цивилизации, не так велико, всего в РИНЦ проиндексировано 35 публикаций на эту тему начиная с 2007 г. (см. рисунок). Отметим, что А.В. Иванов издал свою книгу «Горнозаводская цивилизация» в 2014 г., и это сразу отмечает аргументы некоторых исследователей, что данная тема является надуманной и была актуализирована работой уральского писателя. В действительности она вызывала интерес у ученых и до этого времени. Больше всего научных работ о горнозаводской цивилизации было опубликовано в 2023 г. (пять работ).

Актуальность данной темы именно в 2023 г. очень емко охарактеризовал в своей статье В.А. Крюков. Он отметил, что «исторические, культурные, технологические особенности “горнозаводской цивилизации” оказывают значительное влияние на те подходы и решения, которые реализуются на ее территории... К их числу, несомненно,

Количество публикаций, посвященных вопросам горнозаводской цивилизации

Источник: составлено авторами по данным РИНЦ по ключевому слову «горнозаводская цивилизация»

относится повышенное внимание к вопросам кооперации, взаимодействия и взаимодополнения различных сфер экономической деятельности». И далее В.А. Крюков упоминает еще один важный аспект: «...Развитие “горнозаводской цивилизации” сопровождалось, говоря современным языком, формированием передового человеческого капитала. Это оказало определяющее влияние на развитие локальной кооперации различных видов и сфер экономической деятельности, а также на формирование у работников повышенного чувства ответственности за свое дело и за судьбу Отечества» [21].

Далее мы опишем результаты исследования ценностей жителей региона Урала, называемых еще ценностями горнозаводской цивилизации, которая была присуща данному топосу, а также рассмотрим возможности их учета и развития в рамках действующих систем работы с людьми на предприятиях данного региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ВЫРАЖЕННОСТИ ЦЕННОСТЕЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ У РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Для оценки возможностей использования и развития конкретного набора ценностей у работников предприятий Свердловской области предварительно были выделены наиболее крупные и значимые события в жизни региона за XVIII–XXI вв., так как они являются реперными точками, которые позволяют определить проявления ценностей в деятельности массы людей, в них участвующих.

Проведенное пилотное исследование выраженности у респондентов ценностей горнозаводской цивилизации показало, что корреляции между выборами малозначимы, для опрашиваемых характерен стандартный набор базовых ценностей. Этот момент определил необходимость пересмотра методологии исследования, обусловил отказ от анкетного опроса в пользу фокус-групп и глубинных интервью с экспертами в области управления человеческими ресурсами крупных отечественных компаний региона. В выборку попали: эксперты, возглавляющие функцию управления персоналом (в статусах директора по персоналу, заместителя директора по персоналу, HR-биз-

нес-партнера, начальника подразделения по работе с персоналом) в крупных промышленных предприятиях с численностью работников не менее 5 тыс. чел., обладающие профильным опытом не менее пяти лет (всего 12 чел.); ученые-историки, специализирующиеся на истории Урала (три исследователя); специалисты по образованию школьного и вузовского уровней (четыре учителя и пять преподавателей вузов), реализующие профильные курсы по истории региона, управлению персоналом, социологическим исследованиям.

Отметим, что большинство экспертов от предприятий представляют заводы, которые оказывают значительное влияние на территорию присутствия. В Свердловской области крупнейшие заводы являются важнейшим элементом жизни муниципалитетов, их ключевые сотрудники переводятся на работу в органы публичной власти (администрацию муниципалитета, городскую думу). Это «Уралвагонзавод» в Нижнем Тагиле, Первоуральский новотрубный завод в Первоуральске, «Уралэлектромедь» в Верхней Пышме, Синарский трубный завод в Каменск-Уральском, Северский трубный завод в Полевском и др.

Целью фокус-групп стали поиск и идентификация уникальных ценностей жителей территорий, причисленных к горнозаводскому региону, оценка потенциала влияния этих ценностей на текущие практики управления и на отношение к возникающим задачам и проблемам, разработка рекомендаций по учету ценностей в системах управления персоналом предприятий региона, а также в системах образования.

В рамках фокус-групп с экспертами в области управления персоналом, историками и специалистами по образованию были выделены реперные события в жизни региона, которые оказали долгосрочное воздействие на население, сведения о которых передаются из поколения в поколение, которые выступают в качестве нормативного регулятора поведения. В первой итерации были отобраны все исторические события, произошедшие на Урале и имеющие долгосрочные последствия, сформирована их характеристика, очищенная от оценочных моментов. Экспертам была предоставлена возможность ознакомиться с событиями и проранжировать их, исходя из значимости

и долгосрочного воздействия на поведение жителей региона. Во второй итерации в рамках фокус-групп были обсуждены 10 важнейших, по мнению экспертов, событий, последовательно отброшены пять событий с меньшей значимостью. В итоговой части обсуждения участники мероприятия сопоставили каждому событию конкретную ценность, которая им подтверждается.

В итоговый список событий и ценностей попали:

1) формирование сети промышленных заводов – центров моногородов. Ценность – служение предприятию и земле, на которой оно находится;

2) казнь семьи Николая Романова и последующее раскаяние за совершенное в регионе злодеяние. Ценность – неприятие импульсивных, скорых решений;

3) эвакуация на Урал промышленных предприятий центральной части России во время Великой Отечественной войны. Ценность – безоговорочное следование намеченному плану, жертвование собой в пользу существования страны;

4) специфический характер проживания 90-х годов при переходе к рыночной экономике. Ценность – отсутствие границ в части начинаний по достижению поставленных целей;

5) митинг против строительства храма. Ценность – консерватизм в принятии навязанных точек зрения, четкое следование принятому курсу.

По мнению большинства экспертов, вопросам истории развития Урала и промышленности на его территории уделяется очень мало внимания образовательными организациями и исследователями. Действительно, обзор литературы показывает, что более «модной» является тема урбанистики и реиндустриализации [19] вместо темы промышленности и индустриализации, так необходимых экономике страны. При этом на каждом этапе развития территории сообщество людей и отдельные его «рупоры» формировали поддержку тех или иных начинаний: в периоды индустриализации Урала, перемещения в регион производств в Великую Отечественную войну, советской индустриализации, «лихих девяностых», новой реиндустриализации в последние годы. Синхронизация усилий интеллигенции, рабочих

кадров, чиновников и СМИ – вот чего не хватает для максимизации эффектов от таких начинаний и деятельности людей по реализации «великих проектов» заводов, Свердловской области, Урала, России. Ключевой вопрос, который нас интересует: каким может и должен стать этот посыл по отношению к молодому поколению? Ответ на него будет представлен далее, в следующем разделе статьи.

Мнения экспертов были кластеризованы в зависимости от того, насколько они поддерживают идею о необходимости учета ценностей территории в развитии системы управления персоналом, в частности ценностей горнозаводской цивилизации. Всего было выделено три кластера мнений, в соответствии с которыми эксперты были отнесены к одной из трех ролей исходя из их представлений о необходимости учитывать ценности места в системе работы с людьми. Для простоты изложения каждая роль была наименована: «защитник», «нападающий», «диктор».

«Защитник» – руководитель, который является инбридом, его карьерный путь связан полностью с предприятием, начиная от базовой рабочей специальности до высшего уровня руководства. Придерживается представлений о том, что лучший ориентир для развития завода – его прошлое состояние, принятые ранее подходы, поддерживает представителей старых поколений, очень консервативно относится к инновациям в сфере управления персоналом. Старается сохранить действующие подходы, тормозит нововведения, особенно если они могут привести к отказу от прежних правил работы.

«Нападающий» – руководитель, который находится в активной позиции с точки зрения поиска внутренних инноваций и их трансляции в другие подразделения. Считает, что именно инициатива местных работников может дать идеи для развития. Очень критично относится к консалтинговым агентствам. Преувеличивает преимущества действующих подходов, критикует другой опыт, скептически относится к инициативам, полученным извне. Старается наработки и базовые принципы распространить на предприятия-партнеры.

«Диктор» – это, как правило, представитель холдинговой структуры, «варяг», т.е. эксперт, приехавший на Урал из другого региона. Транслирует идеи, проекты, приоритеты, которые идут из головного офиса, исходя из «моды» на определенные темы, из утвержденной

стратегии. Придерживается ориентации на стандартизацию работы структурных подразделений по единым правилам.

Были также проведены точечные опросы ряда ключевых экспертов в области горнозаводской цивилизации, в частности А.В. Иванова. По мнению писателя, «идентичность – это иерархически организованная система ценностей, которая различается у людей, общностей, наций. Идентичность определяется иерархией ценностей и тем, какая из них признается главной. В горнозаводской цивилизации ключевой ценностью является труд. Именно она определяла особенность идентичности людей, проживающих на Урале»; «Региональная идентичность формируется наиболее эффективным способом освоения территории. На Урале это промышленность». Соответственно, необходимо не выстраивать ценности, а создавать такую систему жизни и работы, в которой люди будут развиваться, воплощать свои ценности, и для этого в первую очередь нужно развивать региональную промышленность (экономику) и общественную жизнь. Эффективная экономика и богатая общественная жизнь сами формируют у людей правильные ценности. «Современной молодежи надо дать возможность хорошо зарабатывать интеллектуальным и творческим трудом, и тогда у нее сформируется ценность труда – главная индустриальная ценность. При этом труд (интеллектуальный и творческий) в подавляющем объеме будет не промышленным, а общество – постиндустриальным. А принудительная работа на заводе никакой ценности не сформирует. Бессмысленное, подневольное и невознагражденное дело воспитывать неспособно».

Запрос на развитие у молодежи ценности результативного труда актуализирован, в частности, в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². В документе определены «традиционные ценности – нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые

² См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.

от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Одной из ценностей в документе обозначен «созидательный труд», и это созвучно результатам нашего исследования в той части, что базовой ценностью горнозаводской цивилизации является труд. Понятие «созидательный труд» еще не устоялось, фактически оно вводится упомянутым указом и в массовом сознании не закреплено. При этом эксперты отмечают, что на заводах Урала ценность труда отчетливо проявляется в ежедневном поведении работников, для них трудиться эффективно – норма. Другие ценности, изложенные в указе Президента РФ, в их работе проявляются не так ярко.

Безусловно, что базовый набор ценностей у жителей Свердловской области и работников промышленных предприятий региона, как и всей страны, примерно одинаков. Возможны некоторые вариации, обусловленные возрастом человека, социально-экономическим положением его семьи, его личной историей и другими факторами. Например, в общественном сознании жителей разных территорий – Кузбасса, Кавказа, Дальнего Востока и других есть представления об их уникальных ценностях. Но так ли они уникальны в масштабах всей страны? В случае с ценностями горнозаводской цивилизации, среди которых первична ценность труда, их можно рассматривать как определенный ориентир для формирования необходимого ценностного контура у молодых людей, которые находятся в самом начале профессионального пути. Никакой уникальной горнозаводской идентичности населения уральских регионов, конечно же, нет. Любые основания для ее возникновения были перемолоты историческими событиями, сменявшими друг друга на протяжении последних веков. История Урала в этом случае может стать лишь поводом для акцентирования внимания молодежи на важных ориентациях: на эффективный труд, дисциплину, служение организации и территории, на которой живешь. Легенда о горнозаводской цивилизации может стать обрамлением деятельности по формированию ценности эффективного труда у молодых людей.

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Результаты проведенного исследования и текущие вызовы, стоящие перед страной, не вызывают сомнений, что необходимы дополнительные «скрепы», которые упрочат ценностные ориентиры населения, сосредоточат бизнес и сообщества на решении общенациональных задач. Сделать это можно и нужно как на уровне всей страны через усиление традиционных ценностей, так и на уровне отдельных территорий, которые исторически укрепляли социально-экономический каркас страны по горизонтали. Свердловская область – одна из таких территорий. Встречное движение в развитии ценностей у жителей страны с микро- на макроуровень также необходимо. Здесь надо решить вопросы, как приспособить сложившуюся производственную и управленческую культуру к насущным запросам государства через формирование актуальных новых ценностей или реанимацию традиционных советских ценностных моделей в новой интерпретации. На основе этих ценностей нужно формировать новые результативные модели поведения, «доформировывать» менталитет руководителей и персонала предприятий, чтобы затем «перезагрузить» индустриальную общность. И только после этого можно будет приступать к формированию проектов реиндустриализации и их воплощению [8]. Иначе трудоспособное население просто не поймет и не примет проекты новой индустриализации, будет их саботировать и делать все по-старому, т.е. в рамках существующей ценностной модели. В первую очередь развитие модели ценностных ориентаций населения должно быть запущено среди молодежи.

Именно поэтому важна профориентационная работа среди подростков в возрасте от 12 лет для формирования у них представлений о значимости региона, его особенностях, ценностях проживающих в нем людей. Для этого рекомендуется разработать профориентационный квест в виде коробочного решения, которое может быть оперативно передано педагогам школ и вузов региона. Необходимо также разработать базовый курс для студентов первых курсов всех

вузов Свердловской области, посвященный истории, ценностям, лучшим практикам из жизни Урала и области. Он должен включать в себя темы, представленные в таблице.

Следующий шаг – организация промышленного туризма с акцентом на ценностях и их формировании у жителей территории, разработка туристических маршрутов по ключевым промышленным предприятиям Свердловской области («Уралвагонзавод», Уральская гор-

Примерная структура учебного плана базового курса

Тематика	Ключевые смысловые единицы
История России и место в ней истории Урала	История России как сюжет воплощения предназначения страны, ее народа, системы ценностей. Системный подход к развитию страны, взаимное влияние территорий и населения. Культурный подход к истории страны
История освоения Урала	История интеграции территории в страну. Ключевые события на этапе освоения. Культурная, экономическая, религиозная интеграция
Роль Урала в развитии России	История развития промышленности на Урале. Ключевые заводы, находящиеся на территории. Знаковые события в их развитии
География территории Урала, место Свердловской области	Регионы Урала. Разнообразие ландшафтов. Территориальная протяженность
Современное состояние социально-экономической жизни Урала и Свердловской области	Данные о демографии на Урале. Количество предприятий, результаты их деятельности. Культура Урала, ее видные представители. Связь Урала с другими территориями и всей страной
Ответственность уральского бизнеса за развитие территории	Примеры вклада Уральского бизнеса в развитие территорий на протяжении всей истории страны. Ценностные основания ответственности за свою малую родину
Ценность труда и ее роль в развитии Урала и Свердловской области	Примеры ответственного труда жителей Урала и Свердловской области. Основные достижения предприятий в важные моменты истории страны

Источник: составлено авторами на основе опроса экспертов-педагогов, принимавших участие в фокус-группах.

но-металлургическая компания, Трубная металлургическая компания и др.). Наглядное знакомство с технологическими процессами на современных предприятиях позволит сформировать неискаженное представление о потенциальном рабочем месте, соответствующем всем необходимым требованиям безопасности, комфорта и эргономичности.

Ценности должны поддерживаться и у взрослых, и для этого нужно разрабатывать и реализовывать корпоративные образовательные программы для предприятий Урала, консолидировать наработки под брендом «Уральская школа управления», транслировать их в другие регионы в формате лучших практик.

Рекомендуем запустить проект «Открываем Урал заново» по аналогии с проектом «Открываем Россию заново». Это профессиональный конкурс, победители которого отправляются в проектную или исследовательскую экспедицию и решают задачи стратегического развития одного из регионов Урала. Опыт и знания, полученные в ходе экспедиций по Уралу, студенты российских вузов адаптируют под решение задач развития базового региона, в котором они учатся и планируют продолжать трудовую деятельность.

Нужно формировать медиа-бренд Урала через призму жизни, промышленности, обучения: «Жить на Урале», «Учиться на Урале», «Работать на Урале». Уточним, что на высоком уровне нужно формировать у молодежи привлекательный образ жизни именно на Урале, а не в отдельном регионе, в нашем случае в Свердловской области.

Необходимы региональные олимпиады по истории Урала, Свердловской области и уральской промышленности, предпринимательства, социальной ответственности. Популяризация вопросов предпринимательства, и в частности промышленности, Урала на любом этапе обучения молодежи может оказать содействие формированию конкретного представления о сущностном наполнении экономики уральских регионов, о рациональном размещении и использовании производств и рынков сбыта изготавливаемой продукции.

В части управления персоналом при трудоустройстве соискатель может оцениваться с точки зрения выраженности у него определенных ценностей в деятельности и мышлении с помощью технологий

ассессмента, опросов, тестирования. В рамках адаптации новый работник может проходить соответствующий курс по истории Урала, уральской промышленности и своего предприятия. В системе стимулирования результативный труд может поощряться с помощью системы показателей и сдельной формы оплаты труда. При построении карьерных лестниц необходимо учитывать производственный опыт, стаж работы в цехе, особенно в отношении управленческого персонала, и другие факторы.

Ключевой вопрос, на который должен ответить руководитель завода или его директор по персоналу, – какой вектор ориентации он выбирает. Если предприятие входит в контур холдинга, управляющая компания которого находится в Москве, оптимальный вариант роли – «хранитель». Если это самостоятельный бизнес с историей, связанной с Уралом, то оптимальная роль – «защитник». Практика последних десятилетий показала, что корпоративная культура является очень важным инструментом воздействия на работников, упорядочивания их мышления и деятельности. Весьма актуальным становится ответ на вопрос, следует ли учитывать в управлении ценностями особенности территории, на которой находится предприятие, его историю, знаковые для региона события.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлены ценности горнозаводской цивилизации, которые могут быть использованы для управления персоналом уральских предприятий, а также для организации профориентационной работы среди молодежи регионов Урала, и в частности Свердловской области. Анализ показал, что на территории Свердловской области за последние несколько веков произошли реперные события, которые оставили важный след в истории этого региона, оказывают влияние на менталитет его жителей, их ценности, культуру территории. С одной стороны, правильнее говорить о наличии культурных особенностей в рамках отдельных регионов, а не в целом Урала, так как действующее территориальное деление существует длительное время, за которое успели произойти некоторые события, сформироваться определенные ценности у жителей каждого конкретного региона.

С другой стороны, именно бренд Урала на высоком уровне может привлекать молодежь со всей страны, а уже после этого каждый конкретный молодой человек может принять решение о том, с каким именно регионом он хочет связать свою судьбу.

Разработка образовательных и профориентационных программ, основанных на ценностях горнозаводской цивилизации, даст явный эффект с точки зрения привлечения молодежи, однако нужно оговориться, что данная деятельность сама по себе является активизирующим фактором, и возможно, что и при другом наборе ценностей подобные мероприятия тоже будут результативны.

В любом случае такая работа по учету ценностей места, в котором живет население, необходима как на федеральном, так и на локальном уровне, с тем чтобы минимизировать последствия непродуманных управленческих решений и, наоборот, максимизировать эффект от проектов, инициированных с опорой на историю и ценности топоса, например в нашем случае – Свердловской области и Урала.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, грант № 24-28-20469
(<https://rscf.ru/project/24-28-20469/>),
и правительства Свердловской области*

Список источников

1. *Алферов Н.С.* Зодчие старого Урала: Первая половина XIX века. – Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1960. – 215 с.
2. *Андреева Е.Л., Карх Д.А., Мыслякова Ю.Г.* Концептуальный подход к формированию базового кода неоиндустриального развития региона // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 3. – С. 732–745.
3. *Аузан А.А.* Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: АСТ, 2023. – 160 с.
4. *Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А.* Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. – 2020. – № 7. – С. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91.
5. *Береснев В.П., Семячков А.И.* Уральская горнозаводская цивилизация: от инновационных технологий до умного города // Экология и развитие общества. – 2023. – № 1 (40). – С. 28–40.

6. *Богословский П.С.* О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. – Свердловск: Уральское бюро краеведения, 1927. – Вып. 1. – С. 33–37.

7. *Бруцкая Л.А., Субботин Д.М.* Горнозаводская цивилизация Урала в изложении А.В. Иванова – новый миф о биармии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. – № 9. – С. 147–149.

8. *Бугров К.Д.* Креативные стратегии трубных предприятий Урала: между реиндустриализацией и мемориализацией // *Tempus et Memoria*. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 13–22.

9. *Бэнфилд Э.* Моральные основы отсталого общества. – М.: Новое издательство, 2019. – 240 с.

10. *Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Федоров Р.Ю.* Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления // Ойкумена: Регионоведческие исследования. – 2011. – № 3 (18). – С. 115–130.

11. *Ганопольский М.Г., Федоров Р.Ю.* На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 203–211.

12. *Головнёва Е.В.* Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (Екатеринбург на интернет-форумах) // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3 (52). – С. 43–51.

13. *Гун Г.Е.* Культура городов Южного Урала в контексте современных проблем урбанизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12-3 (26). – С. 69–72.

14. *Гурьевских О.Ю.* Феномен геокультурного пространства Среднего Урала // Феномен ландшафтно-географического исследования / Отв. ред. Д.В. Черных. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2023. – С. 141–149.

15. *Зубков К.И.* Колонизационный тренд в истории имперской России: динамика «вызовов» и «ответов» // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 32–40.

16. *Зубков К.И.* Урал как граница Европы и Азии, или Еще раз о цивилизационной принадлежности России // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 2 (51). – С. 113–117.

17. *Зырянова И.С., Сафарян А.А.* Промышленный туризм в Пермском крае // География и туризм. – 2021. – № 2. – С. 66–71.

18. *Иванов А.В.* Горнозаводская цивилизация. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.

19. *Ильченко М.С., Петрова Л.Е., Пронин А.А.* Проект «Уралмаш»: культурное будущее (пост)индустриальных городов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2017. – № 2. – С. 141–143.

20. *Крутеева О.В., Минина О.Ю.* Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6, № 5А. – С. 305–316.

21. *Крюков В.А.* Пути-дороги «горнозаводской цивилизации» // ЭКО. – 2023. – № 4 (586). – С. 4–7.
22. *Латов Ю.В., Латова Н.В.* Сколково как инновационный центр: общее и особенное (историко-компаративистский подход) // Journal of Economic Regulation. – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 37–45.
23. *Мыслякова Ю.Г., Шамова Е.А., Неклюдова Н.П.* Социально-экономический генотип территорий опережающего развития (на примере уральского региона) // Journal of Applied Economic Research. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 310–328.
24. *Неклюдов Е.Г.* Горнозаводские округа на Урале: формирование и состав в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (139). – С. 119–133.
25. *Сорокина Н.Ю., Латов Ю.В.* Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Journal of Economic Regulation. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 6–22.
26. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 576 с.
27. *Тарасов Р.С.* Состояние металлургической промышленности России середины XIX века: политико-экономические аспекты // В мире научных открытий. – 2012. – № 11-4 (35). – С. 80–101.
28. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
29. *Тюленева Н.И.* К вопросу о концепции культурного ландшафта: географическое пространство и образы Урала // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 7. – С. 273–276.
30. *Федоров Р.Ю.* Региональные цивилизационные ландшафты: введение в понятие и опыт реконструкции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5-2 (19). – С. 193–200.
31. *Шпицына О., Солонина Н., Бугров К., Назукина М., Снитко А., Тимофеев М.* Горнозаводская и равнинно-фабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 125–144.

Информация об авторах

Долженко Руслан Алексеевич (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62). E-mail: snurk17@gmail.com.

Долженко Светлана Борисовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики

труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62).
E-mail: ginsb@usue.ru.

DOI: 10.15372/REG20250104

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 90–116

R.A. Dolzhenko, S.B. Dolzhenko

**THE VALUES OF MINING CIVILIZATION AS REFLECTED
IN THE PERCEPTIONS OF INDUSTRIAL WORKERS
IN SVERDLOVSK OBLAST**

Human activities are influenced, among other factors, by the value systems to which individuals adhere. These values develop gradually, change minimally, and depend on national, regional, and industry-specific characteristics. For the most part, their impact on people's behavior and perceptions is stable and difficult to control. However, understanding these values and managing people effectively can enhance work efficiency. Sverdlovsk Oblast, as a distinct territory in Russia and the Urals, has a unique history and diverse landscapes, it plays a significant role in the country's economy and industry. This has historically shaped a specific system of values among the people of the Urals, which can and should be leveraged in personnel management to improve employee performance.

The purpose of this study is to identify and substantiate the key foundational values of the "mining civilization" that have emerged in the Urals and explore their application in managing personnel at regional enterprises. The research employs several methods, including a retrospective and historical analysis of industrial enterprises' activities across different historical periods, interviews with managers of enterprises in Sverdlovsk Oblast and government officials interacting with them, and focus groups with experts in personnel management.

The findings reveal that the workforce of Ural enterprises exhibits particular values that complement, rather than replace, the core values of the average Russian worker. Due to the region's importance and historical context, workers here demonstrate a sense of selectivity and the special role of Ural enterprises in the country's development (e.g., "The Urals as the backbone

of Russia”, “*The Urals as the stronghold of mining civilization*”, “*The Urals as the crossroads of civilizations*”). *These values are distinctive to the region’s inhabitants.*

Incorporating the Urals’ unique value system into personnel management strategies can, in our view, boost employee productivity and facilitate effective career guidance for young people, encouraging them to remain in the region.

Keywords: values; personnel management; mining civilization; industrial enterprises in Sverdlovsk Oblast; education; career guidance

For citation: *Dolzhenko, R.A. & S.B. Dolzhenko. (2025). Tsennosti gornozavodskoy tsivilizatsii: otrazhenie v predstavleniyakh rabotnikov promyshlennykh predpriyatiy Sverdlovskoy oblasti [The values of mining civilization as reflected in the perceptions of industrial workers in Sverdlovsk Oblast]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 90–116. DOI: 10.15372/REG20250104.*

The study was funded by the Russian Science Foundation grant within the project No. 24-28-20469 (<https://rscf.ru/project/24-28-20469/>) and the Government of Sverdlovsk Oblast

References

1. *Alferov, N.S. (1960). Zochie starogo Urala: Pervaya polovina XIX veka [Architects of the Old Urals: The First Half of the 19th Century]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 215.*
2. *Andreeva, E.L., D.A. Karkh & Yu.G. Myslyakova. (2017). Kontseptualnyy podkhod k formirovaniyu bazovogo koda neoindustrialnogo razvitiya regiona [Conceptual approach to forming the basic code of neo-industrial development of a region]. Ekonomika regiona [Economy of Region], Vol. 13, No. 3, 732–745.*
3. *Auzan, A.A. (2023). Kulturnye kody ekonomiki: Kak tsennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda [Cultural Codes of Economics: How Values Affect Competition, Democracy, and the Well-being of People]. Moscow, AST Publ., 160.*
4. *Auzan, A.A., A.I. Bakhtigaraeva, V.A. Bryzgalin, A.V. Zolotov, E.N. Nikishina, N.A. Pripuzova & A.A. Stavinskaya. (2020). Sotsiokulturnye faktory v ekonomike: proyennye rubezhi i aktualnaya povestka [Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 7, 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91.*
5. *Beresnev, V.P. & A.I. Semyachkov. (2023). Uralskaya gornozavodskaya tsivilizatsiya: ot innovatsionnykh tekhnologiy do umnogo goroda [Ural mining civilization: from innovative technologies to smart city].*

From innovative technologies to smart city]. *Ekologiya i razvitie obshchestva* [Ecology and Society Development], 1 (40), 28–40.

6. *Bogoslovskiy, P.S.* (1927). O postanovke kulturno-istoricheskikh izucheniy Urala [on setting the cultural-historical study of the Urals]. In: *Uralskoe kraevedenie* [Ural Regional Studies], Iss. 1. Sverdlovsk, Ural Bureau of Local History, 33–37.

7. *Brutskaya, L.A. & D.M. Subbotin.* (2014). Gornozavodskaya tsivilizatsiya Urala v izlozhenii A.V. Ivanova – novyy mif o biarmii [“Gornozavodskaya civilization” as interpreted by A.V. Ivanov – a new myth of Bjarmia]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition], 9, 147–149.

8. *Bugrov, K.D.* (2022). Kreativnye strategii trubnykh predpriyatiy Urala: mezhdou reindustrializatsiey i memorializatsiey [Creative strategies of Ural pipe companies: Between technological heroism and memorialization]. *Tempus et Memoria*, Vol. 3, No. 2, 13–22.

9. *Banfield, E.* (2019). *Moralnye osnovy otstalogo obshchestva* [The Moral Basis of a Backward Society]. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ., 240.

10. *Ganopolsky, M.G., L.M. Markova & R.Yu. Fedorov.* (2011). Tyumenskaya neftegazodobyvayushchaya tsivilizatsiya: istoriko-geograficheskii konspekt stanovleniya [Tyumen oil and gas civilization: Historical and geographical outline of the formation]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches], 3 (18), 115–130.

11. *Ganopolsky, M.G. & R.Yu. Fedorov.* (2011). Na puti k neftegazodobyvayushchey tsivilizatsii (opyt istoriko-geograficheskoy rekonstruktsii) [On the way to oil and gas civilization (The experience of historical and geographic reconstruction)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Herald of Archaeology, Anthropology, and Ethnography], 1 (14), 203–211.

12. *Golovneva, E.V.* (2016). Mifologizatsiya kak sposob konstruirovaniya gorodskoy identichnosti (Ekaterinburg na internet-forumakh) [Mythologization as a means of urban identity constructing (Ekaterinburg in internet-forums)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 3 (52), 43–51.

13. *Gun, G.E.* (2012). *Kultura gorodov Yuzhnogo Urala v kontekste sovremennykh problem urbanizatsii* [Southern ural cities culture in context of contemporary problems of urbanization]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 12-3 (26), 69–72.

14. *Guryevskikh, O.Yu.* (2023). Fenomen geokulturnogo prostranstva Srednego Urala [The Phenomenon of the Geocultural Space of the Middle Urals]. In: D.V. Chernykh (Ed.). *Fenomen landshaftno-geograficheskogo issledovaniya. Sbornik statey* [Phenomenon of Landscape-Geographical Research: collection of articles]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 141–149.

15. *Zubkov, K.I.* (2019). Kolonizatsionnyy trend v istorii imperskoy Rossii: dinamika “vyzovov” i “otvetov” [Colonization trend in the history of imperial Russia: Dynamics of “challenges” and “responses”]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* [History and Modern Perspectives], Vol. 1, No. 4, 32–40.

16. *Zubkov, K.I.* (2016). Ural kak granitsa Evropy i Azii, ili eshche raz o tsivilizatsionnoy prinadlezhnosti Rossii [The Urals as a border between Europe and Asia, or once more on Russia’s civilization identity]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2 (51), 113–117.

17. *Zyrianova, I.S. & A.A. Safarian.* (2021). Promyshlennyy turizm v Permskom krae [Industrial tourism in Perm region]. *Geografiya i turizm* [Geography and Tourism], 2, 66–71.

18. *Ivanov, A.V.* (2014). Gornozavodskaya tsivilizatsiya [Mining Civilization]. Moscow, AST Publ., 288.

19. *Ilchenko, M.S., L.E. Petrova & A.A. Pronin.* (2017). Proekt “Uralmash”: kulturnoe budushchee (post)industrialnykh gorodov [The project “Uralmash”: Cultural future of (post)industrial cities]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Uralskiy region* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Ural Region], 2, 141–143.

20. *Kruteeva, O.V. & O.Yu. Minina.* (2016). Gornozavodskaya kultura Urala: perekryostok tsivilizatsiy [Mining and metallurgical culture of the Urals: The crossroads of civilizations]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], Vol. 6, No. 5A, 305–316.

21. *Kryukov, V.A.* (2023). Puti-dorogi “gornozavodskoy tsivilizatsii” [Pathways and roads of the “mining civilization”]. *EKO* [ECO], 4 (586), 4–7.

22. *Latov, Yu.V. & N.V. Latova.* (2015). Skolkovo kak innovatsionnyy tsentr: obshchee i osobennoe (istoriko-komparativistskiy podkhod) [Skolkovo as an innovation center: General and special (Historical comparative approach)]. *Journal of Economic Regulation*, Vol. 6, No. 1, 37–45.

23. *Myslyakova, Yu.G., E.A. Shamova & N.P. Neklyudova.* (2020). Sotsialno-ekonomicheskiy genotip territoriy operezhayushchego razvitiya (na primere Uralskogo regiona) [Social and economic genotype territories of the advancing development on example of the Ural region]. *Journal of Applied Economic Research*, Vol. 19, No. 3, 310–328.

24. *Neklyudov, E.G.* (2015). Gornozavodskie okruga na Urale: formirovanie i sostav v XVIII – nachale XX v. [Mining districts of the Urals: Establishment and structure in the 18th – early 20th century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2 (139), 119–133.

25. *Sorokina, N.Yu. & Yu.V. Latov.* (2018). Evolyutsiya staropromyshlennykh regionov v ekonomike Rossii [Evolution of old industrial regions in the economy of Russia]. *Journal of Economic Regulation*, Vol. 9, No. 1, 6–22.

26. *Tylor, E.B.* (1989). Pervobytnaya kultura [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 576.

27. *Tarasov, R.S.* (2012). Sostoyanie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii srediny XIX veka: politiko-ekonomicheskie aspekty [Condition of metallurgical industry of Russia of the middle of the XIX century: Political-economical aspects]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries], 11-4 (35), 80–101.

28. *Toynbee, A.J.* (2001). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Rolf Publ., 640.

29. *Tyuleneva, N.I.* (2014). K voprosu o kontseptsii kulturnogo landshafta: geograficheskoe prostranstvo i obrazy Urala [On the concept of cultural landscape: Geographical space and the image of the Ural]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], Vol. 20, No. 7, 273–276.

30. *Fedorov, R.Yu.* (2012). Regionalnye tsivilizatsionnye landshafty: vvedenie v ponyatie i opyt rekonstruktsii [Regional civilizational landscapes: Introduction into notion and reconstruction attempt]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 5-2 (19), 193–200.

31. *Shipitsyna, O., N. Solonina, K. Bugrov, M. Nazukina, A. Snitko & M. Timofeev.* (2021). Gornozavodskaya i ravninno-fabrichnaya tsivilizatsii Rossii: industrialnoe nasledie i gorodskaya identichnost [Mining and plain-factory civilizations of Russia: Industrial heritage and urban identity]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], Vol. 6, No. 1, 125–144.

About Authors

Dolzhenko, Ruslan Alekseevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics (62, 8 March St., Yekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: snurk17@gmail.com.

Dolzhenko, Svetlana Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics (62, 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: ginsb@usue.ru.

Поступила в редколлегию 18.03.2024.

После доработки 09.07.2024.

Принята к публикации 15.07.2024.

© Долженко Р.А., Долженко С.Б., 2025

УДК 332.1+339.9

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 117–141

В.Е. Селиверстов

СИБИРЬ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье на примере экономических и научно-технических взаимодействий Сибири и Центральной Азии рассматриваются проблемы «макрорегионализации» международных отношений Российской Федерации. Проанализирован потенциал экономического развития Центральной Азии как одного из бурно развивающихся макрорегионов Евразийского континента. Показано, что при оценке экономических и научно-технических взаимодействий стран Центральной Азии с регионами Сибири необходимо отказаться от старых мифов и стереотипов, среди которых выделяются два: а) Сибирь – это «сырьевая колония» России с отсталой технологической системой, до сих пор находящаяся «в объятиях сырьевого проклятия»; б) Казахстан и бывшие Среднеазиатские республики – это отсталые в экономическом отношении страны постсоветского пространства. Сделан вывод, что в изменяющейся в последние годы конфигурации трансграничных взаимодействий России Центральная Азия должна стать одним из важнейших ареалов ее международного сотрудничества. Рассмотрены итоги II Международной конференции «Сибирь – Центральная Азия: экономические, исторические и гуманитарные взаимодействия» (Новосибирск, октябрь 2024 г.) и подходы к формированию стратегической инициативы «Экономический и научно-технический мост Сибирь – Центральная Азия» и созданию международного консорциума аналитических центров по этой проблеме как инструмента ее научного сопровождения.

Ключевые слова: Сибирь; Центральная Азия; трансграничные взаимодействия; приграничное сотрудничество; интеграционные связи; региональные научно-инновационные экосистемы; связность пространства; экономический и научно-технический мост Сибирь – Центральная Азия

Для цитирования: *Селиверстов В.Е.* Сибирь – Центральная Азия: экономические и научно-технические взаимодействия // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 117–141. DOI: 10.15372/REG20250105.

СИБИРЬ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АРЕАЛ И ПОЛИГОН РАЗВИТИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В последнее время в профессиональном научном сообществе Российской Федерации, равно как и в средствах массовой информации, все большее внимание стало уделяться проблематике трансграничных взаимодействий. При этом актуальность исследований вызовов и угроз, проблем и перспектив трансграничных интеграционных связей России в существенно меняющейся конфигурации евразийских взаимодействий определяется четырьмя обстоятельствами. Во-первых, в современных геополитических и экономических условиях происходит переориентация международных отношений Российской Федерации с западного направления на восточное и южное. Во-вторых, особенности пространственного устройства России как крупнейшего по территории государства мира с сильными различиями условий и тенденций развития ее макрорегионов исключают проведение унифицированной инвестиционной, внешнеэкономической, научно-технической и социальной политики. В-третьих, в отличие от международных отношений, реализуемых на межстрановом уровне, трансграничные взаимодействия, как правило, имеют географическую привязку и прямо влияют на экономическое и пространственное развитие макрорегионов России (или через систему приграничного сотрудничества [9], являющегося частной и более локальной формой трансграничных взаимодействий, – на развитие субъектов Федерации). Все

это требует «макрорегионализации» международных отношений Российской Федерации и более целенаправленного отражения проблематики «трансграничья» в разработках российских ученых.

Так, наши исследования показали [10], что в новых условиях Сибирь играет важнейшую роль как центральное звено в треугольнике взаимодействий запада, востока и юга Евразии, будучи макрорегионом с уникальными природными ресурсами и сильным научно-инновационным потенциалом. То есть Сибирь приобретает функции важнейшего пространственного резерва России и ядра новой конфигурации евразийских экономических и научно-технических взаимодействий. При этом г. Новосибирск становится главным научно-техническим, инновационным и транспортно-логистическим хабом всей Азиатской России в плане реализации как внутривосточных, так и международных интеграционных связей.

В этой конфигурации основное внимание власти, бизнеса и российского общества уделено трансграничным взаимодействиям России с Китайской Народной Республикой – главным геополитическим и экономическим стратегическим партнером РФ в современных условиях. Но на этом фоне незаслуженно отошли на второй план интеграционные связи России со странами Центральной Азии¹: Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Между тем Центральная Азия – это один из бурно развивающихся макрорегионов Евразийского континента (рис. 1 и 2). Так, в последнее десятилетие среднегодовые темпы роста ВВП всех входящих в него стран заметно превышали среднероссийские [1]. Например, в 2023 г. экономический рост РФ оценивался в 3,6%, Казахстана – в 5,1%, Узбекистана – в 6,0%, Кыргызстана – в 6,2%, Таджикистана – в 8,3%, Туркменистана – в 6,3%. Конечно, все эти страны заметно различаются по масштабу экономического потенциала, структурным особенностям экономики, эффективности государственного управления, институциональным барьерам, уровню развития гражданского общества и политических свобод. Так, в 2017 г. ООН во «Всемирном

¹ В период СССР этот макрорегион страны имел название «Казахстан и республики Средней Азии».

Рис. 1. Экономические итоги развития Центральной Азии с начала нового тысячелетия

Источник: [7]

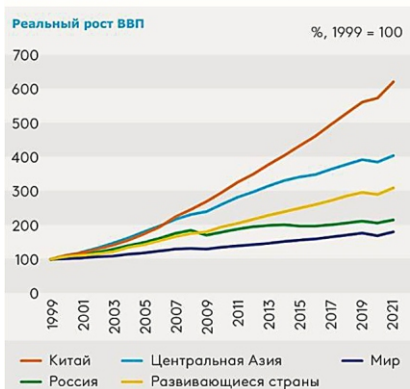
докладе: Туркменистан, 2017» отметила эту страну в числе самых репрессированных и закрытых².

Тем не менее, несмотря на имеющиеся вызовы и угрозы [2] (рис. 3), в целом Центральная Азия обладает достаточно сильным потенциалом дальнейшего роста и на этой основе – сотрудничества с Российской Федерацией.

В силу исторических причин и территориальной близости наибольшим потенциалом российско-центральноазиатского сотрудни-

² См.: *Всемирный доклад 2017: Туркменистан* / UN HCR. – URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/annualreport/hrw/2017/ru/115028?prevDestination=search&prevPath=/ru/search?keywords=ACNUR%3A+%22Este+es+nuestro+hogar%22.+Las+minorías+apátridas+у+su+búsqueda+de+la+ciudadanía.+Noviembre+de+2017&sort=score&order=desc&result=result-115028-ru> (дата обращения: 19.12.2024).

Совокупный ВВП Центральной Азии – 347 млрд долл.

4x рост совокупного **ВВП** стран ЦА в реальном выражении с 2000 г.

3x увеличение **ВВП по ППС** на душу населения с 2000 г.

6,2% среднегодовой темп роста экономик стран ЦА за последние 20 лет (мир – 2,6%, развивающиеся – 5,3%).

Рис. 2. Рост ВВП Центральной Азии по сравнению с другими странами мира

Источник: [7]

чества обладают регионы Сибири, и в первую очередь территории Южно-Сибирского макрорегиона. Ведь сухопутная граница между Россией и Казахстаном (7,6 тыс. км) – одна из самых протяженных в мире, уступает только границе между США и Канадой (8,9 тыс. км). Почти половина российско-казахстанской границы – с регионами Си-

	ВЫЗОВЫ	ТОЧКИ РОСТА
1	Отсутствие выхода к морю ▶ Избыточные транспортные издержки ▶ Сдерживание роста торговли	Развитие транзитного транспортного потенциала, формирование Евразийского транспортного каркаса
2	Ресурсная зависимость и низкий уровень финансового развития ▶ Волатильность роста ВВП ▶ Сдерживание роста доходов населения	Привлечение частных инвестиций, диверсификация производства и экспорта, расширение предложения финансовых услуг
3	Рассогласованность в водно-энергетической сфере ▶ Экономические потери ▶ Рост дефицита воды	Скоординированное развитие водно-энергетического комплекса
4	Изменение климата и ухудшение экологии ▶ Повышение температуры ▶ Загрязнение биосферы	«Зеленая» трансформация экономик

Рис. 3. Вызовы и точки роста Центральной Азии

Источник: [7]

бири. При этом север Казахстана – самая развитая часть этого государства, а российские сопредельные территории по уровню экономического развития уступают развитым промышленным центрам европейской части страны. В этой связи можно упомянуть и другую аналогию. Так, говоря о громадных пространствах России и Китая, следует отметить, что в России существует водораздел по линии запад – восток, а в Китае он проходит по линии север – юг. Богатые ресурсами обширные территории двух стран, но менее развитые в экономическом отношении (Азиатская Россия и север и северо-восток Китая) граничат друг с другом. Это объективно содержит в себе потенциал их взаимодополнения и трансграничного сотрудничества, но одновременно накладывает на них объективные ограничения.

В советский период взаимодействия регионов Сибири с Казахстаном и республиками Средней Азии во многих случаях осуществлялись на реальных принципах взаимодополнения и интеграции. Особенно это касалось кооперации Сибири и Казахстана в области металлургии и машиностроения, интеграции в области сельскохозяйственного производства. Знаменитый проект СССР по освоению целины также в значительной мере был совместным проектом южных районов Сибири и северных регионов Казахстана.

Нельзя не упомянуть роль научно-образовательного комплекса Сибири в формировании научной элиты и интеллигенции Казахстана и бывших советских республик, ныне независимых государств Средней Азии. Ведущие сибирские университеты и учебные институты (особо здесь отметим Новосибирский государственный университет и знаменитую физико-математическую школу при НГУ) стали альма-матер многих ныне известных ученых стран Центральной Азии [5]. Осуществлялись совместные научные исследования институтов Сибирского отделения АН СССР (позднее – РАН) с академическими центрами и исследовательскими институтами центральноазиатских республик. Так, Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (ИЭОПП СО РАН) тесно сотрудничал с Научно-исследовательским экономическим институтом при Госплане Казахской ССР, прорабатывая на основе расчетов по оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели различные сце-

нарии перспективного экономического развития и взаимодействия этой республики с макрорегионами СССР (автор был участником этих работ).

Эти исследования представляли не только и не столько академический интерес. Приведем один пример. В 1980-х годах на самом высоком уровне партийной власти был озвучен крупномасштабный проект переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Этот проект активно лоббировался со стороны партийного и советского руководства Среднеазиатских республик и поддерживался руководством ЦК КПСС. Безусловно, существовала острая проблема водodefицита в Среднеазиатских республиках и на юге Казахстана, что вело к серьезнейшим социальным и экологическим последствиям, ставило под угрозу выполнение стратегической задачи развития хлопковой промышленности (известно, что хлопок используется и при производстве боеприпасов). Был создан научный совет АН СССР по данной проблеме, к обоснованию проекта переброски стока сибирских рек были подключены крупнейшие московские институты.

Сибирское отделение АН СССР заняло принципиальную научную позицию по отношению к обоснованию эффективности и целесообразности проекта переброски части стока сибирских рек. В ИЭОПП СО АН СССР под руководством д.э.н. Р.И. Шнипера было проведено крупное исследование (в том числе на основе специальных экспедиционных поездок в среднеазиатские регионы) по анализу последствий для страны и Сибири реализации данного проекта. На основе расчетов по оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели страны, в которую специально встраивались различные варианты переброски (автор был руководителем и исполнителем этих работ), было доказано, что реализация проекта будет иметь серьезные негативные последствия для экономики страны, и особенно сибирских регионов. Что характерно, и среднеазиатские территории, и Казахская ССР в расчетной перспективе также не получали особых экономических выгод, наоборот, их инвестиционный комплекс

не выдерживал нагрузки, связанной со строительством канала, и это по цепочке негативно влияло на развитие других отраслей³.

В ИЭОПП в сотрудничестве с другими институтами был подготовлен крупный научный доклад по перспективам развития Среднего региона (меридиональный макрорегион, включающий районы Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии) с акцентом на последствия реализации проекта переброски части стока сибирских рек. Было доказано, что реализация этого проекта в существовавших в то время условиях окажет серьезное негативное воздействие на экономику ряда районов СССР (в первую очередь Сибири), отмечено, что существуют альтернативные сценарии решения проблемы водоснабжения Среднеазиатских республик и Казахстана, показаны конкретные способы и направления таких работ. Этот доклад и его резюме были направлены руководству АН СССР, в партийные и советские инстанции, в ряд союзных министерств. В результате работы по реализации проекта были приостановлены и уже начатое строительство канала прекращено. Безусловно, это было связано не только с активной научной позицией и исследованиями ИЭОПП. В стране в ту пору ряд средств массовой информации, институтов АН СССР также негативно оценивали этот проект. Но именно научные разработки ИЭОПП расставили все по своим местам.

К сожалению, с распадом СССР разрушились и многие кооперационные связи сибирских, казахстанских и среднеазиатских предприятий. Зато на постсоветском пространстве особую значимость для сибирских регионов приобрела трудовая миграция из стран Центральной Азии (в основном из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана), и это оказывало заметное позитивное воздействие на рынок труда в Сибири. Началось проникновение в эти страны новых сибирских производств и услуг, определяемое технологическими трендами. Например, в Казахстане успешно работает новосибирская ком-

³ В этих расчетах мы не сумели оценить экологические последствия переброски части стока сибирских рек. Скорее всего, для Средней Азии и Казахстана они были бы позитивными. Но для южных регионов Сибири это вызывало негативные экологические последствия, на что указывал опыт эксплуатации канала Иртыш – Караганда.

пания «Элтекс», один из российских лидеров в области разработки и производства современного телекоммуникационного оборудования. В странах Центральной Азии хорошо себя зарекомендовала в сфере высокотехнологичной медицины и медицинской диагностики лучшая российская компания в этом сегменте – «Инвитро». Подавляющую часть диагностикумов, необходимых для проведения качественных медицинских анализов по мировым стандартам, производит для «Инвитро» новосибирская компания «Вектор-Бест». Однако отмеченные примеры «не делают погоды», они лишь характеризуют наличие серьезного потенциала интеграционных связей Сибири со странами Центральной Азии, потенциала, который используется пока явно недостаточно.

Что касается научно-технических связей, то в прошлые годы предпринимались усилия по активизации сибирско-казахстанских научно-технических взаимодействий по линии сотрудничества Фонда национального благосостояния «Самрук-Казына»⁴ и Новосибирского государственного университета с обсуждением конкретных инновационных проектов (инициированных с участием академических институтов Новосибирского научного центра СО РАН). Однако пандемия коронавируса затормозила эти контакты, и сегодня они нуждаются в возобновлении.

Таким образом, к настоящему времени назрела необходимость не просто реанимировать прошлые хозяйственные связи предприятий и компаний регионов Сибири и стран Центральной Азии, но сформировать новую систему интеграционных взаимодействий, отвечающих вызовам времени, нацеленную на инициирование и реализацию длинных трансграничных цепочек добавленной стоимости, основанных на инвестиционных и инновационных проектах качественно нового типа. Однако эти процессы требуют серьезного научного сопровождения и организации новых форм трансграничного сотрудничества.

В этой связи автор в качестве директора Международного научного центра СО РАН по проблемам евразийских трансграничных

⁴ Крупнейший инвестиционный холдинг Республики Казахстан, миссия которого заключается в повышении национального благосостояния.

взаимодействий (МНЦТВ СО РАН)⁵ выступил с предложением начать работы по формированию стратегической инициативы «Экономический и научно-технический мост Сибирь – Центральная Азия» и создать международный консорциум аналитических центров по этой проблеме как инструмент ее научного сопровождения. Для обсуждения этой идеи была организована и проведена II Международная конференция «Сибирь – Центральная Азия: экономические, исторические и гуманитарные взаимодействия».

**ИТОГИ II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СИБИРЬ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»**

Данная конференция имела свою предысторию. В 2023 г. была проведена первая конференция – «Сибирь – Центральная Азия: экономические и исторические взаимодействия». Ее соорганизаторами выступили Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Международный научный центр СО РАН по проблемам евразийских трансграничных взаимодействий и Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск). Эта конференция была ориентирована в основном на обсуждение исторических аспектов взаимодействия сибирских территорий и стран Центральной Азии и была не слишком масштабной и представительной по составу участников.

⁵ Созданный в 2020 г. МНЦТВ первоначально ориентировался на исследование и научное сопровождение трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии и имел соответствующее название: Международный научный центр по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии. Позже его деятельность распространилась и на другие страны постсоветского пространства: бывшие советские республики Центральной Азии, Республику Беларусь, Республику Азербайджан. Поэтому в декабре 2024 г. он был переименован и получил новое название: Международный научный центр СО РАН по проблемам евразийских трансграничных взаимодействий. Соответственно скорректировано и название рубрики в журнале «Регион: экономика и социология», которая с данного его номера именуется «Евразийские трансграничные взаимодействия».

Решение о проведении в 2024 г. второй конференции в статусе международной, с более основательной повесткой докладов и более широким составом участников было принято руководством ИЭОПП СО РАН и МНЦТВ СО РАН исходя из важности и актуальности данной проблематики (см. предыдущий раздел). Но в отличие от масштабной II Международной конференции «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия» (Новосибирск, декабрь 2022 г.) [6], II Международная конференция «Сибирь – Центральная Азия: экономические, исторические и гуманитарные взаимодействия» задумывалась ее организаторами как более «камерное» научно-практическое мероприятие в формате medium size. Предполагалось персональное приглашение потенциальных участников стратегической инициативы «Экономический и научно-технический мост Сибирь – Центральная Азия» для обсуждения актуальности и возможности ее реализации.

Проведению данной конференции предшествовала большая подготовительная работа. Так, автор выезжал в служебные командировки в Республику Казахстан, а также в Москву для встречи с руководством ведущих академических институтов, университетов, экспертных центров, работающих по проблематике российско-центральноазиатских взаимодействий.

В итоге II Международная конференция «Сибирь – Центральная Азия: экономические, исторические и гуманитарные взаимодействия» состоялась в новосибирском Академгородке 8–9 октября 2024 г. В ней приняли участие представители власти, академической науки, университетов, бизнес-структур, неправительственных организаций России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана.

Конференция была организована Сибирским отделением Российской академии наук в лице МНЦТВ СО РАН совместно с ИЭОПП СО РАН, Новосибирским государственным университетом и Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан). Сопредседателями организационного комитета конференции были академик В.Н. Пармон, вице-президент РАН, председатель СО РАН, и академик В.А. Крюков, директор ИЭОПП СО РАН. Заместители председателя оргкомитета – автор настоящей статьи и Ж.А. Кулекеев, председатель совета директоров Евразийского на-

ционального университета им. Л.Н. Гумилева, научный руководитель Центра прикладных экономических исследований, профессор (Республика Казахстан).

На конференции помимо научных организаций и университетов Сибири были представлены все московские академические институты, занимающиеся исследованиями Центральной Азии. Всего на конференции было заслушано 23 пленарных и 20 секционных докладов. Конференция достаточно широко освещалась в СМИ («Наука в Сибири», «Поиск», РИА «Новости», «Восточный экспресс» и др.).

Руководством оргкомитета был сформирован перечень ключевых тем, выносимых на обсуждение, и на этой основе определен состав проблемно ориентированных заказных докладов. По общему мнению участников конференции, это удалось в полной мере, в результате в ходе дискуссии обсуждались наиболее актуальные и перспективные направления экономических, научно-технических и гуманитарных взаимодействий как России в целом со странами Центральной Азии, так и конкретно регионов Сибири с южными странами-соседями.

Справочно представим перечень пленарных докладов и выступлений на секции 1 «Экономические и научно-технические взаимодействия Сибири со странами Центральной Азии» (доклады секции 2 «Исторические, нормативно-правовые и гуманитарные аспекты трансграничных взаимодействий Сибири со странами Центральной Азии» будут обсуждаться на страницах журнала «Сибирский архив»).

С приветственными словами к участникам конференции обратились директор Института экономики Национальной академии наук Азербайджана д.э.н., профессор Н. Музаффарли и почетный консул Республики Казахстан в г. Новосибирске М.Ж. Калыкулов. При подведении итогов конференции перед ее участниками выступил мэр наукограда Кольцово Н.Г. Красников.

Пленарные доклады конференции

1. Экономические взаимодействия Сибири и стран Центральной Азии: между прошлым и будущим. *В.Е. Селиверстов, д.э.н., заведующий Центром стратегического анализа и планирования ИЭОПП СО РАН, директор МНЦТВ СО РАН.*

2. Новосибирская область как главный транспортно-логистический и научно-инновационный хаб трансграничных взаимодействий России со странами Центральной Азии. *Л.Н. Решетников, министр экономического развития Новосибирской области.*

3. Модели развития постсоветских стран: сравнительный анализ. *Сунь Чжуанчжи, профессор, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР.*

4. Новосибирский государственный университет в «треугольнике Лаврентьева»: прошлое, настоящее и будущее. *М.П. Федорук, академик РАН, ректор Новосибирского государственного университета.*

5. Барьеры интеграционных процессов стран Центральной Азии и России. *Ж.А. Кулекеев, профессор, председатель совета директоров Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, научный руководитель Центра прикладных экономических исследований (Республика Казахстан).*

6. Проект «Евразия» в условиях неустойчивого миропорядка. *В.Н. Лексин, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН.*

7. Академия наук Узбекистана в научном пространстве Центральной Азии и Сибири. *А.У. Мирзаев, д.г.-м.н., вице-президент Академии наук Республики Узбекистан, председатель Навоийского отделения.*

8. Трансграничные взаимодействия Сибири со странами Центральной Азии в охране здоровья и медицинской безопасности: болезни, вирусы и инфекции не знают границ. *М.И. Воевода, академик РАН, заместитель председателя СО РАН.*

9. Проект вывода добычи и переработки сапропелей на рынок Центральной Азии как пример трансграничного сотрудничества Сибири в области продовольственной безопасности. *Н.П. Похиленко, академик РАН, заместитель председателя СО РАН; Ю.Д. Фауст, директор ООО «Барабинский агрокомплекс».*

10. О трансфере инновационных проектов новосибирского Академгородка в научно-технологическое пространство Казахстана. *Д.Б. Верховод, к.ф.-м.н., генеральный директор АО «Академпарк».*

11. О формировании единого научно-информационного пространства Сибири и Центральной Азии. *И.В. Лизунова, д.и.н., директор ГПНТБ СО РАН.*

12. Сотрудничество в создании новой экономики на постконфликтных территориях Азербайджана как фактор усиления инвестиционного и интеграционного взаимодействия в рамках СНГ и Организации тюркских государств. *А.М.-О. Сафаров, к.э.н., руководитель Научного центра по восстановлению постконфликтных территорий Азербайджана Института экономики Министерства науки и образования Республики Азербайджан.*

13. Существуют ли транспортно-логистические барьеры во взаимодействиях регионов Сибири со странами Центральной Азии? *С.А. Максимов, президент Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири.*

14. Региональная интеграция в Центральной Азии и сотрудничество с Российской Федерацией. *С.А. Притчин, к.и.н., заведующий сектором Центральной Азии Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.*

15. Развитие внешнеэкономических связей между субъектами Сибирского федерального округа РФ и Кыргызской Республики. *Б.И. Баетов, д.э.н., директор НИИ экономики при НИУ «Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова».*

16. Изучение опыта внедрения принципов ESG (экологического, социального и корпоративного управления) в Центральной Азии. *Д.М. Мухияева, PhD, заведующая кафедрой экономического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан).*

17. Трансграничные локальные инициативы как драйвер международного сотрудничества в целях развития в Евразии. *О.В. Корнеев, к.и.н., академический руководитель программы «Международные отношения и глобальные исследования» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики».*

18. Сибирь как часть геэкономического пространства Центральной Евразии: политические, экономические и логистические аспекты.

Д.П. Новиков, к.полит.н., руководитель Центра центрально-азиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН.

19. Международное научное сотрудничество со странами Центральной Азии в гуманитарной сфере в современных условиях. *И.С. Савин, к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.*

20. Сибирь в евразийском векторе развития российского государства XVII – начала XX в. *М.В. Шиловский, д.и.н., профессор, заведующий сектором Института истории СО РАН.*

21. Этносоциальные процессы в объективе этносоциологии, национальной политики и в евразийском цивилизационном пространстве. *Ю.В. Попков, д.филол.н., главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН.*

22. Теоретико-методологический подход к оценке влияния новых глобальных вызовов на развитие региональной внешнеэкономической деятельности. *Е.Л. Андреева, д.э.н., руководитель Центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН.*

23. Гуманитарное сотрудничество стран Евразийского экономического союза: потенциал развития. *Г.И. Осадчая, д.с.н., профессор, руководитель отдела исследований социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.*

Секция 1. Экономические и научно-технические взаимодействия Сибири со странами Центральной Азии

1. «Пределы роста» туризма в регионах Большого Алтая. *Б.А. Красноярова, д.геогр.н., профессор, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН.*

2. Международный научно-технический и познавательный экспонент «Лаврентьев» как потенциальный проект программы «Академгородок 2.0» и катализатор развития научного туризма Новосибирской области. *В.Е. Селиверстов, д.э.н., заведующий Центром стратегического анализа и планирования ИЭОПП СО РАН, дирек-*

тор Международного научного центра СО РАН по проблемам трансграничных взаимодействий; Е.А. Пармон, консультант МНЦТВ.

3. Трансграничное сотрудничество Китая со странами Центральной Азии и России: состояние и перспективы. Т.М. Мамахатов, к.э.н., старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.

4. Россия и Китай в Центральной Азии: основные аспекты взаимодействия. А.Г. Данков, к.и.н., доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета.

5. Инвестиционные проекты горной промышленности Кыргызской Республики: проблемы реализации и взаимодействия с предприятиями Сибирского федерального округа. Б.К. Кожоголов, к.э.н., директор Проектно-исследовательского центра «Кен-Тоо» (Бишкек).

6. Роль Межрегиональной ассоциации субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» в активизации трансграничных взаимодействий со странами Центральной Азии. А.В. Акулинин, руководитель департамента Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».

7. Цифровой франчайзинг как инструмент трансграничного сотрудничества: кейс компании FitService. В.Д. Маркова, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН.

8. Состояние и перспективы интеграционных процессов России и стран Центральной Азии. О.И. Гулакова, к.э.н., старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН.

9. Особенности промышленного освоения приграничного региона на примере Республики Тыва: история и современность. А.П. Темир-оол, младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН.

10. Взгляд на климатическую повестку Сибири в контексте трансграничных взаимодействий. В.В. Данилов, к.ф.-м.н., ученый секретарь Экспертного совета президиума СО РАН по проблематике Парижского соглашения по климату.

По общему мнению всех участников конференции, она была проведена на высоком научном и организационном уровне и достигла своих главных целей:

1) была поддержана идея формирования стратегической инициативы «Экономический и научно-технический мост Сибирь – Центральная Азия»;

2) достигнута договоренность о создании Международного консорциума экспертно-аналитических центров по проблеме экономических и научно-технических взаимодействий «Сибирь – Центральная Азия» как инструмента научного сопровождения данной стратегической инициативы;

3) принято решение о регулярном проведении Международной конференции «Сибирь – Центральная Азия: экономические, научно-технические и гуманитарные взаимодействия» раз в два-три года с проведением очередной конференции в 2026 г. в столице Республики Казахстан г. Астана.

Конференция прошла не как чисто научное мероприятие. Это был пример эффективного мозгового штурма с использованием принципов научной дипломатии по исключительно актуальной проблеме поиска новых путей интенсификации экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества России со странами Центральной Азии, в организации которого важнейшая роль принадлежит регионам Сибири и сибирской науке. Так, в ходе проведения конференции были сделаны первые шаги по получению практических результатов сибирско-центральноазиатского сотрудничества:

- составлен протокол о намерениях организовать производство органоминеральных смесей на базе карбамида и сульфата аммония, производимых АО «Навоиазот», сапропеля от ЗАО «Барабинский комбикормовый завод» и бентонита, выпускаемого непосредственно в Навоийском отделении Академии наук Республики Узбекистан;
- по итогам пребывания в Новосибирске и знакомства с достижениями СО РАН, НГУ, Академпарка и наукограда Кольцово проф. Ж.А. Кулекеев проинформировал нас, что он доложит о результатах участия в конференции в Администрации Президента РК и будет формировать представительную делегацию в Новосибирский научный центр, с тем чтобы использовать

опыт создания и развития Академгородка в качестве модельного примера взаимодействия власти, академической науки, высшей школы и высокотехнологичного бизнеса при организации первого казахстанского наукограда под Алма-Атой.

Участники конференции просили ее организаторов обратиться к руководству СО РАН с просьбой об издании специального выпуска журнала «Регион: экономика и социология» с публикацией тезисов всех докладов. Две статьи участников конференции публикуются в настоящем номере [2; 3].

Итоги, результаты и уроки II Международной конференции «Сибирь – Центральная Азия: экономические, исторические и гуманитарные взаимодействия» выявили ряд важных и проблемных вопросов, которые имеют отношение к международному сотрудничеству Сибирского отделения РАН и его институтов в целом. В частности, в современных специфических и непростых условиях, в которых развивается Российская Федерация, предпринимаются целенаправленные усилия недружественных стран по международной изоляции российской науки. Формируется негативный образ России в глазах мирового научного сообщества – как в странах «коллективного Запада», так и во всех остальных государствах, с которыми РФ продолжает поддерживать политические, экономические, научно-технические и гуманитарные взаимодействия. Противостоять этому можно и нужно, используя принципы и методы «научной дипломатии» с демонстрацией реальных достижений российской науки и сильных результатов, достигнутых в конкретных регионах с высокой концентрацией исследований и разработок и в передовых региональных научно-инновационных экосистемах.

Так, в рамках проведенной конференции, о которой речь шла выше, нами была организована специальная научная экскурсия «Академгородок 2.0» с посещением Академпарка и наукограда Кольцово. Ее эффект был очень высоким, особенно если учитывать, что с участниками конференции встречались их первые лица – Д.Б. Верховод и Н.Г. Красников. Кроме того, в «пакете участника» всем раздавались USB-флешки с записью рекламных видеофильмов о СО РАН, Новосибирской области, НГУ, Академпарке и наукограде Кольцово,

а также PowerPoint-презентаций. Конечно, такое расширение формата научных форумов будет требовать как интеллектуальных, так и финансовых затрат, но это вложения в будущее.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Исследования, касающиеся новой конфигурации трансграничных взаимодействий Российской Федерации, проведенные нами ранее, а также итоги II Международной конференции «Сибирь – Центральная Азия» позволяют сделать ряд предварительных выводов.

1. При оценке возможностей, направлений и перспектив трансграничных взаимодействий по вектору Сибирь – Центральная Азия необходимо отказаться от старых мифов и стереотипов, среди которых выделяются два: а) Сибирь – это «сырьевая колония» России с отсталой технологической системой, до сих пор находящаяся «в объятиях сырьевого проклятия»; б) Казахстан и бывшие Среднеазиатские республики – это отсталые в экономическом отношении страны постсоветского пространства. Изучение реальных процессов, состояния систем государственного управления, потенциала роста регионов Сибири и стран Центральной Азии говорит об обратном [8].

2. В российско-центральноазиатских взаимодействиях в целом и в сотрудничестве Сибири со странами Центральной Азии в частности существуют большие и пока не использованные возможности в согласовании таможенной, миграционной и инфраструктурной политики и их нормативно-правового обеспечения. Так, необходимо согласование региональных и муниципальных программ и стратегий приграничных территорий наших стран и, более того, согласование экономических стратегий сотрудничества и модернизации.

3. Помимо сотрудничества регионов Сибири и стран Центральной Азии в сфере топливной промышленности, энергетики и продовольственной безопасности, существуют и другие перспективы эффективного взаимодействия: в области атомной энергетики, в создании новых материалов, в разработке, испытаниях и производстве современных катализаторов для нефтепереработки и охраны окру-

жающей среды, в реализации новых подходов к развитию «зеленой экономики», в переходе на новые принципы недропользования и т.д.

4. Требуется согласованная политика России и государств Центральной Азии по повышению связности их пространства и формированию нового транспортного каркаса их экономических взаимодействий, по налаживанию новых транспортно-логистических схем экспортно-импортных операций [3]. При этом следует объективно признать, что сейчас Китай фактически выступает конкурентом России и Сибири в реализации функций «транспортного моста» между Европой и странами АТР. Новые транспортные коридоры КНР минуют Россию и проходят по территории Казахстана. Но России сейчас нужно не противодействовать этим процессам, а встроиться в эти транспортные коридоры, а также реализовать свои конкурентные позиции по другим направлениям (например, за счет полномасштабного ввода в эксплуатацию Северного морского пути).

5. Сильный потенциал сотрудничества содержится в кооперации передовых региональных научно-технических и инновационных систем Сибири и стран Центральной Азии, в межвузовских [5], гуманитарных медико-санитарных и природоохранных взаимодействиях.

6. Следует объективно оценивать роль внешних игроков в системе трансграничных взаимодействий Сибири и Центральной Азии. Здесь выделяются китайский и турецкий факторы. КНР и Турция проводят достаточно «напористую» (и надо сказать – эффективную и эффективную) политику взаимодействия с центральноазиатскими странами [4]. Но, во-первых, России это нужно воспринимать как данность и перейти от лозунгов о дружбе к реальным делам в виде конкретных инвестиционных проектов и стратегических инициатив. Во-вторых, очень важно понимать, что сегодня мы говорим о необходимости укрепления взаимодействий Российской Федерации со странами Центральной Азии не от безысходности и не в формате «дружбы против кого-то». Полагаем, что еще до событий 2014 и 2022 гг. мы много потеряли, оставив на периферии внимания страны Центральной Азии и сконцентрировав свои основные усилия в «восточном векторе» сотрудничества на Китае.

7. При трансграничном сотрудничестве Сибири со странами Центральной Азии в процессе отстаивания национальных, региональных и корпоративных интересов могут возникать конфликтные ситуации (например, в области водопользования). Но эти конфликты не антагонистические, и всегда можно реализовать баланс интересов путем принятия компромиссных решений.

На прошедшей конференции «Сибирь – Центральная Азия» отмечалось, что ключевыми в трансграничном сотрудничестве являются фактор доверия, фактор культуры, а также реализация трех критериев содействия международному развитию: общности целей участников, регулярных взаимодействий участников, общности практик (в том числе реализуемых на локальном уровне). Если эти критерии не соблюдаются, то все декларируемые инвестиционные проекты сотрудничества или стратегические инициативы (в том числе и инициатива «Экономический и научно-технический мост Сибирь – Центральная Азия») останутся лишь благими пожеланиями. Мы полагаем, что в инициировании и реализации таких проектов и стратегических инициатив огромная роль принадлежит науке и высшей школе, которые должны обеспечить их надежное научное сопровождение, и это не должно быть разовыми мероприятиями типа проведенного форума. Реальным инструментом и механизмом такого научного сопровождения может быть организация регулярно работающего Международного консорциума экспертно-аналитических центров по проблеме экономических и научно-технических взаимодействий «Сибирь – Центральная Азия», объединяющего на принципах взаимодополнения ученых и экспертов России и государств Центральной Азии.

Сейчас в наших странах много говорится о многополярном мире. Для Российской Федерации «Мир Центральной Азии» должен стать одним из важнейших ареалов международного сотрудничества. А Сибирь призвана стать одним из главных его операторов и концентраторов. При этом мы, безусловно, понимаем, что регионы и субъекты Российской Федерации не являются в полной мере субъектами международного права.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Кулекеев Ж.А., Пак Е.А. Проблемы экономических взаимодействий Казахстана и России в рамках Евразийского экономического союза // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 184–210. DOI: 10.15372/REG20210208.
2. Кулекеев Ж.А., Пак Е.А. Экономическое взаимодействие стран Центральной Азии и России: современные вызовы // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 142–170. DOI: 10.15372/REG20250106.
3. Максимов С.А. Транспортно-логистическая инфраструктура Новосибирского узла как основа взаимодействия с Китаем и странами Центральной Азии // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 171–194. DOI: 10.15372/REG20250107.
4. Мамахатов Т.М. Россия и Китай как факторы обеспечения безопасности и экономического развития стран региона Центральной Азии // Актуальные вопросы экономики и социологии: Сб. ст. по мат. XX Осенней конф. молодых ученых в новосибирском Академгородке / Под ред. Ю.М. Слепенковой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2024. – С. 83–85.
5. Маркова В.Д., Салтыков Е.Т., Сартбаев М.М., Селиверстов В.Е. Научно-образовательное сотрудничество Сибири и Казахстана: между прошлым и будущим // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 3 (119). – С. 234–264. DOI: 10.15372/REG20230310.
6. Селиверстов В.Е., Соболевский А.В. II Международная конференция «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия»: размышляя над итогами // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 1 (117). – С. 242–277. DOI: 10.15372/REG20230109.
7. Экономика Центральной Азии: новый взгляд: Доклад Евразийского банка развития. – URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/ekonomika-tsentralnoy-azii-povuyu-vzglyad/> (дата обращения: 18.12.2024).
8. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony // Regional Research of Russia. – 2021. – Vol. 11, Suppl. iss. 1. – P. S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038.
9. Sebentsov A.B., Morachevskaya K.A., Karpenko M.S. The Russian–Belarusian borderland: Contradictions of integration and cross-border regionalization. From friendship to cooperation? // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 61–76. DOI: 10.1134/S2079970523600300.
10. Seliverstov V.E. New model for Siberia’s development: Exploring the contours and feasibility // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Iss. 3. – P. 331–345. DOI: 10.1134/S2079970524600422.

Информация об авторе

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, заведующий Центром стратегического анализа и планирования Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: sel@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20250105

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 117–141

V.E. Seliverstov

SIBERIA–CENTRAL ASIA: ECONOMIC AND SCIENTIFIC-TECHNICAL INTERACTIONS

This article examines the challenges of “macro-regionalization” in the international relations of the Russian Federation, using the economic and scientific-technical interactions between Siberia and Central Asia as a case study. The potential for economic development in Central Asia, one of the rapidly growing macro-regions of the Eurasian continent, is analyzed. The study emphasizes the need to abandon outdated myths and stereotypes when evaluating economic and scientific-technical interactions between Central Asian countries and the regions of Siberia. Two key misconceptions are highlighted: a) Siberia is merely a “resource colony” of Russia with an underdeveloped technological system, still trapped in a “resource curse”; and b) Kazakhstan and the former Central Asian republics are economically underdeveloped post-Soviet states. The article concludes that, within the evolving framework of Russia’s transboundary interactions in recent years, Central Asia should become one of the most significant areas for international cooperation. The outcomes of the 2nd International Conference “Siberia–Central Asia: Economic, Historical, and Humanitarian Interactions” (Novosibirsk, October 2024) are reviewed. Additionally, we discuss approaches to forming the strategic initiative “Siberia–Central Asia Economic and Scientific-Technical Bridge” and establishing an international consortium of analytical centers on this issue as a tool for scientific support.

Keywords: Siberia; Central Asia; cross-border interactions; boundary cooperation; integration ties; regional scientific and innovation ecosystems; connectivity of space; Siberia–Central Asia Economic and Scientific-Technical Bridge

For citation: *Seliverstov, V.E. (2025). Sibir – Tsentralnaya Aziya: ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie vzaimodeystviya [Siberia–Central Asia: economic and scientific-technical interactions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 117–141. DOI: 10.15372/REG20250105.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Kulekeev, Zh.A. & E.A. Pak. (2021). Problemy ekonomicheskikh vzaimodeystviy Kazakhstana i Rossii v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The issues of economic interaction between Kazakhstan and Russia within the Eurasian Economic Union]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 184–210.*
2. *Kulekeev, Zh.A. & E.A. Pak. (2025). Ekonomicheskoe vzaimodeystvie stran Tsentralnoy Azii i Rossii: sovremennye vyzovy [Economic relations between Central Asia and Russia: Current challenges]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 142–170. DOI: 10.15372/REG20250106.*
3. *Maksimov, S.A. (2025). Transportno-logisticheskaya infrastruktura Novosibirskogo uzla kak osnova vzaimodeystviya s Kitaem i stranami Tsentralnoy Azii [Transport and logistics infrastructure of the Novosibirsk hub as a basis for interaction with China and Central Asian countries]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 171–194. DOI: 10.15372/REG20250107.*
4. *Mamakhatov, T.M. (2024). Rossiya i Kitay kak faktory obespecheniya bezopasnosti i ekonomicheskogo razvitiya stran regiona Tsentralnoy Azii [Russia and China as Factors of Ensuring the Security and Economic Development of the Countries of the Central Asian Region]. In: Iu.M. Slepikova (Ed.). Aktualnye voprosy ekonomiki i sotsiologii: Sb. st. po mat. XX Osenney konferentsii molodykh uchenykh v novosibirskom Akademijskom tsentre [Current Issues of Economy and Sociology. Book of papers:]*

20th Fall Conference of young scientists in Akademgorodok], 83–85. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ.

5. *Markova, V.D., E.T. Saltykov, M.M. Sartbaev & V.E. Seliverstov.* (2023). Nauchno-obrazovatelnoe sotrudnichestvo Sibiri i Kazakhstana: mezhdru proshlym i budushchim [Academic cooperation in Siberia and Kazakhstan: Between the past and the future]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (119), 234–264. DOI: 10.15372/REG20230310.

6. *Seliverstov, V.E. & A.V. Sobolevskiy.* (2023). II Mezhdunarodnaya konferentsiya “Evraziyskie transgranichnye ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie vzaimodeystviya”: razmyshlyaya nad itogami [II International Conference on Eurasian Cross-Border Economic, Scientific and Technological Interactions: Reflecting on the outcomes]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (117), 242–277. DOI: 10.15372/REG20230109.

7. *Ekonomika Tsentralnoy Azii: novyy vzglyad* [The Economy of Central Asia: A Fresh Perspective]. (2024). Eurasian Development Bank’s report. Available at: <https://eabr.org/analytics/special-reports/ekonomika-tsentralnoy-azii-novyy-vzglyad/> (date of access: 18.12.2024).

8. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2021). From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony. Regional Research of Russia, Vol. 11, Suppl. iss. 1, S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038.

9. *Sebentsov, A.B., K.A. Morachevskaya & M.S. Karpenko.* (2024). The Russian–Belarusian borderland: Contradictions of integration and cross-border regionalization. From friendship to cooperation? Regional Research of Russia, Vol. 14, Iss. 1, 61–76. DOI: 10.1134/S2079970523600300.

10. *Seliverstov, V.E.* (2024). New model for Siberia’s development: Exploring the contours and feasibility. Regional Research of Russia, Vol. 14, Iss. 3, 331–345. DOI: 10.1134/S2079970524600422.

About Author

Seliverstov, Vyacheslav Evgenievich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Center for Strategic Analysis and Planning at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: sel@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 30.10.2024.

После доработки 19.12.2024.

Принята к публикации 20.12.2024.

© Селиверстов В.Е., 2025

Ж.А. Кулекеев, Е.А. Пак

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Согласно принятому большинством международных организаций определению, регион Центральной Азии включает пять независимых государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Важным партнером региона во многих аспектах является Россия, предпосылки взаимодействия с которой складывались исторически. Но несмотря на наличие экономически объективных причин для усиления интеграции стран Центральной Азии и России, до сегодняшнего дня процесс их взаимодействия все еще не отличается целостностью. За более чем 30-летний период независимости странами региона и Россией были выстроены точечные механизмы интеграции, но единое экономическое пространство не сложилось. Причиной тому является наличие серьезных препятствий на пути к интеграции.

В статье проведен анализ состояния экономик стран Центральной Азии и стоящих перед регионом вызовов, препятствующих процессам взаимодействия. Одно из таких препятствий – разные уровни экономического развития входящих в регион государств. Кроме того, политические системы большинства стран Центральной Азии все еще неустойчивы к внешним и внутренним шокам, экономические и политические реформы во многом остались незавершенными. Фоном к этим вызовам на современном этапе становится нарастающая геополитическая напряженность, связанная с конфликтами между соседними странами.

Авторами изучены результаты сотрудничества стран Центральной Азии и России до 2015 г., а также реформы, проведенные начиная с 2016 г., которые способствовали усилению взаимодействий. В иссле-

довании на основе анализа внутренних и внешних препятствий к экономическому сближению стран сделан акцент на важности появления на современном этапе страны, которая взяла бы на себя ответственность за системное построение интеграции в регионе. Авторы отмечают факторы, позволяющие рассматривать Казахстан в качестве наиболее подходящего кандидата для выполнения этой роли.

Ключевые слова: Центральная Азия; Россия; интеграция; геополитика; экономическое взаимодействие; внешняя торговля

Для цитирования: Кулекеев Ж.А., Пак Е.А. Экономическое взаимодействие стран Центральной Азии и России: современные вызовы // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 142–170. DOI: 10.15372/REG20250106.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассмотрение процессов интеграции России со странами Центральной Азии следует начать с обозначения границ региона Центральная Азия. В настоящий момент существует несколько интерпретаций границ этого региона.

Первым Центральную Азию как самостоятельный регион выделил немецкий ученый А. Гумбольдт в работе в 1843 г. Речь шла о территории «к югу от Алтая вплоть до северного склона Гималаев» (цит по: [6, с. 164]). Но сам термин «Центральная Азия» тогда еще не вошел в обиход. В период существования СССР к схожему с обозначенными Гумбольдтом границам региону применялся термин «Средняя Азия и Казахстан». Только уже после распада СССР в январе 1993 г. состоялась встреча глав пяти государств – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, на которой первый президент Казахстана Н. Назарбаев предложил отказаться от применяемого к этим странам советского понятия «Средняя Азия и Казахстан» в пользу нового термина «Центральная Азия» [5]. Это было своеобразным заявлением названных стран, что нельзя считать данный регион эквивалентом «советской Средней Азии и Казах-

стана». Тогда термин «Центральная Азия» приобрел политическую окраску, обозначив границы пяти независимых государств.

Однако на международном уровне термин «Центральная Азия» в указанном географическом определении не прижился, единого мнения относительно обозначаемых границ региона у международных организаций все еще не сложилось. Например, ЮНЕСКО в состав Центральной Азии до сих пор включает помимо вышеназванных пяти государств, еще и Монголию¹. В свою очередь, некоторые западные исследователи относят к Центральноазиатскому региону также Иран и Афганистан [8].

Тем не менее в последние пять лет все же доминирующим в литературе стало обозначение Центральной Азии как региона, в который входят только пять государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Отчасти поспособствовали этому усиление процессов интеграции указанных стран и их растущая геополитическая роль, что нашло отражение в создании в ноябре 2015 г. региональной дипломатической платформы C5+, т.е. союза пяти стран Центральной Азии «плюс страны взаимодействия». Сейчас есть несколько платформ C5+, например «C5+1» со США и «C+C5» с Китаем.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЕЙ ДО 2015 г.

К Центральной Азии всегда было повышенное внимание, поскольку регион, будучи лишенным выхода к океану, имеет уникальное географическое расположение: он богат запасами полезных ископаемых, служит ключевым транспортным сухопутным коридором между Западом и Востоком. Геополитическая значимость региона определяется его соседством с четырьмя ядерными державами: Россией, Китаем, Индией и Пакистаном [4]. Но если интерес к взаимо-

¹ См.: *UNESCO Science Report: The race against time for smarter development*. Ch. 14: Central Asia. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf00000377469> (дата обращения: 05.11.2024).

действию с Центральной Азией со стороны западных стран объясняется во многом геополитикой, то взаимодействие этого региона с Россией складывалось исторически [3].

Интеграция России со странами Центральной Азии должна была стать объективным результатом постепенного восстановления экономических связей и производственных цепочек, которые были нарушены после распада СССР. Но экономически обоснованное усиление сближения бывших республик СССР на практике не было быстрым процессом. Безусловно, все бывшие советские республики, получив независимость, осознавали важность поддержания прежних экономических взаимодействий друг с другом, что вылилось в формирование Содружества Независимых Государств (СНГ) [2]. Однако де-факто на этапе перехода от плановой экономики к рыночной новые независимые страны были в большей степени сосредоточены на внутренней политике и меньшее внимание уделяли внешним взаимодействиям. Последнее было к тому же непростой задачей в условиях, когда институты для прозрачного сотрудничества новых стран на рыночных принципах были слабыми или вовсе не существовали. Кроме того, многие бывшие республики СССР еще ревностно относились к приобретенной независимости и потому, имея неустойчивые политические системы, вопреки экономической логике стремились к «отделению»². Наиболее отчетливо это проявилось у бывших прибалтийских республик, Грузии и частично у Армении [2]. Как результат, СНГ превратился в институт мирного размежевания бывших республик СССР, но экономические взаимодействия в его рамках не приняли каких-либо устойчивых форм.

В первое десятилетие после распада СССР повышенное внимание к процессам взаимодействия в рассматриваемом регионе проявляли только Россия, Казахстан и Беларусь. Узбекистан и Туркменистан избрали политику экономической изоляции, а Кыргызстан и Таджикистан «самоустранились» от внешних взаимодействий, имея глу-

² См.: Кулекеев Ж.А., Пак Е.А. Проблемы экономических взаимодействий Казахстана и России в рамках Евразийского экономического союза // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 184–210.

бокие внутривитические проблемы [2]. В результате этого взаимодействия стран бывшего СССР складывались разрозненно.

Например, с момента приобретения независимости были начаты процессы интеграции трех стран Центральной Азии: Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. В июле 1993 г. между Казахстаном и Узбекистаном было подписано Соглашение о мерах по углублению экономической интеграции на 1994–2000 гг. В апреле 1994 г. был подписан Договор о создании Единого экономического пространства между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан³. Это Единое экономическое пространство (ЕЭП) получило временное название «Центральноазиатское экономическое сотрудничество» (ЦАЭС). В июле того же года Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан приступили к созданию наднациональных органов: на встрече в Алма-Ате было подписано соглашение о Межгосударственном Совете⁴. В 1998 г. к объединению присоединился Таджикистан, а временное название интеграции стало официальным. Уже в 2002 г. Центральноазиатское экономическое сотрудничество было преобразовано в организацию Центрально-Азиатского Сотрудничества (ЦАС). Но за период 1995–2001 гг. странам-участницам так и не удалось выработать единую общерегиональную стратегию, что сказалось и в провале региональной интеграции [6].

Как итог, процессы развития ЦАС были остановлены. А Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан стали продвигать идею другого единого экономического пространства, вне ЦАС – совместно с Россией и Беларусью. Воплощением этой идеи стало интеграционное объединение ЕврАзЭС. Но в последующем, в ходе углубления интеграции в рамках ЕврАзЭС и преобразования его в ЕАЭС, к 2015 г. из стран Центральной Азии в этом интеграционном объединении остались только Кыргызстан и Казахстан. Дополнительно Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан совместно с Россией и Ки-

³ URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17658/edition/297720/ru> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1674318/ (дата обращения: 03.11.2024).

таем в 2001 г. основали Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Для решения вопросов экономического, культурного и гуманитарного сотрудничества Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан в 2009 г. создали также Организацию тюркских государств.

По вопросам национальной безопасности Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан (ранее и Армения) входят в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), создание которой стало развитием заключенного еще в 1992 г. Договора о коллективной безопасности между Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Тогда договор был рассчитан на пять лет с возможностью последующего продления⁵. Но в мае 2002 г. он лег в основу формирования международной организации – ОДКБ.

История создания ОДКБ требует отдельного внимания, поскольку, хотя все страны понимали важность этой региональной организации с точки зрения обеспечения территориальной безопасности, ее создание проходило не без трудностей. Так, еще в 1999 г. Узбекистан отказался продлить Договор о коллективной безопасности, хотя в 2005 г. все же присоединился к организации. Но в 2012 г. власти Узбекистана, будучи не согласны со стратегическими планами организации по вопросам взаимодействия с Афганистаном, вновь направили ноту о приостановке участия страны в ней. По прошествии 10 лет недовольство в отношении «зон ответственности ОДКБ» выразили власти Армении. В частности, премьер-министр Армении на заседании Совета коллективной безопасности, прошедшем в Ереване в ноябре 2022 г., раскритиковал отсутствие реакции ОДКБ на конфликт страны с Азербайджаном: «Как вам известно, с 13 по 14 сентября текущего года Республика Армения столкнулась с неоправданной и неспровоцированной азербайджанской агрессией... Очередная азербайджанская агрессия, и в частности тот факт, что до сих пор нам не удалось прийти к решению по поводу реакции ОДКБ на упомянутую агрессию, поднимают фундаментальные вопросы, которые чрезвычайно важны и для ОДКБ, и для восприятия организации

⁵ URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_beзопасности/#loaded (дата обращения: 05.11.2024).

в армянском обществе»⁶, – заявил Н. Пашинян во время заседания. Уже в 2024 г. Армения, не найдя в рамках организации удовлетворительных для себя инструментов решения территориального спора с Азербайджаном, «заморозила» свое участие в ОДКБ. Эта ситуация – одна из наиболее показательных в отношении того, как международные территориальные конфликты в регионе продолжают препятствовать развитию экономического взаимодействия стран.

Таким образом, можно констатировать, что складывались инструменты точечного сближения между странами Центральной Азии и России. В то же время полноценный механизм интеграции за более чем 30-летний период с момента развала СССР не был сформирован. Неготовность стран Центральной Азии к открытому международному сотрудничеству даже спустя десятилетия после получения независимости отчасти связана и с внутренней экономической и политической нестабильностью. Например, в Кыргызстане в 2002–2005 гг. проходили массовые протесты⁷: население выражало недовольство тем, что власти страны стали придерживаться более авторитарного курса. Период 1999–2004 гг. был беспокойным для Узбекистана, где проходили антиправительственные выступления и несколько раз были совершены крупные теракты⁸. Россия в то время переживала сложный период восстановления после экономического кризиса 1998 г., завершившегося дефолтом. Казахстан решал собственные проблемы нехватки финансовых ресурсов, проходя через процессы

⁶ Для нас принципиальную важность имеет подтверждение зоны ответственности ОДКБ в Республике Армения: речь премьер-министра на заседании СКБ ОДКБ. – URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2022/11/23/Nikol-Pashinyan-CSTO-meeting/> (дата обращения: 05.11.2024).

⁷ См.: *Массовые протесты в Киргизии. 2002* // DW. – URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B2-%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%B8/a-520005> (дата обращения: 20.09.2024).

⁸ См.: *Теракты и беспорядки в Узбекистане в 1999–2005 гг.* Справка. 2009 // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20090526/172345801.html> (дата обращения: 20.09.2024).

приватизации [4]. Как итог, внешних усилий стран было недостаточно для поступательного движения по пути к интеграции.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2015–2017 гг.: ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

К вопросу усиления взаимодействий отдельные страны Центральной Азии вместе с Россией вернулись в 2015 г. Причиной тому стала активизация новых экономических и политических реформ, нацеленных на демократизацию и дальнейшее укрепление рыночной экономики (либерализация цен, продолжение приватизации, переход к рыночному курсообразованию и др.).

В частности, в Узбекистане в 2016 г. произошла смена руководства, и новое правительство инициировало стремительную разрядку межгосударственных отношений с целью восстановления связей с соседними странами. На 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Узбекистана Ш. Мирзиёев официально провозгласил новый региональный внешнеполитический курс страны и заявил, что важнейшим направлением внешней политики станет регион Центральной Азии. Основное изменение во внешнеполитическом курсе Узбекистана с начала 2017 г. можно охарактеризовать как поворот страны в целом от политико-ориентированного подхода к экономико-ориентированному, при котором государство поощряет внешнеэкономическую деятельность в приоритетных областях. Уже в 2017 г. власти Узбекистана перешли к реформам для последующего установления курса сума на основе рыночных принципов, устранили ограничения на платежи и переводы по операциям текущего счета, приняли меры по либерализации ограничений на приток прямых иностранных инвестиций, разрешили продавать наличную иностранную валюту физическим лицам-резидентам⁹.

⁹ См.: *Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2019. 2020* // IMF. – <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2020/08/10/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2019-47102> (дата обращения: 20.10.2024).

В свою очередь, Казахстан в августе 2015 г. перешел к политике инфляционного таргетирования, отпустив курс национальной валюты в свободное плавание. Фактически данная реформа подразумевала либерализацию валютного рынка страны. Однако переход на новый режим денежно-кредитной политики в 2015 г. пришелся на обострение геополитического кризиса с участием крупного торгового партнера страны – России. Как результат, экономический рост Казахстана в 2015–2016 гг. замедлился до 1,1–1,2% г/г. Но это не помешало стране усилить внешнеэкономические позиции: в 2015 г. Казахстан стал членом Всемирной торговой организации (ВТО) и таким образом совершил важный шаг на пути к глобальной интеграции. Также в 2015 г. окончательно сформировался ЕАЭС – региональное международное экономическое объединение с участием Казахстана.

Вступлением в ЕАЭС 2015 г. ознаменовался и для Кыргызстана. Более открытая внешняя политика Кыргызстана осуществлялась наряду с внутренними реформами в стране. Так, в 2016 г. в Кыргызстане был проведен конституционный референдум, в рамках которого населению предстояло проголосовать в отношении 30 поправок, вносимых в Конституцию. Реакция на проводимый референдум как внутри страны, так и за рубежом была неоднозначной. Некоторые поправки в части прав человека и независимости судебной системы вызвали резкую критику со стороны международного сообщества¹⁰. Вдобавок сама необходимость внесения поправок в Конституцию страны вызывала споры: последние к тому моменту поправки были внесены в 2010 г., и они накладывали запрет на внесение новых изменений в Конституцию до 2020 г. Но несмотря на это, референдум состоялся, и с 2017 г. в стране стала действовать новая Конституция, в которой часть полномочий переходила от президента к премьер-министру. Вместе с принятием новой Конституции в 2017 г. в стране состоялись президентские выборы: управление страной перешло от А. Атамбаева к С. Жээнбекову. Вступив в должность президента, С. Жээнбеков

¹⁰ См.: *Constitutional Change Beckons in Kyrgyzstan. Authorities Seek to Dodge International Rights Commitments*. 2016 // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/news/2016/10/26/constitutional-change-beckons-kyrgyzstan> (дата обращения: 28.09.2024).

провозгласил проведение «новой прагматичной внешней политики»¹¹. Это послужило импульсом для развития отношений страны с Казахстаном.

Из общей картины реформ в странах Центральной Азии выбивались Таджикистан и Туркменистан. В 2016 г. в Таджикистане также был проведен конституционный референдум. Но в отличие от Кыргызстана, в Таджикистане власть действующего президента была закреплена: новые поправки в Конституцию давали право действующему президенту баллотироваться на переизбрание неограниченное количество раз. Занимающий пост главы государства с 1994 г. Э. Рахмон до сих пор является президентом Таджикистана, а внешняя политика не претерпевает существенных изменений, несмотря на принятую в 2015 г. Концепцию внешней политики. Подобным же образом в Туркменистане принятые в 2016 г. поправки в Конституцию закрепили возможность пожизненного президентства: в частности, из Конституции убрали пункт о том, что кандидат в президенты должен быть не старше 70 лет. В 2017 г. ООН охарактеризовала страну как одну из самых репрессированных и закрытых¹². Выбранный Туркменистаном курс во внешней и внутренней политике по сей день не позволяет полноценно развиваться его международным экономическим отношениям.

Таким образом, усиление процесса интеграции в регионе в период 2015–2017 гг. шло неравномерно. Тем не менее с этого времени экономические взаимодействия стран Центральной Азии стали менее спорадическими, приобретая более четкие контуры, что вылилось в формирование региональной площадки C5+.

¹¹ См.: *Жээнбеков* рассказал о достижениях во внешней политике. 2020 // Радио Азаттык. – https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_jeenbekov_foreign_policy_2020/30707269.html (дата обращения: 28.09.2024).

¹² См.: *Всемирный доклад 2017: Туркменистан*. 2017 // UN HCR. – URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/annualreport/hrw/2017/ru/115028?prevDestination=search&prevPath=/ru/search?keywords=ACNUR%3A+%22Este+es+nuestro+hogar%22.+Las+minorias+apátridas+y+su+búsqueda+de+la+ciudadanía.+Noviembre+de+2017&sort=score&order=desc&result=result-115028-ru> (дата обращения: 10.10.2024).

ЭКОНОМИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Несмотря на общее историческое прошлое и схожие условия «на старте» при обретении независимости (необходимость перехода от плановой экономики к рыночной, формирование новых институтов, введение собственной валюты и др.), экономическое развитие стран Центральной Азии к настоящему моменту оказалось весьма неравномерным. Явным лидером региона по ВВП на душу населения и размерам экономики является Казахстан (табл. 1).

И за последние 10 лет экономической конвергенции стран Центральной Азии все еще не произошло. Отсутствует и качественное экономическое развитие этих стран: рост ВВП на душу населения за указанный период не претерпел существенных изменений. При этом, за исключением Таджикистана и Кыргызстана, темпы экономического роста рассматриваемых стран за период 2013–2023 гг. замедли-

Таблица 1

Ключевые социально-экономические показатели стран Центральной Азии в 2013 и 2023 гг.

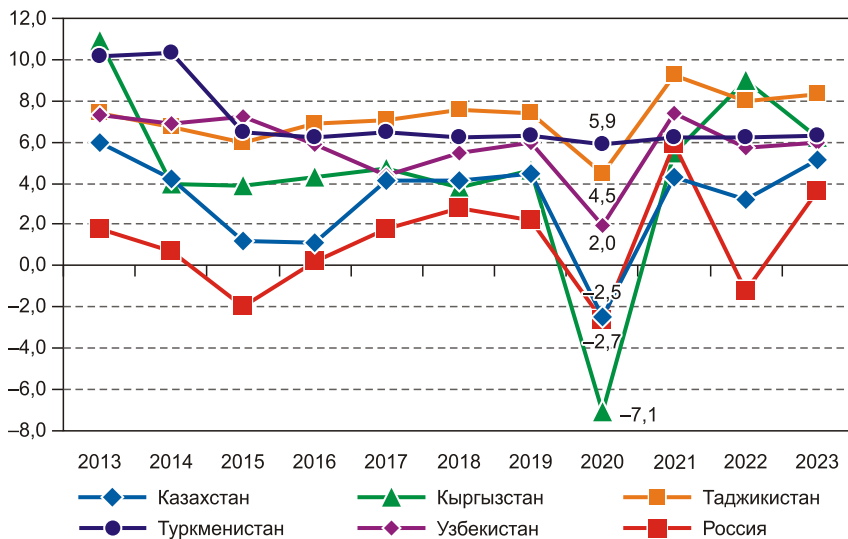
Страна	ВВП в текущих ценах, млн долл. США		ВВП на душу населения в текущих ценах, долл. США		Рост ВВП реальный, %		Инфляция (декабрь к декабрю пред. года), %		Население, млн чел. (на конец года)	
	2013	2023	2013	2023	2013	2023	2013	2023	2013	2023
Казахстан	236 633	264 209	13 891	13 194	6,0	5,1	4,8	9,8	17,0	20,0
Кыргызстан	7 320	13 981	1 339	1 969	10,9	6,2	4,0	7,3	30,2	7,2
Таджикистан	8 448	11 860	1 038	1 018	7,4	8,3	5,0	3,8	5,7	10,0
Туркменистан	39 198	42 000	7 050	7 100	10,2	6,3	6,8	5,9	8,1	7,1
Узбекистан	73 180	90 871	2 420	2 522	7,3	6,0	11,8	8,8	5,6	36,8
Россия	2 291 545	2 013 854	15 935	13 765	1,8	3,6	6,5	7,4	144,0	146,1

Источник: данные Всемирного банка и национальных статистических агентств.

лись, что сигнализирует об исчерпании экономиками потенциала роста за счет эффекта «низкой базы».

Одновременно экономический рост стран Центральной Азии остается неустойчивым из-за сильной подверженности внешним шокам. Так, ударом для экономик всех стран Центральной Азии стал 2020 г., отмеченный пандемией COVID-19. Но даже в этом случае глубина падения экономического роста оказалась различной: в то время как Кыргызстан пережил резкое сокращение реального ВВП на 7,1%, а Казахстан и Россия зафиксировали снижение более чем на 2%, в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане наблюдалось лишь замедление темпов экономического роста (см. рисунок).

Однако указанный факт не должен вводить в заблуждение: меньшая чувствительность экономик Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана к пандемическому шоку объяснялась не большей их устойчивостью, а наоборот, менее развитой экономической структурой, где

Темпы экономического роста стран Центральной Азии и России, % годовых

Источник: данные национальных статистических агентств, Межгосударственного статистического комитета СНГ

значительное место продолжает занимать сельское хозяйство. Так, в Узбекистане доля сельского, лесного и рыбного хозяйства в валовой добавленной стоимости в 2023 г. составила 24,1%¹³, в Таджикистане – 24,3%¹⁴ (для сравнения, в Казахстане указанный параметр в 2023 г. составил всего 4,3%). В то же время введенные во время карантина ограничения в наибольшей степени затрагивали сектор услуг, в частности оптовую и розничную торговлю. Поэтому страны, в структуре экономики которых доля сектора услуг не была преобладающей, испытали меньшее падение ВВП.

Наряду с подверженностью общемировым потрясениям, страны Центральной Азии также восприимчивы к экономическим изменениям в соседних государствах. Основным страновым источником как положительных, так и отрицательных шоков для региона является российская экономика, хотя каналы и степень ее влияния по странам региона различаются. Наиболее уязвимыми с точки зрения внешних шоков со стороны России остаются Таджикистан и Кыргызстан: они связаны с российской экономикой значительными масштабами трудовой миграции в эту страну.

В частности, из Таджикистана ежегодно выезжают более полу-миллиона трудовых мигрантов, 90% из которых направляются в Россию. Так, в 2023 г., по данным миграционного ведомства Таджикистана¹⁵, выезд трудовых мигрантов составил 652 014 чел. (в 2022 г. – 775 578 чел.). Из общего числа выехавших в 2023 г. мигрантов 627 028 чел., или 96%, отправились в Россию, 18 418 чел. (2,8%) – в Казахстан и 6 558 чел. – в другие государства. По данным Всемирного банка, самым востребованным среди трудовых мигрантов Таджикистана видом деятельности в России является строительство. Причина миграции в Россию – более высокий уровень оплаты труда.

¹³ URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/national-accounts> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁴ URL: <https://www.stat.tj/ru/analiticheskie-tabliczy/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁵ См.: *Пресс-релиз* о деятельности Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан в 2023 году. 2024 // Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. – URL: <https://mehnat.tj/ru/news/dt/e9ed1c94-57bc-4e15-8f6c-4144f59b9517> (дата обращения: 30.09.2024).

Например, работники сектора строительства в 2023 г. в среднем зарабатывали 810 долл. США в России по сравнению с 277 долл. США в Таджикистане¹⁶. Согласно отчету Всемирного банка, в 2023 г. уже 41% домохозяйств в стране имели миграционный номер, и доля получающих денежные переводы домохозяйств составила 18% против 17% в 2022 г. Но важно заметить, что трудовая миграция в Таджикистане носит временный характер: ежегодно большая часть мигрантов возвращается в страну. Например, в 2023 г. в Таджикистан вернулись 590 710 чел. Хотя это не влияет на тот факт, что страна остается зависимой от рынка труда России. По оценкам Всемирного банка, Таджикистан в 2023 г. получил из-за рубежа 5,7 млрд долл. США, что составляет 48,2% ВВП страны (для сравнения, в 2022 г. – 5,3 млрд долл. США). И в среднем 85% денежных переводов осуществляются из России.

В свою очередь, по состоянию на конец 2023 г. за границей проживали 328 458 граждан Кыргызстана; из этого числа 79% находились в России, 4,5% – в Казахстане и 4% – в Турции¹⁷. Чистый приток денежных переводов в страну в 2023 г. составил 2,14 млрд долл. США, и 93,5% полученных переводов были из России.

Узбекистан также характеризуется высокой трудовой миграцией и, как следствие, зависит от внешних денежных переводов. Например, в 2023 г., по данным статистического агентства страны, 26,7% общего дохода населения было сформировано за счет трансфертов. Но отличительной особенностью трудовой миграции Узбекистана является то, что основной поток мигрантов приходится на Казахстан: количество выбывших на постоянное место жительства из Узбекистана в 2023 г. составило 17 336 чел., из которых 81,1% направились в Казахстан и только 15,4% – в Россию. Поэтому влияние России на Узбекистан ограничивается торговым каналом.

¹⁶ См.: *Tajikistan Economic Update: Focusing on the Footprint of State-Owned Enterprises and Competitive Neutrality*. – P. 13–14. 2024 // World Bank Report. – URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099072524040013252/p501023120e06b0f81979612b98e717e4f3> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁷ См.: *Ситуационный отчет по миграции, Кыргызстан*. – 14 с. 2023 // IOM UN Migration. – URL: <https://dtm.iom.int/es/reports/kyrgyzstan-situacionnyy-otchet-po-migracii-dekabr-2023> (дата обращения: 24.09.2024).

Подверженностью шокам со стороны российской экономики через торговый канал характеризуется и Казахстан. Доля России во внешнеторговом обороте Узбекистана в 2023 г. составила 16%, во внешнеторговом обороте Казахстана – 19,4%. Россия входит в число трех самых крупных торговых партнеров для обеих стран (табл. 2–4), уступая лишь Китаю. При этом доля Китая во внешнеторговом обороте Узбекистана и Казахстана стала преобладающей только в 2022 г. на фоне усложнения взаимной торговли с Россией из-за введенных западными странами санкций [2]. В то же время Россия является важным торговым партнером и других стран Центральной Азии, но объемы торговли по странам мало сопоставимы из-за различий в размерах экономик. Так, общий внешнеторговый оборот Казахстана превышает объемы внешней торговли Узбекистана в 2 раза, Кыргызстана – в 9 раз, Таджикистана – в 17 раз (табл. 5). И по аналогии с ВВП на душу населения с годами конвергенции между странами по объемам внешней торговли не происходит, хотя объемы торговли в номинальном выражении растут.

Таблица 2

Внешняя торговля Казахстана, 2023 г.

Показатель	Китай	Россия	Италия	Узбеки- стан	Кыргыз- стан	Таджи- кистан	Туркме- нистан
Доля во внешнетор- говом обороте, %	21,5	19,4	11,5	3,2	1,2	0,8	0,4
ВТО Казахстана, млн долл. США	30 055	27 054	16 075	4 418	1 688	1 130	563
Экспорт из Казах- стана, млн долл. США	14 666	10 207	14 833	3 130	1 147	859	397
Импорт в Казахстан, млн долл. США	15 389	16 847	1 242	1 288	541	271	166

Источник: данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Таблица 3

Внешняя торговля Узбекистана, 2023 г.

Показатель	Китай	Россия	Казахстан	Турция	Туркменистан	Кыргызстан	Таджикистан
Доля во внешнеторговом обороте, %	21,8	16,0	7,1	5,0	1,5	1,5	1,2
ВТО Узбекистана, млн долл. США	13 826	10 156	4 485	3 161	929	968	761
Экспорт из Узбекистана, млн долл. США	2 487	3 496	1 417	1 249	172	634	608
Импорт в Узбекистан, млн долл. США	11 339	6 660	3 068	1 912	757	334	153

Источник: данные Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан.

Таблица 4

Внешняя торговля Кыргызстана, 2023 г.

Показатель	Китай	Россия	Казахстан	Швейцария	Узбекистан	Туркменистан	Таджикистан
Доля во внешнеторговом обороте, %	34,2	19,5	8,6	6,9	4,4	0,4	0,0
ВТО Кыргызстана, млн долл. США	5 434	3 107	1 371	1 103	694	63,5	2,3
Экспорт из Кыргызстана, млн долл. США	81	824	449	1 089	291	4,6	1,2
Импорт в Кыргызстан, млн долл. США	5 353	2 283	922	14	403	58,9	1,1

Источник: данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

Таблица 5

Внешнеторговый оборот стран Центральной Азии, млн долл. США

Страна	2020	2021	2022	2023
Казахстан	86 469	101 736	135 527	139 551
Кыргызстан	5 692	8 332	12 058	15 661
Таджикистан	4 558	6 359	7 310	8 329
Узбекистан	36 256	42 171	50 500	63 529

Источник: данные национальных статистических агентств.

Масштабы и структура экономик стран Центральной Азии определяют структуру их внешнеторгового оборота с Россией. Торговый баланс всех стран Центральной Азии в обороте с Россией образуется с дефицитом: объемы импорта из России существенно превышают объемы экспорта в страну. При этом наиболее устойчивые экономические взаимоотношения у России складываются преимущественно с Казахстаном, что связано как со схожим уровнем экономического развития, так и со схожей структурой экономик. Углубление же интеграции России с другими странами региона все еще сталкивается с серьезными барьерами.

Подобная картина наблюдается в торговле стран Центральной Азии с Китаем. Одновременно сохраняются перекосы во взаимной торговле стран региона. Так, Казахстан, будучи экономическим лидером региона, является нетто-экспортером товаров в Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. В свою очередь, объемы экспорта Узбекистана в Туркменистан и Таджикистан превышают объемы его импорта из этих стран. Важно заметить, что в общей картине внешней торговли стран Центральной Азии сильно выделяется торговля Таджикистана: в отличие от Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, самым крупным торговым партнером этой страны по сей день является Россия, а не Китай. На втором месте по объему внешней торговли Таджикистана находится Узбекистан. Ввиду незначительных объемов торговли с другими странами помимо России и Узбекистана статистический орган Таджикистана предоставляет

Таблица 6

Внешняя торговля Таджикистана, 2023 г.

Показатель	Россия	Узбеки- стан	Европа	Азия
Доля во внешнеторговом обороте, %	20,6	6,1	20,8	33,1
ВТО Таджикистана, млн долл. США	1 715	505	1 730	2 759
Экспорт из Таджикистана, млн долл. США	135	151	1 168	716
Импорт в Таджикистан, млн долл. США	1 580	354	562	2 043

Источник: данные Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан.

информацию об объемах внешнеторгового оборота с третьими странами только суммарно в разбивке на две группы: торговля со странами Европы и торговля со странами Азии (табл. 6).

Таким образом, как внешняя, так и взаимная торговля стран Центральной Азии остается на сегодняшний день несбалансированной.

**СОХРАНЯЮЩИЕСЯ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ
К ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ И РОССИИ**

Одним из главных препятствий к усилению взаимодействий стран Центральной Азии и России, как было отмечено, являются их *разные уровни экономического развития*. Различия проявляются не только в размерах ВВП на душу населения, но и в структуре экономик. Если в России и Казахстане доля услуг в ВВП уже стабильно превышает долю производства товаров (в 2023 г. доля услуг составила 55,5% у Казахстана, 56,9% у России), то в Узбекистане доля услуг в ВВП в 2023 г. составляла 41%, в Таджикистане – всего 34,1%, в Кыргызстане уровень в 50,8%, отмеченный в 2023 г., еще не является устойчивым¹⁸.

¹⁸ URL: <https://wdi.worldbank.org/table/4.2> (дата обращения: 12.09.2024).

В то же время в Таджикистане сельское хозяйство остается ключевым сектором экономики, на его долю приходится 24,3% ВВП. Занятость в этом секторе составляет более 60% населения страны, причем большая часть работников занята именно в растениеводстве, которое формирует 98,5% всего объема аграрного производства¹⁹. Кроме того, проблемой Таджикистана остается низкий уровень доходов населения. Как отмечает Всемирный банк²⁰, среднемесячный уровень заработной платы в этой стране в 2023 г. составил всего 186 долл. США. С учетом того, что в среднем в одном домохозяйстве четыре ребенка, удовлетворить даже базовые потребности представляется сложной задачей. Доля бедных в Таджикистане составила в 2023 г. 21,2%. Для сравнения, в Казахстане доля бедных в 2023 г., по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК, составила 5,2%; в России, по данным Росстата, – 8,5%.

Высокой долей сельского хозяйства в структуре экономики характеризуется также Узбекистан (24,1% ВВП). И хотя в 2013 г. указанная доля была выше – 30,7%, процесс перестройки экономики идет медленно. При этом начиная с 2009 г. официальная статистика Узбекистана относительно численности городского населения не может служить достоверным показателем роста качества жизни в стране. Причиной тому стало Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию административно-территориального устройства населенных пунктов Республики Узбекистан» от 13 марта 2009 г. Данным постановлением были смягчены основные критерии градообразования в стране, и 966 сельских населенных пунктов перешли в категорию городских населенных пунктов (поселков городского типа) [1]. В результате

¹⁹ См.: *Sevimli O., Jungbluth F.* Tackling food insecurity in Tajikistan // World Bank Blogs. – URL: <https://blogs.worldbank.org/en/europeandcentralasia/tackling-food-insecurity-tajikistan> (дата обращения: 12.09.2024).

²⁰ См.: *Tajikistan Economic Update: Focusing on the Footprint of State-Owned Enterprises and Competitive Neutrality.* – P. 13–14.

этого уровень урбанизации страны искусственно поднялся с 35,8% в 2008 г. до 50,1% в 2009 г. С тех пор показатель вырос незначительно: на начало 2024 г. доля городского населения Узбекистана составила 51%.

В Кыргызстане большая часть населения, даже по официальным оценкам, сегодня продолжает проживать в сельской местности. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, численность населения на 1 января 2024 г. составила 7,16 млн чел., из которых в сельской местности проживало 65,1%. Вместе с тем уровень бедности в стране даже выше, чем в Таджикистане. Согласно Национальному статистическому комитету Кыргызстана, в 2023 г. уровень бедности составил 29,8%.

Низкий уровень жизни населения в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане является причиной устойчиво высокой численности трудовых мигрантов. Рабочая сила является основным экспортным товаром этих трех стран, ввиду этого их экономики все еще сильно зависят от внешних денежных переводов. В таких условиях взаимоотношения указанных стран с Россией и Казахстаном выстраиваются по принципу «донор – реципиент», а не по принципу взаимовыгодного и равного сотрудничества.

В то же время экономики Казахстана и России сами переживают нелегкие времена: обе экономики ввиду проблем диверсификации находятся в ловушке «среднего дохода». Так, уровень ВВП на душу населения в долларовом выражении в Казахстане и России с 2013 г. не вырос. Наоборот, в 2023 г. в России этот показатель оказался на 13,6% ниже, чем в 2013 г., в Казахстане – на 5% ниже, чем в 2013 г. Проблему ловушки «среднего дохода» для Казахстана в своем докладе²¹ в 2023 г. поднимал и Всемирный банк.

Наряду с экономическими барьерами на пути к интеграции стран, существуют и барьеры *институциональные*. В частности, Туркме-

²¹ См.: *Kazakhstan Economic Update – Shaping Tomorrow: Reforms for Lasting Prosperity*. 2023 // World Bank Report. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan/publication/economic-update-winter-2023-24> (дата обращения: 15.09.2024).

нистан продолжает выстраивать внешнюю экономическую политику с приоритетом двусторонних отношений, оставаясь экономически закрытой страной. Таджикистан характеризуется высокой долей участия государства в экономике: по данным отчета Всемирного банка за 2024 г.²², практически во всех секторах присутствуют предприятия с государственным участием (ПГУ). При этом присутствие ПГУ в экономике охватывает даже конкурентоспособные секторы, где деятельность частного сектора является устойчивой. Это делает Таджикистан по-прежнему малопривлекательной страной для частных прямых иностранных инвестиций. По данным Всемирного банка, в 2023 г. чистый приток ПИИ в страну составил 0,8% ВВП, что даже ниже, чем в 2022 г. (1,5% ВВП).

Третьим серьезным барьером к усилению экономического взаимодействия стран в Центральноазиатском регионе является *внутриполитическая нестабильность*. За более чем 30-летний период независимости далеко не всем странам Центральной Азии удалось выстроить устойчивую к шокам политическую систему. Слабые места в этой сфере стали очевидными в период экономического восстановления после пандемии коронавируса. Так, в 2022 г. практически весь регион был охвачен протестными настроениями, и впервые за долгие годы независимости массовые беспорядки происходили в Казахстане [4]. Но в тот год стране удалось сохранить стабильность: «кровавые» январские события не привели к гражданской войне, а наоборот, поспособствовали консолидации общества вместе с масштабной политической перестройкой. Уже в июле 2022 г. беспорядки начались в Узбекистане на фоне внесения поправок в Конституцию²³, в рамках которых Каракалпакстан лишился «суверенности». Протестными настроениями был охвачен и Кыргызстан, где в 2022 г. жители

²² См.: *Tajikistan Economic Update: Focusing on the Footprint of State-Owned Enterprises and Competitive Neutrality*. – P. 27–29.

²³ См.: *Каракалпакстан в борьбе за суверенитет* // Власть.кз. – URL: <https://vlast.kz/politika/50699-karakalpakstan-v-borbe-za-suverenitet.html> (дата обращения: 30.09.2024).

выступили против передачи Кемпир-Абадского водохранилища Узбекистану и против политических репрессий²⁴. Таджикистан также столкнулся с протестами на фоне «антитеррористической операции» в Рушанском районе Горно-Бадахшанской автономной области, в ходе которой от силовиков пострадали мирные жители²⁵. Прошедшие протесты показали хрупкость выстроенных режимов, отразили недовольство населения отсутствием политических перемен и неудовлетворенность уровнем жизни. В таких условиях внутренних противоречий, раздирающих страны, выстраивать внешние взаимодействия становится сложнее.

Фоном для внутривнутриполитических проблем стран Центральной Азии выступает и внешняя геополитическая напряженность. Регион, будучи соседом стран Ближнего Востока, нередко оказывается затронутым их конфликтами. Так, из-за наличия общей границы с Афганистаном протяженностью в 1344 км угрозы терроризма и наркотрафика для Таджикистана постоянно являются приоритетными проблемами при решении вопросов безопасности. Кроме того, нестабильная обстановка в Афганистане поднимает проблему афганских беженцев для соседних стран. По оценкам, приведенным ООН, в Таджикистане находится около 15 тыс. афганских беженцев²⁶.

Помимо внешних геополитических конфликтов в окружении Центральноазиатского региона, есть давние конфликты внутри него. Так, в 2021–2022 гг. не раз происходили столкновения на кыргызско-таджикской границе протяженностью более 900 км. Около половины линии общей границы двух стран не демаркировано, из-за чего

²⁴ См.: *Делимитация границ. Кыргызстан под угрозой беспорядков из-за спорного соглашения с Узбекистаном* // Радио Азаттык. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/32100033.html> (дата обращения: 30.09.2024).

²⁵ См.: *Протесты в Горном Бадахшане. Главное* // Власть.кз. – URL: <https://vlast.kz/politika/49981-protesty-v-gornom-badahsane-glavnoe.html> (дата обращения: 30.09.2024).

²⁶ См.: *Afghanistan: 500,000 jobs lost since Taliban takeover* // UN News. – URL: <https://news.un.org/en/story/2022/01/1110052> (дата обращения: 30.09.2024).

между жителями приграничных районов нередко случаются территориальные споры. Но в последние годы растет готовность стран региона к мирному урегулированию территориальных вопросов и вопросов безопасности. Отражением этой готовности стало завершение в 2023 г. процесса делимитации границы между Кыргызстаном и Узбекистаном²⁷: страны решили вопрос несогласованных участков на границе, и это является важным событием в контексте обеспечения внешнеполитической стабильности обоих государств.

Наконец, ограничением для сотрудничества стран Центральной Азии и России последних двух лет выступают *санкции*, введенные в отношении российской экономики [3]. Важно понимать, что на современном этапе глобальная экономика состоит из множества производственных цепочек, в которых благодаря углублению международного разделения труда задействованы практически все страны. Сегодня формат исключительно двусторонних отношений стран уже невозможен. Поэтому ограничения на торговлю с Россией, которая представляет собой важную часть мировой экономики, осложняют процессы многостороннего взаимодействия [3]. В частности, это нашло отражение в некотором снижении доли России во внешнеторговом обороте стран Центральной Азии в 2023 г. (табл. 7).

Следует заметить, что несмотря на снижение удельного веса России во внешнеторговом обороте центральноазиатских стран, стоимостной объем торговли все же продолжает расти (исключение – только Кыргызстан). Более того, снижение доли России незначительное, страна все так же является одним из главных торговых партнеров стран региона. Тем не менее динамика доли России во внешнем торговом обороте стран Центральной Азии все же свидетельствует о сложном периоде для интеграции, поскольку торговля остается ключевым каналом взаимодействия.

²⁷ См.: *Осталась одна граница в Центральной Азии, которая вызывает беспокойство // Настоящее время.* – <https://www.currenttime.tv/a/asia-kyrgyzstan-uzbekistan-boarders/32242724.html> (дата обращения: 30.09.2024).

Таблица 7

Сравнение доли России во внешнеторговом обороте стран Центральной Азии

Страна	ВТО с Россией, млн долл. США			Уд. вес России в общем ВТО страны, %		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Казахстан	24 624	26 972	27 054	24,2	19,9	19,4
Кыргызстан	2 305	3 476	3 107	27,7	28,8	19,5
Таджикистан	1 353	1 674	1 715	21,3	22,9	20,6
Узбекистан	7 550	9 381	10 156	17,9	18,6	16,0

Источники: данные по внешней торговле национальных статистических агентств соответствующих стран (<https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/> , дата обращения: 10.09.2024; <https://stat.gov.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> , дата обращения: 10.09.2024; <https://www.stat.tj/ru/analiticheskie-tabliczy/> , раздел «Внешний сектор», дата обращения: 10.09.2024; <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> , дата обращения: 10.09.2024).

**НЕОБХОДИМОСТЬ СТРАНЫ-ЛОКОМОТИВА
ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ**

Несмотря на все вызовы и усложнение геополитической ситуации в мире в 2022–2023 гг., страны Центральной Азии, в противовес всеобщей фрагментации, продолжают курс на сближение [4]. Хотя важно признать, что этот процесс в большей своей части представлен двусторонними взаимодействиями (страна – страна), а не полноценным взаимодействием сразу всех стран региона и России [2], что говорит о том, что основные барьеры для интеграции еще не преодолены. Очевидно, что процесс интеграции не может происходить без разрешения внутренних экономических и политических проблем стран региона. Однако, как показывает опыт построения более узкого регионального объединения – ЕАЭС, для усиления процессов интеграции важно наличие движущего эти процессы центра.

Сегодня таким центром может стать Казахстан. Страна как минимум трижды за последние четыре года продемонстрировала свою

устойчивость как в экономическом, так и во внутривластном плане: в период транзита власти (он прошел мирным путем), во время пандемии COVID-19 (экономический рост снизился всего на 2,5%) и в январе 2022 г. («кровавые» январские события не привели к гражданской войне и не поспособствовали финансовому кризису). Другие страны Центральной Азии отличаются большей уязвимостью выстроенных политических и экономических режимов, а также наличием неразрешенных противоречий с соседними государствами [4].

С учетом более стабильной экономической и политической ситуации в отчете немецкого аналитического центра Foundation for Science and Politics Казахстан был назван «срединной державой» региона («middle power») [7]. Устойчивость экономики Казахстана по сравнению с другими странами Центральной Азии объясняется курсом на более широкие политические и экономические свободы, которые дают стране возможность проводить необходимые рыночные преобразования и позволяют иметь привлекательный инвестиционный имидж на международной арене. Но сегодня позиция Казахстана в регионе как центра определяется уже не только экономическими показателями. Роль страны как «срединной державы» определяется еще и тем, что она имеет наиболее протяженную общую границу с Россией, которая является важным партнером для всех стран региона, но взаимодействия с которой осложнены на современном этапе наличием санкций. Кроме того, важно заметить, что в 2024 г. Казахстан председательствовал сразу в нескольких ведущих международных организациях, включая Шанхайскую организацию сотрудничества, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Организацию тюркских государств, Исламскую организацию по продовольственной безопасности и Международный фонд спасения Арала, – это также свидетельствует о растущей роли государства на мировой арене.

Понимая возложенную на него ответственность, Казахстан не является пассивным наблюдателем происходящей мировой фрагментации. Страна, имея уже сложившиеся тесные экономические связи

с Россией, развернула сегодня свои интеграционные усилия и на юг – укрепляет взаимодействия с Кыргызстаном и Узбекистаном [4]. Казахстан как никто другой осознает важность сплоченности на фоне растущего геополитического веса всего региона Центральной Азии в мире. Готовность страны содействовать усилению взаимодействия в регионе была также озвучена президентом РК на прошедшем в Казахстане в 2024 г. Астанинском международном форуме. В своем выступлении на форуме К.-Ж. Токаев подчеркнул, что Казахстан сегодня является глобальным и надежным торгово-экономическим партнером для всех стран региона.

Список источников

1. *Абдалова З.Т.* Особенности процесса урбанизации в Республике Узбекистан // Наука без границ. – 2019. – № 4 (32). – С. 63–67.
2. *Бордачев Т.В., Чиждова Д.Ю.* Центральная Азия и украинский кризис. – М.: Валдай, 2022. – 56 с. (Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»).
3. *Гнидченко А.А., Михеева О.М., Сальников В.А.* «Уходя – уходи»: кто остается с Россией и как перераспределяется импорт? // Вопросы экономики. – 2023. – № 12. – С. 48–65.
4. *Развитие ЕАЭС 2022+:* стратегические задачи и требования времени / Точин А.В., Алиев Т.М., Чимириш Е.С. и др.; Рос. совет по междунар. делам. – М., 2023. – 77 с. (Доклад РСМД № 84/2023).
5. *Такижбаева Н.З.* Центральная Азия в постсоветский период: история и современность. – URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-13-36/284-2013-07-26-10-33-20.html> (дата обращения: 20.09.2024).
6. *Чжоу Ц.* Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 164–171. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-3-164-171.
7. *Lippert B., Mair S.* Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik // SWP-Studie 2024. 94 p. – URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/mittlere-maechte-einflussreiche-akteure-in-der-internationalen-politik> (дата обращения: 12.10.2024).
8. *Starr F.S.* A partnership for Central Asia // Foreign Affairs. – 2005. – No. 84 (4). P. 164–178. DOI: 10.2307/20034428.

Информация об авторах

Кулекеев Жаксыбек Абдрахметович (Казахстан, Астана) – кандидат экономических наук, профессор, советник генерального директора ТОО «КМГ Инжиниринг»; научный руководитель ТОО «Центр исследований прикладной экономики (Applied Economics Research Centre)» (Республика Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2). E-mail: zh.kulekeyev@niikmg.kz.

Пак Евгения Александровна (Казахстан, Астана) – аспирант Аспирантской школы по экономике НИУ ВШЭ (Россия, Москва); управляющий директор ТОО «Центр исследований прикладной экономики (Applied Economics Research Centre)» (Республика Казахстан, 010000, Астана, просп. Кошкарбаева, 1/4, оф. 504). E-mail: zhenyapak@aerc.org.kz.

DOI: 10.15372/REG20250106

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 142–170

Zh.A. Kulekeev, E.A. Pak

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN CENTRAL ASIA AND RUSSIA: CURRENT CHALLENGES

Central Asia, as defined by most international organizations, comprises five independent states: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. Russia has historically been an important partner for this region, with deep-rooted foundations for interaction. However, despite the economic rationale for closer integration, the relationship remains fragmented. Over the 30 years of independence, only partial integration mechanisms have been established with no signs of a coherent economic space due to considerable obstacles to integration.

This article analyzes the economies of Central Asian countries and the challenges facing the region that hinder interactions. The obstacles include disparities in economic development levels among the states, the instability of their political systems in response to external and internal shocks, and the incomplete nature of reform processes. These challenges are further compounded by rising geopolitical tensions in neighboring areas.

The study evaluates the outcomes of cooperation between Central Asian countries and Russia up to 2015 and examines the reforms initiated since 2016 that have contributed to strengthening interactions. It highlights the need for a country capable of systematically leading integration efforts in the region at this modern stage. Based on an analysis of internal and external barriers to economic rapprochement, we identify Kazakhstan as the most suitable candidate to assume this role.

Keywords: Central Asia; Russia; integration; geopolitics; economic interaction; foreign trade

For citation: *Kulekeev, Zh.A. & E.A. Pak. (2025). Ekonomicheskoe vzaimodeystvie stran Tsentralnoy Azii i Rossii: sovremennye vyzovy [Economic relations between Central Asia and Russia: Current challenges]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 142–170. DOI: 10.15372/REG20250106.*

References

1. *Abdalova, Z.T. (2019). Osobennosti protsessa urbanizatsii v Respublike Uzbekistan [Features of the urbanization process in the Republic of Uzbekistan]. Nauka bez granits [Science Without Borders], 4 (32), 63–67.*
2. *Bordachev, T.V. & D.Yu. Chizhova. (2022). Tsentralnaya Aziya i ukrainskiy krizis [Central Asia and the Ukraine crisis]. Report of the Valdai International Discussion Club. Moscow, Valdai Publ., 56.*
3. *Gnidchenko, A.A., O.M. Mikheeva & V.A. Salnikov. (2023). “Ukhodya – ukhodi”: kto ostaetsya s Rossiey i kak pereraspredelyaetsya import? [“Having leapt never look back”: Who stays with Russia and how are imports redistributed?]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 12, 48–65.*

4. *Tochin, A.V., T.M. Aliev, E.S. Chimiris et al.* (2023). Razvitie EAES 2022+: strategicheskie zadachi i trebovaniya vremeni [EAEU Development 2022+: Strategic Objectives and Demands of the Times]. Russian International Affairs Council. Moscow, 77. (RIAC Report No. 84/2023).

5. *Takizhbaeva, N.Z.* (2013). Tsentralnaya Aziya v postsovetskiy period: istoriya i sovremennost [Central Asia in the post-Soviet period: history and modernity]. Available at: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-13-36/284-2013-07-26-10-33-20.html> (date of access: 20.09.2024).

6. *Zhou, Ju.* (2017). Znachenie gosudarstv Tsentralnoy Azii v mirovoy politicheskoy sisteme [The value of the Central Asian states in world politics]. Upravlencheskoe konsultirovanie [Administrative Consulting], 3, 164–171. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-3-164-171.

7. *Lippert, B. & S. Mair.* (2024). Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik [Middle powers – influential actors in international politics]. SWP-Studie, 94. Available at: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/mittlere-maechte-einflussreiche-akteure-in-der-internationalen-politik> (date of access: 12.10.2024).

8. *Starr, F.S.* (2005). A Partnership for Central Asia. Foreign Affairs, 84 (4), 164–178. DOI: 10.2307/20034428.

About Authors

Kulekeev, Zhaksybek Abdrakhmetovich (Astana, Kazakhstan) – Candidate of Sciences (Economics), Professor, Advisor to Director General of KMG Engineering LLP; Scientific Advisor at Applied Economics Research Centre LLP (2, Satpaev St., Astana, 010008, Kazakhstan). E-mail: zh.kulekeyev@niikmg.kz.

Pak, Evgeniya Aleksandrovna (Astana, Kazakhstan) – postgraduate student at the Doctoral School of Economics, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); Managing Director of Applied Economics Research Centre LLP (off. 504, 1/4, Koshkarbaev Ave., Astana, 010000, Kazakhstan). E-mail: zhenyapak@aerc.org.kz.

Поступила в редколлегию 09.11.2024.

После доработки 18.11.2024.

Принята к публикации 21.11.2024.

© Кулекеев Ж.А., Пак Е.А., 2025

С.А. Максимов

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА НОВОСИБИРСКОГО УЗЛА КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КИТАЕМ И СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье представлено экспертное мнение по вопросам развития транспортной инфраструктуры Западной Сибири, обеспечивающей расширение и укрепление внешнеэкономических связей с Китаем и странами Центральной Азии. Приводятся актуальные данные по объемам перевозок грузов и развитию инфраструктуры Новосибирского транспортно-логистического узла, полученные на основе анализа транспортной работы Новосибирской области, который проводится Союзом транспортников, экспедиторов и логистов Сибири по поручению правительства Новосибирской области.

Рассмотрены сложившиеся схемы транспортировки грузов, и это позволило сделать вывод, что инфраструктура Новосибирского транспортно-логистического узла работает в целях обеспечения потребности экономики не только Новосибирской области, но и соседних регионов Западной Сибири, в том числе Омской, Томской, Кемеровской областей, Алтайского края и частично Красноярского, а также части прилегающих районов Республики Казахстан. Показано, что выстроены устойчивые маршруты по направлениям Новосибирск – дальневосточные порты России – далее Китай и страны АТР, Новосибирск – Владивосток – Китай, Новосибирск – Забайкальск – Китай, Новосибирск – Казахстан – Китай. Идет формирование новых логистических цепочек, в том числе с выходом в страны Глобального Юга: Новосибирск – страны Центральной Азии – Иран – Индия. Дальнейшее углубление этих транспортных связей во многом зависит от уровня развития транспортной логистической инфраструктуры Новосибирского узла.

Ключевые слова: транспортно-логистическая инфраструктура; контейнерные терминалы; международные перевозки; Новосибирский транспортно-логистический узел; перевозки в Китай; перевозки в страны Центральной Азии

Для цитирования: Максимов С.А. Транспортно-логистическая инфраструктура Новосибирского узла как основа взаимодействия с Китаем и странами Центральной Азии // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 171–194. DOI: 10.15372/REG20250107.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных проблем в развитии логистики в регионах Западной Сибири стал разрыв в 2022 г. кооперационных связей со странами Европейского союза, США, Канадой и Японией в связи с введением этими странами санкций по отношению к России. Это привело к тому, что промышленные предприятия и организации торговли вынуждены были налаживать логистические цепочки с новыми партнерами в других странах, в том числе укреплять сотрудничество с Китайской Народной Республикой. В свою очередь, эта задача не может быть решена без соответствующего развития транспортно-логистической инфраструктуры.

Научных исследований по данному вопросу в настоящее время крайне мало. Практически нет обобщенного анализа ситуации, что связано в том числе с отсутствием фактической информации об объемах и направлениях перевозок внешнеэкономических грузов. Одна из причин этого состоит в том, что значительная часть информации, особенно статистической, сегодня закрыта в целях обеспечения безопасности. В такой ситуации можно использовать только экспертную оценку.

Информация о существующих и перспективных проектах по развитию транспортно-логистической инфраструктуры, включая контейнерные перевозки, приводится достаточно фрагментарно и без систематизации. Восполнению этого пробела и посвящена данная статья.

Представленный в ней фактический материал получен из экспертных оценок Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири.

Транспортный сектор регионов Сибири, и прежде всего Новосибирский транспортный узел, играет большую роль в организации логистических цепочек в России. С учетом уникального геополитического положения Новосибирского транспортного узла решение проблем, которые сегодня испытывает вся транспортная отрасль страны, является важным не только для транспортного сектора самого Сибирского региона, но и для транспортной системы России в целом [2]. Новосибирский транспортный узел обеспечивает связанность регионов Европейской России и Урала с регионами Дальнего Востока, а также обслуживает потребности всей Сибири. Поэтому развитие логистических взаимосвязей и инфраструктуры Новосибирского транспортного узла является важной задачей для всей отрасли.

Для решения имеющихся проблем следует провести анализ наличия складов и контейнерных терминалов в Новосибирском транспортном узле, определить перспективы их развития и возможности для наращивания контейнерных перевозок.

РОЛЬ НОВОСИБИРСКОГО ТРАНСПОРТНОГО УЗЛА В СОВРЕМЕННЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕПОЧКАХ

Анализируя объемы перевозок грузов различными видами транспорта (железнодорожным, автомобильным, авиационным), а также направления и маршруты перевозок, можно сделать следующий вывод: транспортно-логистическая инфраструктура Новосибирского транспортного узла обеспечивает перевозку грузов для экономики не только Новосибирской области, но и соседних регионов Западной Сибири, в том числе Омской, Томской, Кемеровской областей, Алтайского края и частично Красноярского, а также некоторых прилегающих районов Республики Казахстан. Например, значительная часть пиломатериала из Томской области сначала в контейнерах автотранспортом доставляется в Новосибирский узел, а затем на контейнерных терминалах перегружается на железную дорогу и направляется ускоренными контейнерными поездами в восточном направ-

лении, в том числе в Китай. Это связано с тем, что в Томской области недостаточно развита транспортно-логистическая инфраструктура и, соответственно, нет возможности стабильно формировать ускоренные контейнерные поезда.

Основная грузовая работа Новосибирской области сконцентрирована в Новосибирском транспортно-логистическом узле, включающем в себя г. Новосибирск и пригородную зону в радиусе примерно 50 км. Это видно из анализа расположения основных транспортно-логистических объектов Новосибирской области, который проводил Союз транспортников, экспедиторов и логистов Сибири (рис. 1).

В настоящее время Новосибирский транспортный узел является местом концентрации и распределения грузов с территории радиусом 600–650 км (семь-восемь часов хода автомобильного транспорта). Таким образом, Новосибирск выступает опорной точкой для транспортно-логистической сети, обслуживающей около 11–13 млн чел. Данная оценка сделана Союзом транспортников, экспедиторов и логистов Сибири на основе анализа численности населения Новосибирской области и соседних регионов, а также развитости автомобильных дорог и существующих региональных и межрегиональных маршрутов перевозки грузов.

Одной из важных задач Новосибирского транспортно-логистического узла является обеспечение внешнеэкономических связей всех регионов Западной Сибири. Для выполнения этой задачи выстроены устойчивые маршруты по направлениям Новосибирск – дальневосточные порты России – далее Китай и страны АТР, Новосибирск – Владивосток – Китай, Новосибирск – Забайкальск – Китай, Новосибирск – Казахстан – Китай, Новосибирск – Казахстан – Узбекистан, Новосибирск – Москва, Новосибирск – Санкт-Петербург. По сухопутной части в этих направлениях курсируют скоростные контейнерные поезда, что позволяет существенно сократить время доставки грузов и значительно снизить совокупные транспортные издержки по сравнению с повагонной отправкой в составе обычного поезда. Так, перевозка контейнеров из Новосибирска во Владивосток в составе контейнерного поезда составляет восемь суток, а при повагонной перевозке в составе обычного поезда – 26–28 суток. В портах эти

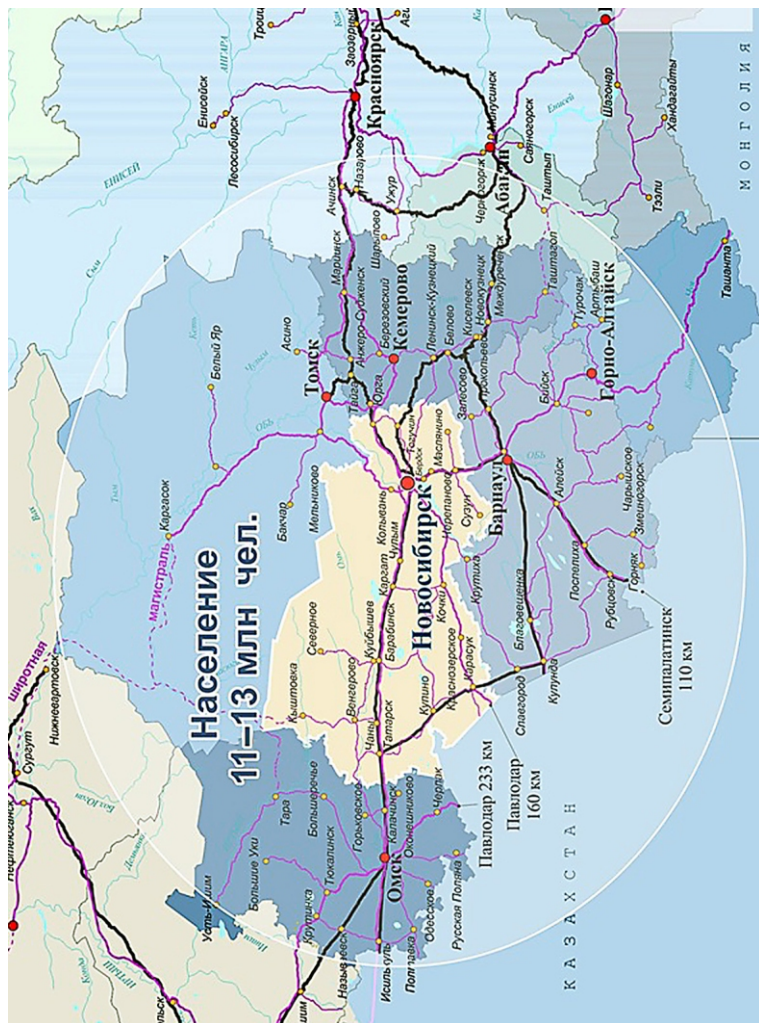

Рис. 1. Зона влияния Новосибирского транспортного узла

Источник: данные Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири

маршрутные контейнерные поезда состыкованы с контейнерными морскими линиями. В том числе есть примеры такой работы во Владивостокском морском порту.

В настоящее время идет формирование новых логистических цепочек, включая цепочки с выходом в страны Глобального Юга: Новосибирск – страны Центральной Азии – Иран – Индия. Для этого прорабатываются возможные маршруты доставки, варианты их сочленения, рассматриваются перспективные маршруты. Просчитываются пропускная способность, ценообразование, тарифы и экономическая эффективность таких маршрутов [1].

Серьезной проблемой для экономики России в целом и сибирских регионов в частности явилось введение санкций в отношении РФ недружественными странами. Решением этой проблемы стало усиление кооперационных связей регионов Западной Сибири с Китаем и странами Центральной Азии, что было названо «разворотом логистики на Восток» (рис. 2). А начиная с 2023 г. данный термин был расширен и сформулирован как «разворот логистики на Восток и Юг». Он обозначает связь с дружественными нам странами Юго-Восточной Азии, прежде всего с Китаем, а также налаживание новых логистических цепочек со странами Глобального Юга, в том числе с Индией, Ираном, ОАЭ и странами Африканского континента (рис. 3).

Важно отметить, что рост объемов перевозок характерен не только для регионов Центральной России и Урала, но и для сибирских регионов. Мы видим увеличение перевозок как в восточном, так и в южном направлении, активное включение регионов Сибири в транспортный коридор Север – Юг. За период с начала 2022 г. по начало 2024 г., по данным Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири, рост внешнеэкономической торговли Новосибирской области с Китаем составил 136%, с Турцией – 79%, с Кыргызстаном – 68%, с Индией – 29%.

Во внешней торговле крупнейшим партнером Новосибирской области является Китай, на него приходится 34% всего внешнеторгового оборота региона (по данным Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири). По факту этот процент еще выше, так

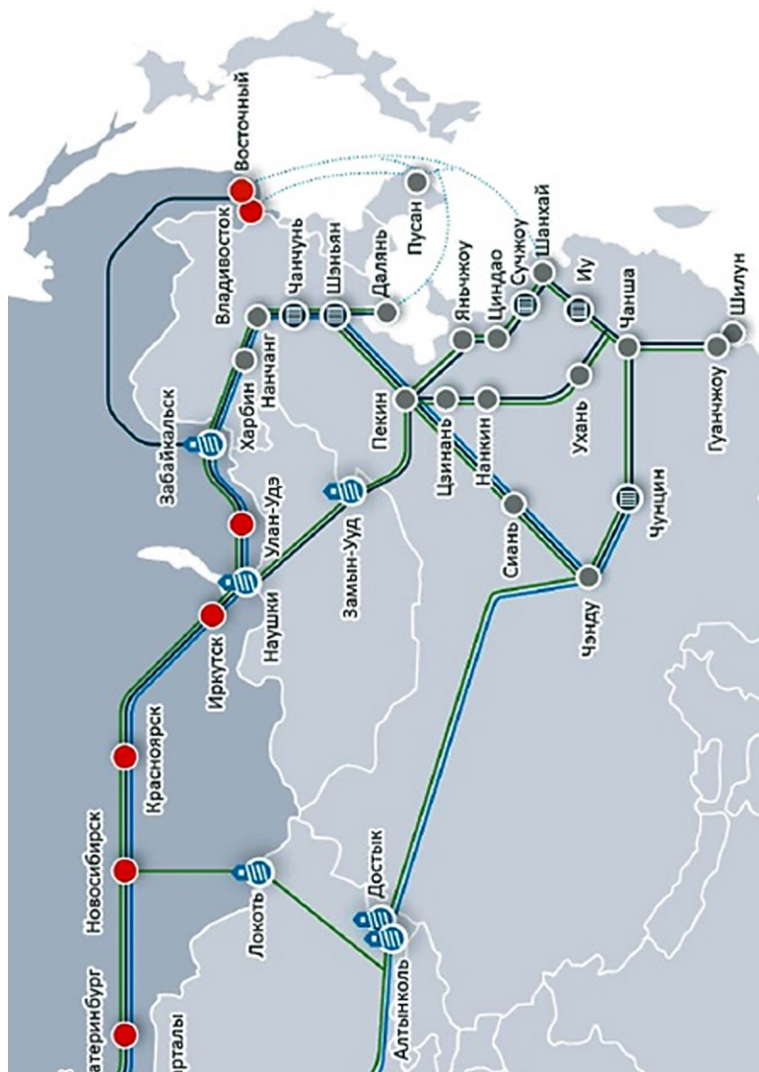

Рис. 2. Существующие маршруты по направлению регионы Сибири – Китай
Источник: данные Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири

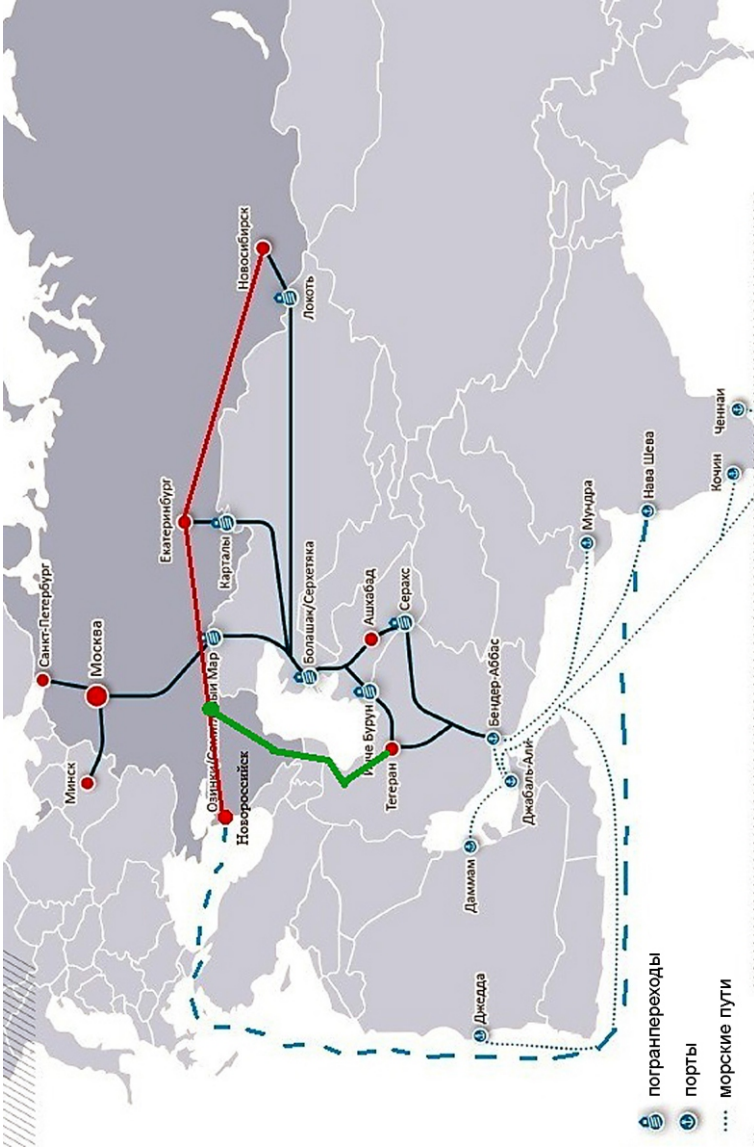

Рис. 3. Существующие и перспективные маршруты Новосибирск – Иран, Новосибирск – ОАЭ, Новосибирск – Индия

Источник: данные Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири

как достаточно большая часть товаров растаможивается на границе и идет по России как внутрироссийский груз и, соответственно, во внешнеторговом обороте Новосибирской области не фиксируется.

Транспортные связи, налаженные логистические цепочки очень важны для обеспечения внешнеторговых связей Новосибирской области с Китаем. Основу перевозок составляет перевозка железнодорожным транспортом (а если без учета угля, перевозка контейнерами по железной дороге). По данным Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири, на железнодорожный транспорт приходится 72% грузов от всего внешнеторгового оборота в этом направлении. Поэтому для Новосибирской области крайне важны развитие Транссиба и БАМа, модернизация данных магистралей и повышение пропускной способности Восточного полигона железных дорог [3].

Новосибирские транспортные компании все чаще стали выполнять функции 4PL-оператора. Они не просто перевозят груз, но также готовы оказать помощь в поиске груза в другой стране (и это не только Китай), в организации или проведении переговоров, в заключении договора. Можно сказать, что они организуют доставку товара «под ключ» от момента его поиска до предоставления клиенту на месте («до двери»). В рамках Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири такие услуги оказывает более 25 компаний, представляющих как крупный, так и средний бизнес.

Однако выполнять задачи обеспечения экспортных и импортных перевозок, взаимодействия с дружественными странами без должного развития транспортно-логистической инфраструктуры невозможно. Отсутствие необходимых логистических объектов будет приводить к разрыву кооперационных связей и логистических цепочек. Это связано с тем, что идет рост объемов спроса и предложения, и если один из контрагентов не может соответствовать потребностям другого, то, как правило, его заменяют целиком в сети кооперационных связей на того, кто может этим потребностям соответствовать.

В связи с этим необходимо выявить уровень развития складского хозяйства, контейнерных терминалов, определить, достаточно ли у нас имеющейся инфраструктуры или требуется дальнейшее наращивание мощностей.

РАЗВИТИЕ СКЛАДСКОГО ХОЗЯЙСТВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Большое значение как для перевозок, так и для складской логистики имеет торговля. Именно торговые и сбытовые организации оказывают существенное влияние на востребованность складов высоких классов: А и В. На таких складах располагаются крупные распределительные логистические центры как транспортных компаний, так и торговых, сбытовых и промышленных организаций [4].

На долю Новосибирской области приходится 81% от общего объема складов классов А и В регионов Западной Сибири. По состоянию на 1 ноября 2024 г. объем складов классов А и В в Новосибирском транспортно-логистическом узле (в разрезе крупных и средних складских комплексов) достиг 1,96 млн кв. м (рис. 4). За пять лет прирост объемов складов классов А и В составил 84,7%. (Здесь и далее приводятся данные, полученные на основе экспертной оценки Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири.)

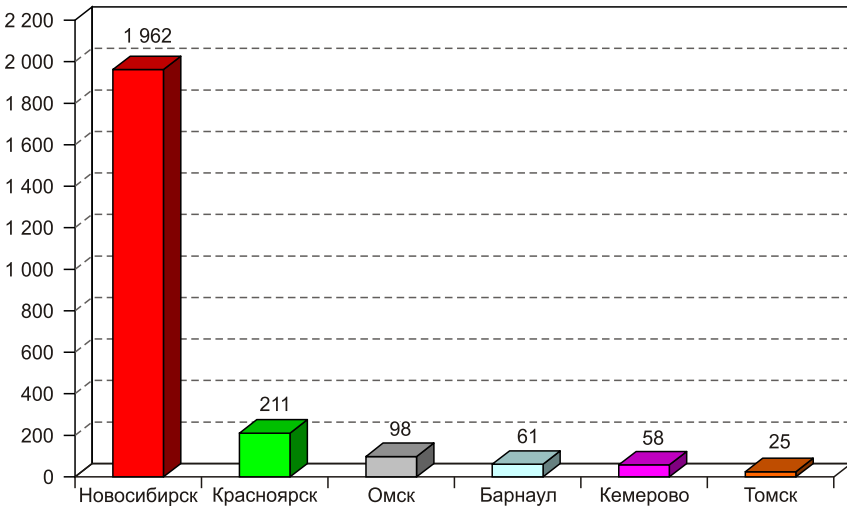

Рис. 4. Складские мощности регионов Сибири, тыс. кв. м

Источник: данные Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири

В настоящее время доля вакантных площадей на складах классов А и В составляет 2,4%. При этом существует норматив, по которому складам рекомендуется оставлять свободными около 10% площади для обеспечения комфортной работы при сортировке груза и в случаях непредвиденных поставок товаров для контрагентов.

Склады классов А и В в Новосибирском транспортно-логистическом узле весьма востребованы, отмечается их дефицит в 450–500 тыс. кв. м. Эти цифры отражают не только те объемы грузов, которые физически не удалось разместить на складах, но и те, которые размещены на складах более низких классов. Дело в том, что компании, не найдя подходящего склада классов А и В, вынуждены размещать свои товары на складах классов С и D, но при этом их запрос на склады более высоких классов сохраняется.

В то же время активно идет процесс создания складов классов А и В, в нем участвуют как региональные, так и крупные федеральные операторы. Можно ожидать, что в ближайшие два-три года дефицит качественных складов удастся существенно сократить.

Склады классов А и В в значительной степени востребованы торговыми и сбытовыми компаниями, работающими с импортными грузами, в том числе с грузами из Китая.

Проблемой является то, что размещение складских комплексов на территории Новосибирского узла неравномерное. Основные складские мощности располагаются на левом берегу Оби – 79% всех площадей узла. На правом берегу находятся остальные 21%. Такое расположение влечет за собой и соответствующее распределение количества грузового автотранспорта, но с небольшим различием в долях: 64% на левом берегу и 36% – на правом.

Соответственно размещению складских площадей образовался перевес в сторону Западной транспортно-логистической зоны. Структура размещения складских площадей в этой зоне такова: западное направление (Промышленно-логистический парк Новосибирской области, интермодальный комплекс аэропорта Толмачево, «Медион-Толмачево», складской комплекс компании СТС и др.) с плавным переходом на юго-западное (логопарк «Обь», «Машкомплект», «Хладокмбинат», Сибирский грузовой терминал, «Би лоджистик» и др.).

Важной задачей является развитие складских комплексов в правобережной части г. Новосибирска, в Восточной и Южной транспортно-логистических зонах, что решит вопрос разгрузки улично-дорожной сети города. Как только что отмечено, складские комплексы в значительной своей части расположены на левом берегу Оби, тогда как потребление сконцентрировано на правом. Идет перемещение грузов с берега на берег через мосты, на которых и так образуются дорожные пробки. Нерациональное расположение складских комплексов пробки на мостах только усиливает и в целом усугубляет негативную обстановку на улично-дорожной сети.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНТЕЙНЕРНЫХ ПЕРЕВОЗОК ЧЕРЕЗ НОВОСИБИРСКИЙ УЗЕЛ

Для выстраивания новых логистических цепочек, поддержания существующих внешнеэкономических связей необходимо развивать контейнерные перевозки. Они имеют важное значение в работе Новосибирского транспортного узла.

Контейнерные перевозки – один из наиболее важных видов перевозок, унифицированных с различными видами транспорта. Значительная часть высокотехнологичной продукции перевозится именно в контейнерах. Кроме того, если не брать в расчет топливные и угольные грузы, то около 72% экспортных и импортных грузов в России перевозится именно в контейнерах (официальные данные Федеральной таможенной службы России по состоянию на начало 2022 г., в ценовом выражении).

За 2023 г. объем перевалки контейнеров в Новосибирском транспортно-логистическом узле увеличился по сравнению с 2022 г. на 43,2% (по данным Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири). Это увеличение обусловлено как развитием контейнерных перевозок в связи с ростом контейнеризации грузов, так и разрешением со стороны РЖД осуществлять перевозку импортных грузов, прежде всего из Китая, в полувагонах. В результате рост объемов переработки объясняется тем, что налажена следующая схема: контейнеры в полувагонах прибывают в Новосибирский транспортный

узел, перегружаются на фитинговые платформы и отправляются в европейскую часть России, а полувагоны отправляются в Кузбасс для последующей загрузки углем.

Таким образом, Новосибирская область не только концентрирует контейнерные перевозки для своей экономики и потребностей соседних регионов, но также является крупным перевалочным узлом для контейнерного потока, следующего из Китая и восточных регионов страны в регионы Центральной России и Урала. За 10 месяцев 2024 г. объем переработки крупнотоннажных контейнеров в Новосибирском транспортно-логистическом узле увеличился на 15,2%.

Новосибирская область показывает высокий рост контейнеризации грузов. В 2018 г. доля контейнерных грузов в общем объеме перевозок в Новосибирской области составляла 4,2%, в 2023 г. она выросла до 9,7%. Процент контейнеризации грузов в Новосибирской области выше, чем в целом по России. Центр фирменного транспортного обслуживания ОАО «РЖД» оценивал уровень контейнеризации грузов в России в 6%.

По итогам 2024 г. предполагается, что Новосибирская область повысит данный показатель до 10,5%. Для этого требуется не только развитие транспортно-логистической инфраструктуры, но и решение задачи контейнеризации грузов промышленными, торговыми и бытовыми организациями. Эти организации должны более активно перевозить грузы не навалом, а именно в контейнерах. В качестве примера можно привести перевозку зерна в контейнерах: шесть-семь лет назад его перевозили в основном навалом в вагонах-хопрах, а в настоящее время разработаны новые технологии (в том числе использование лайнер-бэгов – вставок в контейнер), которые позволили существенно повысить объем перевозки зерновых грузов в контейнерах.

Однако существенное увеличение объема перевозок контейнеров может вызвать проблему перегрузки контейнерных терминалов, возникновения на них пробок. Развитие инфраструктуры должно как минимум соответствовать росту объема перевозки контейнеров, а лучше несколько опережать его.

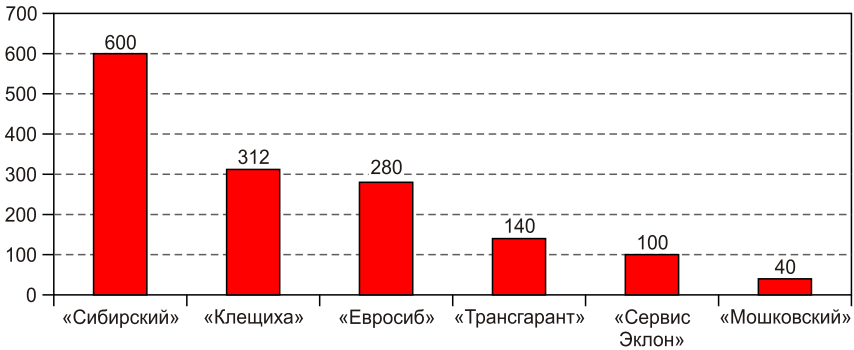

Рис. 5. Планируемые мощности терминалов Новосибирского транспортного узла к концу 2025 г., тыс. TEU переработки в год

Источник: данные Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири

Наиболее значимыми инфраструктурными объектами в Новосибирском транспортном узле для организации контейнерных перевозок, в том числе по направлению на Китай и страны Центральной Азии, являются несколько терминалов (рис. 5).

Терминально-логистический центр «Евросиб-Терминал-Новосибирск» был построен и введен в эксплуатацию в 2008 г. После этого в разные годы проводились мероприятия по увеличению пропускной мощности контейнерного терминала, по его модернизации и внедрению современных логистических технологий.

Общая территория терминально-логистического центра составляет 31 га, из них площадь складских корпусов – более 30 тыс. кв. м, контейнерная площадка – 8,2 га при емкости 4,5 тыс. TEU (двадцатифунтовый эквивалент, стандартные 6-метровые контейнеры). Имеется возможность работы с рефрижераторными контейнерами. На территории терминала находятся таможенный пост и склад временного хранения.

Железнодорожная инфраструктура терминала насчитывает 11 железнодорожных путей емкостью 361 условный вагон и протяженностью 7,3 км. На терминале имеются собственный парк погрузочно-разгрузочной техники и собственная ремонтная база для техники и контейнеров. Автоматизированная система управления контейнер-

ным комплексом позволяет эффективно принимать и обрабатывать до трех контейнерных поездов в сутки.

Расположение терминала вблизи федеральной трассы, Северного объезда и Восточного обхода, но в 10 км от центра города, а также примыкание к железнодорожной станции Иня-Восточная делают терминал удобным и эффективным транспортным узлом.

В 2021 г. был завершен первый этап модернизации контейнерного терминала «Евросиб» и железнодорожных путей на нем. Была увеличена емкость контейнерной площадки и проведено развитие путей и фронтов погрузки-выгрузки. Это позволило увеличить максимальную мощность переработки контейнеров с 100 до 200 тыс. TEU в год. В настоящее время на терминале возможна перевалка до трех пар контейнерных поездов в сутки.

В 2023 г. объем переработки контейнеров в ТЛЦ «Евросиб-Терминал-Новосибирск» составил 132 тыс. TEU. На терминале продолжают работы по его развитию.

Размер инвестиций в проект по развитию контейнерного терминала «Евросиб» в 2024 г. составил более 600 млн руб. На завершающей стадии строительства находится универсальная контейнерная площадка с новым административным зданием и парковкой. Она занимает территорию в 49 тыс. кв. м и позволит увеличить емкость терминала до 10 тыс. TEU, а также нарастить его перерабатывающую способность до 200 тыс. TEU в год. К 2026 г. планируется увеличить перерабатывающую способность площадки до 280 тыс. TEU в год.

Контейнерный терминал группы компаний FESCO расположен в черте города вблизи железнодорожной станции Новосибирск-Восточный. Он является частью транспортного комплекса общей площадью 15 га, включающего три железнодорожных пути с возможностью обработки контейнерных поездов до 71 условного вагона. В распоряжении терминала имеется развитое путевое хозяйство. Емкость единовременного хранения терминала составляет 1 300 TEU, пропускная способность – 120 тыс. TEU в год.

В 2019 г. в эксплуатацию введены новые площадки, которые позволили увеличить зону хранения контейнеров на 600–700 TEU – до 2 тыс. TEU. Модернизация терминала обеспечила возможность

принимать целый поезд из 40 вагонов, что сократит время обработки поездов. Также планируется обновление погрузочно-разгрузочной техники.

Модернизация позволила в два раза сократить время обработки контейнеров – до восьми минут, поездов – до 1,5 суток вместо двух-трех дней. Все регулярные железнодорожные сервисы на терминале в Новосибирске транспортная группа FESCO выполняет с использованием собственных активов: контейнер – платформа – терминал.

В 2024 г. основная работа проводилась в сфере модернизации технологии формирования контейнерных поездов.

Контейнерный терминал «Клещиха» – один из крупнейших в Российской Федерации, по объему перерабатываемых контейнеров он занимает четвертое место по сети железных дорог России и первое – в Западной Сибири. Терминал является одним из ключевых элементов Новосибирского транспортно-логистического узла. Он обслуживает грузопотоки не только Новосибирской области, но и соседних регионов: Омской, Томской, Кемеровской областей, Алтайского края и др. Контейнерный терминал «Клещиха» играет большую роль не только в работе транспортной отрасли, но и в целом в экономике региона. В 2023 г. на его долю приходилось 52% всего объема контейнеров, переработанных в Новосибирском транспортном узле.

В конце 2013 г. в комплексе «Клещиха» был открыт новый терминал, который располагается на территории 4,5 га и включает в себя контейнерную площадку по переработке крупнотоннажных контейнеров, гараж для автомобилей-погрузчиков и гараж для автотранспорта.

Вдвое увеличилась вместимость грузовых фронтов – с 42 до 83 условных вагонов, и, соответственно, пропорционально возросла их перерабатывающая способность. Вновь вводимые площади терминала позволили увеличить емкость складского хранения контейнеров в 2,7 раза.

В 2019 г. введена в действие информационная система «Интеллектуальный контейнерный терминал». Она позволила автоматизировать процессы при работе с вагонами на грузовых фронтах и с автотранспортом на пропускных пунктах, отслеживать расположение

контейнеров на площадках в режиме онлайн, развивать систему планирования погрузочно-разгрузочных операций на основе мониторинга подхода подвижного состава, дислокации транспортных средств и грузоподъемной техники.

Компания «Трансконтейнер» намерена до середины 2025 г. вложить 1,3 млрд руб. в увеличение мощностей контейнерного терминала «Клещиха». В результате реализации проекта перерабатывающая мощность терминала вырастет почти на 40% – до 400 тыс. TEU в год. Вместимость терминала увеличится с 3,9 до 6,0 тыс. TEU.

Транспортно-логистический центр «Сибирский» (ООО «Новосибирский транспортный терминал»). Проект предусматривает строительство крупнейшего в Сибири контейнерного терминала. В 2023 г. введена первая очередь с пропускной способностью 300 тыс. TEU в год. В 2024 г. – вторая очередь. Суммарная пропускная способность возросла до 600 тыс. TEU в год. К 2026 г. планируется ввести в эксплуатацию третью очередь и довести суммарную пропускную способность до 1 млн TEU в год.

Как отмечалось выше, для решения вопроса разгрузки улично-дорожной сети г. Новосибирска, сокращения транспортно-логистических издержек крайне важно развитие логистической инфраструктуры в правобережной части города. Основные объекты на правом берегу сконцентрированы преимущественно в Восточной транспортно-логистической зоне. Здесь расположены следующие объекты: контейнерный терминал «Евросиб-Новосибирск», промышленно-логистический парк «Восточный», контейнерный терминал группы компаний FESCO, промышленно-логистический парк «Мошковский», терминально-складской рефрижераторный комплекс «КРЭС», терминально-складской комплекс компании «Магнит», терминально-складской комплекс компании «Рембыттехника», терминально-складской комплекс компании «ЭТМ», терминально-складской комплекс компании «А-Сервис».

Промышленно-логистический парк «Мошковский» расположен в р.п. Мошково в 100 м от федеральной трассы Р-255 «Сибирь» Новосибирск – Иркутск. Имеется железнодорожная ветка с примыканием к ст. Мошково.

В настоящее время компания провела реновацию завода, восстановлены производственный комплекс, инженерные коммуникации, приобретено оборудование (распиловочные станки, сушильные камеры). Начаты отправки контейнеров с пиломатериалом, в том числе в Китай.

В 2023 г. начата реализация проекта развития железнодорожной и контейнерной инфраструктуры промышленно-логистического парка «Мошковский». В парке планируется осуществлять полный логистический цикл глубокой переработки древесины: доставка сырья – переработка древесины – погрузка в контейнеры – формирование контейнерного поезда. В настоящее время реализованы первые три фазы, а контейнерный поезд формируется на терминалах «Евросиб» или «Клещиха» (в зависимости от загруженности терминала).

В ноябре 2024 г. контейнерный терминал промышленно-логистического парка «Мошковский» введен в эксплуатацию.

Проект промышленно-логистического парка «Восточный» (ВПП) в октябре 2016 г. был признан масштабным инвестиционным проектом Новосибирской области, а в ноябре 2017 г. для его реализации созданному на территории области АО «УК «ВПП» был предоставлен без торгов (в соответствии с действующим законодательством) необходимый земельный участок в Восточной транспортно-логистической зоне. Уникальность данного проекта состоит в том, что он изначально инициировался частными компаниями, которые, являясь в определенной мере конкурентами, договорились о реализации своих проектов на одной территории, что позволяет сократить издержки за счет создания общей инженерной и транспортной инфраструктуры.

Резиденты ВПП ведут строительство своих объектов в парке. За 2019–2024 гг. сооружена технологическая дорога к парку, которая обеспечила выход на федеральную трассу Р254 «Иртыш» Омск – Новосибирск и Р255 «Сибирь» Новосибирск – Иркутск на участке Северного обхода Новосибирска, построена большая часть внутренних дорог ВПП, обеспечивающих подход к участкам, на которых резидентами реализуются собственные проекты.

Три компании – акционера ВПП реализуют совместный проект по созданию и эксплуатации контейнерной площадки для хранения крупнотоннажных контейнеров. Непосредственно руководством проекта занимается созданное ООО «Терминал «Восточный».

Суть работы контейнерной площадки – это отстой и хранение порожних контейнеров. При этом работа будет осуществляться во взаимодействии с контейнерными терминалами компании «Евросиб-Новосибирск» и группы компаний FESCO. Развитие терминала «Восточный» позволит в том числе освободить от работы с порожними контейнерами терминалы указанных компаний, что даст им возможность увеличить мощности по работе с груженными контейнерами. Порожние контейнеры как раз и будут аккумулироваться в ВПП. Услуга по хранению порожних контейнеров, а также по их загрузке в Новосибирском узле очень востребована.

В декабре 2021 г. реализован первый этап проекта «Терминал «Восточный»». Введены в эксплуатацию административно-бытовой корпус и контейнерная площадка. Площадка занимает 4,2 га и позволяет обрабатывать 28 тыс. TEU в год. В 2025 г. предусматривается создание дополнительных мощностей, что позволит увеличить размер площадки до 6,5 га и обрабатывать 40,5 тыс. TEU в год.

В 2019–2024 гг. помимо акционеров статус резидента парка получили еще четыре компании. Одним из этих резидентов является ООО «Максима Логистик» – одна из крупнейших транспортных компаний России. Для реализации проекта на территории Новосибирской области «Максима Логистик» создало компанию «Терминал Восточные Ворота». Проект предусматривает сооружение контейнерного терминала мощностью единовременного хранения 5 тыс. TEU. На первом этапе планируется обработка 14 пар контейнерных поездов в месяц, на втором – 18 пар. Инвестиции первого этапа составят 2,5 млрд руб., будет создано 116 рабочих мест. В 2025 г. ООО «Терминал Восточные Ворота» планирует ввести в эксплуатацию первую очередь контейнерного терминала.

В результате проводимых мероприятий по развитию контейнерных терминалов к концу 2025 г. их пропускная способность составит 1 472 тыс. TEU в год. Это будет соответствовать существующим

темпам роста контейнерного потока и контейнеризации грузов, о котором мы говорили выше.

Наличие достаточно большого числа контейнерных терминалов способствует отсутствию монополизма, имевшему место ранее (15 лет назад), когда в Новосибирском транспортном узле был только терминал «Клещиха», и усилению конкуренции между терминалами. Это обеспечивает снижение тарифов для транспортных и экспедиторских компаний, пользующихся услугами контейнерных терминалов.

Контейнерные терминалы «ТЛЦ «Сибирский», «Евросиб», «Промышленно-логистический парк «Восточный» правительством Новосибирской области признаны масштабными инвестиционными проектами области. Этим проектам оказывается государственная поддержка, включая выделение земельных участков без торгов.

Надо отметить, что в организации контейнерных перевозок сейчас практически отсутствует конкуренция между Новосибирским транспортным узлом и транспортным сектором соседних регионов: Омской, Томской, Кемеровской областей и Алтайского края. На Новосибирск приходится более 82% переработки контейнеров для отправки (получения) по магистральным сообщениям (по данным ОАО «РЖД»). Более того, многие контейнерные отправки и получения контейнеров для соседних регионов Западной Сибири идут через контейнерные терминалы Новосибирского транспортного узла. Контейнеры из соседних субъектов Федерации автомобильным транспортом доставляются в Новосибирский транспортный узел, а затем перегружаются на железнодорожный транспорт для отправки в магистральном направлении. Аналогичная ситуация с получением: сначала контейнеры железнодорожным транспортом по магистральным направлениям прибывают в Новосибирск, а затем доставляются в соседние регионы автомобильным транспортом.

Этот процесс обусловлен наличием значительного числа контейнерных терминалов в Новосибирском транспортном узле и выстроенной системой отправки с них ускоренных контейнерных поездов. При этом перевозка в составе такого поезда не только ускоряет доставку более чем в 3,5 раза, но и по условиям тарификации ОАО «РЖД» на такие поезда предоставляется скидка в размере 15%.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ В ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

Совершенствование транспортно-логистической инфраструктуры Новосибирского узла позволит поддержать существующий темп развития внешнеэкономических связей с Китаем, странами Центральной Азии и Глобального Юга. Стоит отметить, что за время с начала специальной военной операции объем внешней торговли с этими странами вырос более чем вдвое.

Однако во взаимодействии с указанными странами возникает и ряд барьеров. Например, Казахстан запретил ввоз на свою территорию российских зерна и зернопродуктов. Транзит через Казахстан при этом разрешен, но на транзит ряда товаров, в том числе значительной части зерновых и продуктов перемола, действуют заградительные железнодорожные тарифы, которые выше внутриказахстанских и внутрироссийских более чем в четыре раза (данные проанализированы Союзом транспортников, экспедиторов и логистов Сибири на основе тарифов ОАО «РЖД» и АО «Казахстан темир жолы»).

Еще одной проблемой стало то, что в мае 2024 г. возникли трудности с обеспечением платежей в Китай. Даже платежи в юанях не принимают из-за опасения санкций со стороны западных стран.

Но надо отметить, что несмотря на возникающие проблемы, внешнеэкономические и транспортные взаимодействия между странами неуклонно растут. Одновременно идет поиск путей решения проблемных вопросов [5]. В частности, вопрос об унификации железнодорожных тарифов при перевозке зерна планируется рассмотреть на Межправительственной комиссии РФ и Республики Казахстан в 2025 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрена ситуация, касающаяся изменения транспортных связей регионов Сибири, и прежде всего Новосибирского узла, с внешнеэкономическими партнерами. Отмечены новые подходы к созданию логистических цепочек со странами – существующими и перспективными торговыми партнерами, в том числе в рамках процесса «разворота логистики на Восток и Юг».

Для понимания перспектив обеспечения внешнеэкономических перевозок приведены результаты анализа объемов переработки контейнеров в Новосибирском транспортно-логистическом узле. Этот анализ очень важен, так как более 70% экспортных и импортных грузов перевозятся именно в контейнерах. Дана оценка состояния инфраструктуры контейнерных перевозок. Представлены перспективные проекты по развитию контейнерных терминалов и складских комплексов, которые позволят к концу 2025 г. вдвое увеличить пропускную способность по сравнению с началом 2024 г.

Следует отметить, что имеющиеся в настоящее время планы по развитию транспортно-логистической инфраструктуры Новосибирского узла отвечают темпам увеличения объемов перевозок между регионами Западной Сибири и Китаем, а также странами Центральной Азии. Данная инфраструктура не только не является препятствием для роста экспортных и импортных грузопотоков, но и сама по себе привлекает в регион дополнительные объемы товаров.

Список источников

1. Кибалов Е.Б., Пятаев М.В. Инструментарий оценки крупномасштабных транспортных проектов в ситуации радикальной неопределенности // Регионалистика. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 48–58.
2. Ламин В.А. Версты в будущее. Предыстория Транссиба // Наука из первых рук. – 2006. – № 6 (12). – С. 84–91.
3. Малов В.Ю. Транспортная сеть азиатской части России: некоторые уроки истории и современность // ЭКО. – 2022. – № 7 (577). – С. 99–113.
4. Милякин С.Р., Скубачевская Н.Д. Развитие транспортной системы в Новосибирске до 2045 г.: анализ и сценарный прогноз // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 3 (198). – С. 120–133.
5. Тарасова О.В. Пространственная диалектика государственно-частного партнерства в России // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 2 (185). – С. 130–141.

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич (Россия, Новосибирск) – кандидат философских наук, президент Союза транспортников, экспедитор

ров и логистов Сибири (630099, Новосибирск, ул. Ядринцевская, 53/1, оф. 1003). E-mail: maksimov5@rambler.ru.

DOI: 10.15372/REG20250107

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 171–194

S.A. Maksimov

TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE OF THE NOVOSIBIRSK HUB AS A BASIS FOR INTERACTION WITH CHINA AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES

The article provides an expert opinion on the development of transport infrastructure in Western Siberia, which expands and strengthens foreign economic relations with China and Central Asian countries. It presents current data on freight volumes and the development of the transport and logistics infrastructure of the Novosibirsk transport hub. The figures cited are based on an analysis of transport operations in Novosibirsk Oblast conducted by the Union of Transport, Forwarder and Logistic Companies of Siberia at the request of the Government of Novosibirsk Oblast.

The analysis of existing freight transportation schemes reveals that the infrastructure of the Novosibirsk transport and logistics hub serves not only the economic needs of Novosibirsk Oblast itself but also those of neighboring areas in Western Siberia, including Omsk, Tomsk, and Kemerovo Oblasts, Altai Krai, parts of Krasnoyarsk Krai, and some adjacent districts in Kazakhstan. Established routes include connections from Novosibirsk to Russia's Far Eastern ports and further to China and Asia-Pacific countries, as well as Novosibirsk–Vladivostok–China, Novosibirsk–Zabaykalsk–China, and Novosibirsk–Kazakhstan–China. New logistics chains are also emerging, extending to countries in the Global South, such as Novosibirsk–Central Asian countries–Iran–India. The continued expansion of these transport links largely depends on the development level of the transport and logistics infrastructure at the Novosibirsk hub.

Keywords: transport and logistics infrastructure; container terminals; international transportation; Novosibirsk transport and logistics hub; transportation to China; transportation to Central Asian countries

For citation: *Maksimov, S.A. (2025). Transportno-logisticheskaya infrastruktura Novosibirskogo uzla kak osnova vzaimodeystviya s Kitaem i stranami Tsentralnoy Azii [Transport and logistics infrastructure of the Novosibirsk hub as a basis for interaction with China and Central Asian countries]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 171–194. DOI: 10.15372/REG20250107.*

References

1. *Kibalov, E.B. & M.V. Pyataev. (2022). Instrumentariy otsenki krupnomasshtabnykh transportnykh proektov v situatsii radikalnoy neopredelennosti [Tools for estimating large-scale transport projects in a situation of radical uncertainty]. Regionalistika [Regionalistics], Vol. 9, No. 1, 48–58.*
2. *Lamin, V.A. (2006). Versty v budushchee: Predystoriya Transsiba [Miles to the Future: The Prehistory of the Trans-Siberian Railway]. Nauka iz pervykh ruk [Science First Hand], 6 (12), 84–91.*
3. *Malov, V.Yu. (2022). Transportnaya set aziatskoy chasti Rossii: nekotorye uroki istorii i sovremennost [The transport network of the Asian part of Russia: Some lessons from history and the present day]. EKO [ECO], 7 (577), 99–113.*
4. *Milyakin, S.R. & N.D. Skubanevskaya. (2023). Razvitie transportnoy sistemy v Novosibirske do 2045 g.: analiz i stsennyy prognos [Development of the Novosibirsk transport system until 2045: Analysis and scenario forecast]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 3 (198), 120–133.*
5. *Tarasova, O.V. (2021). Prostranstvennaya dialektika gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii [Spatial dialectics of public-private partnership in Russia]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 2 (185), 130–141.*

About Author

Maksimov, Sergey Anatolyevich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Philosophy), President of the Union of Transport, Forwarder and Logistic Companies of Siberia (of. 1003, 53/1, Yadrinsevskaya St., Novosibirsk, 630099, Russia). E-mail: maksimov5@rambler.ru.

Поступила в редколлегию 30.10.2024.

После доработки 17.12.2024.

Принята к публикации 20.12.2024.

УДК 338.48-6:502/504

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 195–223

С.И. Мишулина

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ЦИРКУЛЯРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТУРИЗМА В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Необходимость смены парадигмы развития обусловила формирование концепции экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ) и поиск практических путей перехода отраслей и сфер деятельности на новую модель. Несмотря на отмечаемую многими авторами ограниченность исследований применимости концепции ЭЗЦ в сфере туризма, растет понимание неизбежности циркулярного перехода и ширятся практики применения принципов ЭЗЦ субъектами туристского сектора экономики. Вместе с тем существует целый ряд серьезных как общих, так и характерных для сферы туризма организационных, экономических и институциональных ограничений, препятствующих формированию и развитию ЭЗЦ. Результаты исследований триггеров и барьеров позволяют назвать в качестве основных препятствий несформированность институциональных условий циркулярной трансформации туризма, в частности невключение целей перехода в стратегии и планы развития туризма и туристских дестинаций, а также неразвитость инфраструктуры, обеспечивающей функционирование ЭЗЦ.

В данном исследовании предпринята попытка оценить уровень сформированности этих условий в туристском секторе экономики РФ. Цель исследования – определить, в какой степени в официальных документах стратегического планирования различных уровней управления отражены цели и задачи экологически ориентированной модернизации инфраструктуры и формирования инфраструктуры ЭЗЦ в туризме. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что на федеральном

уровне ставятся цели и задачи по формированию ЭЗЦ и отдельных компонентов инфраструктуры ЭЗЦ, предпринимаются меры по обеспечению необходимых институциональных и организационных условий, хотя глубокое понимание концепции ЭЗЦ и осознание необходимости системного подхода к созданию инфраструктуры ЭЗЦ отсутствуют. На региональном и муниципальном уровнях такие цели не ставятся даже на долгосрочную перспективу, что является серьезным барьером для реализации федеральных инициатив, требует содержательного согласования целей и стратегий, обеспечивающих их достижение.

Ключевые слова: устойчивое развитие; туризм; экономика замкнутого цикла; инфраструктура экономики замкнутого цикла; стратегическое планирование

Для цитирования: Мишулина С.И. Отражение целей и задач циркулярной трансформации инфраструктуры туризма в документах стратегического планирования // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 195–223. DOI: 10.15372/REG20250108.

ВВЕДЕНИЕ

Рост населения и его потребления ведет к беспрецедентному увеличению объемов изымаемых из окружающей природной среды (ОПС) ресурсов: с 89,9 Гт в 2016 г. эти объемы выросли до 101,4 Гт в 2021 г. При сохранении линейной экономической модели к 2050 г. прогнозируется увеличение объемов потребления ресурсов до 170–184 Гт в год¹. Рост объемов производства, добычи и переработки ресурсов, по мнению экспертов, является причиной утраты 90% биоразнообразия и источником 50% выбросов парниковых газов². Изъятие ресурсов сопровождается их замещением поступающими в ОПС

¹ См.: *The circularity gap report*. 2023. – URL: www.circularity-gap-world (дата обращения: 11.09.2023).

² См.: *Экономика замкнутого цикла: Обзор международных подходов* / Департамент многостороннего экономического сотрудничества Министерства экономического развития РФ. – 2021. – URL: www.economy.gov.ru2204.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

отходами производства и потребления: 35% производимой продукции характеризуется коротким сроком службы, треть продуктов питания попадает на мусорные полигоны, стоимость пригодной для использования, но выброшенной одежды составляет 460 млрд долл. США в год, менее 10% (8,6% в 2020 г. и 7,2% в 2023 г.)³ материалов возвращается в хозяйственный оборот.

Активное участие в этих процессах принимает восстанавливающаяся быстрыми темпами после пандемии COVID индустрия туризма⁴, конкурирующая в использовании природных ресурсов с другими отраслями экономики. Потребление земли сферой туризма оценивается в 11,7 кв. м на туриста. Одно спальное место может занимать от 25 до 4 580 кв. м земли [15]. При среднесуточном потреблении воды резидентами в объеме 241 л средний турист потребляет в сутки от 300 до 800 л чистой питьевой воды⁵. Потери еды в индустрии гостеприимства ежегодно составляют около 100 млн долл. США [7]. Средний углеродный след туриста, например, в Барселоне составляет 111,6 кг CO₂-экв. в день, что намного выше, чем для жителя Барселоны – 5,8 кг CO₂-экв. [13]. Согласно прогнозам ЮНЕП/ВТО, к 2050 г. при сохранении существующей модели развития ожидается рост потребления энергии в туризме на 154%, воды – на 152%, увеличение объемов выбросов парниковых газов на 131% и утилизации твердых бытовых отходов – на 251% [20].

³ См.: *The circularity gap report*. 2020. – URL: <https://shiftingparadigms.nl/wp-content/uploads/2020/01/202001014-CGR-Global-report-web-spread-210x297-compressed.pdf>; *The circularity gap report*. 2023. – URL: <https://www.circularity-gap.world/2023> (дата обращения: 11.09.2023).

⁴ В 2023 г. число международных прибытий составило 1285,66 млн, достигнув почти 90% от допандемийного уровня. См.: *Global and regional tourism performance*. – URL: <https://www.unwto.org/tourism-data/global-and-regional-tourism-performance>.

⁵ См.: *Tourism in the Green Economy – Background Report*. – Madrid, Spain: United Nations Environment Programme; World Tourism Organization, 2012. – P. 12–13.

Учитывая место индустрии туризма в мировой экономике и в экономиках многих стран⁶, а также ее мультипликативность, исследователи и международные организации рассматривают переход индустрии туризма на модель экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ) не только как инструмент достижения целей устойчивого развития (ЦУР ООН), но и как возможность превратить туризм в сектор, выполняющий роль триггера в процессах циркулярной трансформации отраслей экономики, связанных цепочками создания комплексного туристского продукта, что определяет актуальность исследований проблем формирования и развития ЭЗЦ в туризме.

Практические попытки трансформации линейной экономической системы через внедрение в производственные процессы принципов циркулярной экономики и переход к циркулярным бизнес-моделям на уровне предприятий сталкиваются с целым рядом институциональных, организационных и экономических ограничений. Классификация барьеров циркулярной трансформации с целью весовой оценки их значимости, предпринятая К. Ватансевером с коллегами, позволила этим авторам выявить 34 барьера перехода туризма на модель ЭЗЦ и идентифицировать 10 важнейших барьеров, создающих препятствия в цепочках поставок [22]. Самый высокий вес оказался у барьера «развитие организационной структуры/инфраструктуры», что подтверждает гипотезу о решающем значении инфраструктуры в переходе к ЭЗЦ и говорит о необходимости ее циркулярной трансформации и актуальности соответствующих исследований.

Значимость проблем модернизации инфраструктуры определяется не только ее ролью в переходе на модель ЭЗЦ, но и тем, что она в своем современном состоянии является одним из крупнейших потребителей сырья и материалов и оказывает масштабные негативные

⁶ Предварительные оценки Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) с участием экспертов компании Oxford Economics за 2023 г. прогнозируют обеспечение туризмом 11,6% глобального ВВП и 11,8% рабочих мест. В Российской Федерации доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в ВВП страны (в основных текущих ценах) в 2022 г. составила 2,6% (в 2019 г. – 2,8%), доля занятых в отрасли – 3,4% (в 2019 г. – 3,6%). См.: *Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма – 2023.* – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2023.pdf.

воздействия на ОПС. По оценкам экспертов международных организаций, современная инфраструктура ответственна за 79% выбросов глобальных парниковых газов и 60% потребляемого в мире объема ресурсов⁷.

Анализ широкой совокупности барьеров с целью выявления системных барьеров формирования циркулярной инфраструктуры ЭЗЦ позволил некоторым авторам сделать вывод, что формирование циркулярной инфраструктуры – проблема скорее организационная, нежели инновационная [11; 17]. Ее решение лежит в смещении акцентов в научных исследованиях, политике и управлении с поиска технических решений к созданию необходимых политических, организационных и институциональных условий для разработки, распространения и внедрения инноваций, обеспечивающих циркулярность инфраструктуры.

К важнейшему институциональному условию формирования ЭЗЦ и ее инфраструктуры исследователи относят зрелое понимание того, что такое экономика замкнутого цикла, циркулярная инфраструктура и инфраструктура ЭЗЦ, трансформирующееся в убежденность как у политиков, так и у практиков всех уровней управления в необходимости и реализуемости концепции ЭЗЦ [11]. Практическим воплощением этой убежденности является включение целей циркулярной трансформации в стратегии и планы развития отраслей и территорий.

Цель настоящего исследования – выявление уровня сформированности понимания сущности ЭЗЦ и роли инфраструктуры в ее становлении через анализ отражения в официальных документах стратегического планирования различных уровней управления целей и задач формирования инфраструктуры циркулярной экономики туризма в РФ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

При существенном росте в последние годы количества исследований проблем формирования ЭЗЦ работ, посвященных вопросам циркулярной трансформации индустрии туризма, явно недостаточно

⁷ См.: *Infrastructure and the Circular Economy*. – URL: <https://www.gihub.org/infrastructure-and-the-circular-economy/> (дата обращения: 11.09.2023).

[21]. Анализ баз данных Web of Science и Scopus выявил 29 статей по данной теме, опубликованных за период 2010–2021 гг. [19], и крайне ограниченное число работ, в которых рассматриваются циркулярная инфраструктура туризма и ее роль в циркулярном переходе. За последние три года появилось несколько работ зарубежных авторов, посвященных выявлению барьеров циркулярной трансформации туризма, их классификации и систематизации, включающих как теорию вопроса, так и анализ видения проблем практического применения принципов ЭЗЦ [9; 11; 17; 22].

Контент-анализ российской наукометрической базы данных РИНЦ позволяет сделать вывод о крайне ограниченном числе работ отечественных авторов, исследующих проблемы формирования ЭЗЦ в туризме. По запросу «циркулярный туризм» в названии, аннотации, ключевых словах научных статей поисковая система за период 2019–2023 гг. выдала четыре статьи. По запросу «экономика замкнутого цикла туризма» – две статьи, дублирующие статьи предыдущего поиска. По запросу «инфраструктура экономики замкнутого цикла туризма» нет публикаций. По запросу «туризм + инфраструктура + экономика замкнутого цикла» в названии, аннотации, ключевых словах научных статей за период 2020–2023 гг. нет публикаций.

По запросу «циркулярная инфраструктура туризма» в названии, аннотации, ключевых словах и тексте научных статей поисковая система выдала 171 работу, опубликованную за период 2019–2023 гг. Дальнейший анализ содержания статей позволил включить в выборку только шесть статей, в которых нет анализа сущности, роли, особенностей формирования и функционирования циркулярной инфраструктуры туризма, но есть ее упоминания как инструмента устойчивого развития, как предмета государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных городских зеленых проектов, как барьера циркулярного перехода (отсутствие инфраструктуры, высокая стоимость инфраструктурных проектов).

Статьи, содержащие анализ барьеров циркулярного перехода туризма, в российской наукометрической базе данных РИНЦ отсутствуют, но есть работы, в которых роль инфраструктуры в формировании ЭЗЦ отмечается как ведущая [8].

Исследователи и практики считают, что в настоящее время очевидно ограниченность знаний как о роли инфраструктуры и ее потенциальном воздействии на темпы перехода к ЭЗЦ, так и о составе и характеристиках инфраструктуры, обеспечивающей этот переход и функционирование ЭЗЦ [11; 16]⁸. При этом необходимость инновационной трансформации инфраструктуры и ее адаптации к потребностям ЭЗЦ как условие перехода к новой модели экономического развития констатируется и отечественными, и зарубежными авторами [1; 8; 12; 14; 18].

Пересмотр подходов к содержанию и функциям инфраструктуры, к определению ее места в экономике замкнутого цикла обуславливает расширение исследований и, как следствие, формирование концепции инфраструктуры экономики замкнутого цикла, в рамках которой выделяется два подхода к сущности циркулярной трансформации инфраструктуры. Первый ориентирован на обеспечение циркулярности самой инфраструктуры, т.е. строительство и функционирование объектов и сетей инфраструктуры на принципах циркулярности (фреймворк 10-R), предполагающих в обобщенном виде: сокращение объемов использования первичных сырья и материалов при строительстве, ориентация предпочтительно на возобновляемые или вторичные ресурсы; применение технологии модульных блоков для облегчения демонтажа, повторного использования и переработки; внедрение инфраструктурных технологий (InfraTech) для оптимизации реализации проектов и мониторинга операций, для минимизации воздействия на экосистемы и ресурсы, для обеспечения экономии энергии и сокращения выбросов парниковых газов; пере-профилирование и альтернативное использование инфраструктуры для снижения потребности в новой инфраструктуре [12].

Циркулярность инфраструктуры, согласно этому подходу, не сводится исключительно к сокращению выбросов в процессе ее эксплуатации, а предполагает ее устойчивость на каждой стадии жизненного цикла, начиная с проектирования и строительства, что, по некоторым

⁸ См. также: *Thought Piece: The Role of Infrastructure in the Circular Economy / Global Infrastructure Hub*. 2021. – URL: <https://cdn.github.org/umbraco/media/3889/gi-hub-thought-piece-infrastructure-and-the-circular-economy-apr-2021.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

оценкам, может способствовать снижению до 19% общих выбросов от инфраструктуры⁹.

Второй подход основывается на представлении о трансформации функций инфраструктуры в ЭЗЦ и предполагает создание и внедрение системы элементов инфраструктуры, обеспечивающих безотходную циркуляцию потоков и замкнутость производственно-потребительских циклов в различных отраслях и видах деятельности¹⁰. Элементами такой инфраструктуры являются объекты и сети, формируемые с использованием новейших технологий, функциональное назначение которых состоит в анализе, классификации, сборе, сортировке, повторном использовании, вторичной переработке, ремонте, восстановлении, поиске альтернативных способов использования материалов и продуктов в целях продления их жизненного цикла, наращивания экономической ценности и минимизации негативного воздействия на окружающую природную среду и социум.

По мнению аналитиков, 75% такой инфраструктуры сегодня просто не существует¹¹. Вместе с тем актуальность проблем инфраструктурной обеспеченности процессов циркулярной трансформации экономики растет и вызывает появление новых элементов инфраструктуры, таких, например, как основанные на применении искусственного интеллекта системы распознавания, классификации, оценивания и сортировки отходов производства и потребления, цифровые платформы по совместному использованию материалов, продуктов и обмену их излишками, цифровые торговые площадки отходов и продуктов, изготовленных из вторсырья и др.

⁹ См.: *Advancing the circular economy through infrastructure*. – URL: https://cdn.github.org/umbraco/media/4265/gi-hub-paper_advancing-circular-economy-through-infrastructure_2021.pdf (дата обращения: 29.01.2023).

¹⁰ Под замыканием цикла понимаются устранение предотвратимых отходов и загрязнений ОПС и снижение нагрузки на мировые запасы природных ресурсов за счет более эффективного и многократного использования уже вовлеченных в производственные процессы материалов.

¹¹ См.: *Экономика замкнутого цикла: Обзор международных подходов* / Департамент многостороннего экономического сотрудничества Министерства экономического развития РФ. – 2021. – URL: www.economy.gov.ru/2204.pdf (дата обращения: 13.10.2023).

В соответствии с рассмотренными подходами в научной литературе различают циркулярную инфраструктуру (*circular infrastructure*) и инфраструктуру циркулярности (*infrastructure for circularity*), или инфраструктуру экономики замкнутого цикла [10]¹².

Анализ работ российских и зарубежных авторов показывает отсутствие системного подхода к проблеме циркулярной трансформации инфраструктуры. Исследования в основной своей массе касаются либо конкретных циркулярных процессов и решений, либо отдельных отраслей или видов деятельности (циркулярная инфраструктура транспорта [1], инфраструктура управления отходами [5], инфраструктура циркулярного недропользования [2], строительства [11], водного сектора и энергетики [14]).

Одним из решений по реализации системного подхода является предлагаемая рядом авторов концепция инфраструктурирования (*infrastructuring*) [18], основанная на широком участии стейкхолдеров как в совместном проектировании объектов инфраструктуры, через которые циркулируют ресурсы (жесткая инфраструктура), так и в управлении процессами циркулярного движения ресурсов (мягкая инфраструктура, обеспечивающая гибкость принятия решений). Привлечение стейкхолдеров, по мнению этих авторов, позволяет определять цели инфраструктурирования и выявлять новые функции инфраструктуры на основе анализа проблем и возможностей множества агентов. Главный посыл концепции – рассматривать образующиеся у агентов потоки не как отходы, а как ресурсы, имеющие ценность для других агентов. Интерпретацией концепции инфраструктурирования является, на наш взгляд, концепция циркулярного города¹³.

¹² См. также: *Thought Piece: The Role of Infrastructure in the Circular Economy / Global Infrastructure Hub*. – 2021. – URL: <https://cdn.gihub.org/umbraco/media/3889/gi-hub-thought-piece-infrastructure-and-the-circular-economy-apr-2021.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

¹³ См.: *Circular Economy in Cities: Evolving the model for a sustainable urban future: Report 2018*. – URL: https://www3.weforum.org/docs/White_paper_Circular_Economy_in_Cities_report_2018.pdf (дата обращения: 17.10.2023).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ системных барьеров циркулярной трансформации экономики показывает, что одним из важнейших барьеров, препятствующих переходу к модели экономики замкнутого цикла, является отсутствие понимания концепции ЭЗЦ на различных уровнях управления и, как следствие, невключение целей и задач циркулярной трансформации экономики в целом и отдельных ее секторов, в том числе инфраструктурного, в стратегии и планы развития [11].

Значимость этого барьера для дальнейшего развития теории и практики ЭЗЦ в туризме определила цель настоящего исследования: выявить, в какой степени в официальных документах стратегического планирования различных уровней управления отражены цели и задачи экологически ориентированной модернизации инфраструктуры и формирования инфраструктуры ЭЗЦ в туризме. Для достижения цели была сформирована подборка из 36 документов стратегического планирования и сопровождающих их нормативно-правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней, принятых в РФ за период 2018–2023 гг. Выбор временных рамок обусловлен тем, что именно на этом отрезке, с одной стороны, на всех трех уровнях управления шла активная работа по формированию стратегий развития на период до 2030–2035 гг. и, с другой стороны, формировалась концепция ЭЗЦ. Всю совокупность проанализированных документов условно можно разделить на три группы: стратегии социально-экономического развития; документы, связанные с развитием ЭЗЦ и инфраструктурного сектора экономики РФ; документы стратегического планирования развития туризма. Все три группы документов анализировались в их взаимосвязи на предмет отражения в них целей и задач циркулярной трансформации производства и потребления.

В соответствии с целями исследования особое внимание было уделено документам, связанным с развитием туризма и инфраструктуры туризма, регионов туристской специализации и туристских дестинаций, ориентирующихся на виды туризма, в наибольшей мере

зависящие от природного разнообразия и качества ОПС (рекреационный, природный, экологический, сельский, пляжный туризм). В результате в подборку вошли документы стратегического планирования социально-экономического развития и развития туризма Республики Крым, Северо-Кавказского федерального округа, Краснодарского и Ставропольского краев как регионов выраженной туристско-рекреационной специализации.

Анализировались документы, размещенные на официальных сайтах Правительства РФ, региональных и муниципальных органов управления.

Ключевыми понятиями качественного контент-анализа документов были выбраны «устойчивое развитие (УР)», «цели устойчивого развития (ЦУР)», «циркулярная экономика», «экономика замкнутого цикла», «зеленая экономика», «циркулярный туризм», «зеленый туризм», «циркулярная инфраструктура», «инфраструктура экономики замкнутого цикла», «устойчивая инфраструктура», «зеленая инфраструктура», «низкоуглеродная экономика», «природоподобные технологии» в формулировках приоритетов, целей, задач и сценариев развития. Выбор понятий основывался на подходе, в рамках которого ЭЗЦ рассматривается как инструмент реализации концепции устойчивого развития и составная, возможно наиболее инновационная, часть зеленой экономики, в свою очередь, являющаяся инструментом достижения ЦУР ООН. Качественный контент-анализ был дополнен углубленным анализом содержания документов с целью выявления соответствия механизмов и индикаторов реализации заявленным приоритетам и целям.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проблему формирования циркулярной инфраструктуры ЭЗЦ условно можно разделить на две системно связанные составляющие. Первая обусловлена низким уровнем обеспеченности социально-экономических систем необходимой инфраструктурой, включая обес-

печивающую инфраструктуру туризма¹⁴, высоким уровнем морального и физического износа объектов инфраструктурного сектора, острым дефицитом инвестиционных ресурсов, требуемых для ее модернизации¹⁵, и предполагает реализацию активной государственной политики в целях опережающего системного развития инфраструктуры. Вторая составляющая проблемы определяется необходимостью перехода экономики на модель ЭЗЦ и касается создания принципиально иной системы инфраструктуры, по своему составу, функциям и характеристикам отвечающей принципам циркулярности и обеспечивающей функционирование ЭЗЦ.

В последние годы отмечается активизация государственной инфраструктурной политики как в рамках национальных проектов, так и в принятии специальных инфраструктурных программ и проектов, например ФП «Развитие туристической инфраструктуры», по которому в 2022 г. на поддержку грантами 800 проектов было выделено 38,8 млрд руб.¹⁶ Минстрой России в 2022 г. распределил 1 трлн руб. инфраструктурных бюджетных кредитов на строительство, реконструкцию, ремонт 960 объектов транспортной, инженерной, ком-

¹⁴ Согласно законодательству РФ, к обеспечивающей туристской инфраструктуре относятся «объекты, необходимые для функционирования объектов туристской инфраструктуры на туристских территориях, в том числе сети электроснабжения, газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, связи, дноуглубление и берегоукрепление, берегозащитные, пляжеудерживающие сооружения, объекты благоустройства общественных городских пространств, очистные сооружения, а также подключение к ним». См.: *Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года*. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 г. № 2129-р (В редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 23.11.2020 № 1903; Распоряжения Правительства Российской Федерации от 07.02.2022 № 187-р). – URL: <https://www.government.ru/docs/all/123838>.

¹⁵ По итогам 2022 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) по уровню инфраструктурного развития поместила Россию на 62-е место среди 132 экономик мира (в один ряд с Колумбией, Мексикой, Уругваем) [6].

¹⁶ См.: *Паспорт* федерального проекта «Развитие туристической инфраструктуры». – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/46af81ad27aeb3e5e2ceb317a51acf/FP_Turisticheskaya_infrastruktura.pdf (дата обращения: 13.09.2023).

мунальной, социальной и туристической инфраструктуры в 83 регионах РФ [4].

Идет активный поиск новых механизмов финансирования инфраструктурных проектов и привлечения частных инвестиций, среди которых следует назвать в первую очередь федеральный проект «Инфраструктурное меню»¹⁷. Проект рассчитан на период 2021–2030 гг. и предполагает использование семи различных инструментов, каждый из которых имеет свои цели и задачи, условия применения, сопровождается разработкой набора регламентирующих нормативных актов. Общая цель проекта – финансовая поддержка регионального инфраструктурного развития.

В стране уже реализуются проекты в сфере возобновляемых источников энергии, зеленого транспорта и обращения с ТКО, принимаются во внимание аспекты устойчивости в национальных целях развития до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.¹⁸, развивается рынок зеленых финансов. Запускаются инициативы по оценке устойчивости инфраструктурных проектов, учитывающие лучшие международные практики устойчивого развития.

Анализ документов к основным проблемам развития инфраструктуры в России позволяет отнести

- низкий уровень обеспеченности современной высокотехнологичной инфраструктурой, являющийся ограничителем социально-экономического развития регионов и страны в целом, сдерживающим инвестиционную активность субъектов экономики;
- сохранение инвестиционного дефицита. По предварительным оценкам, только на реализацию планов по доведению уровня

¹⁷ См.: *Справочная информация о ходе реализации федерального проекта «Инфраструктурное меню»*. По состоянию на 14 апреля 2022 г. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/i3jm5UUCGdSj68iAR1y1RfxjBgVdqy4t.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).

¹⁸ См.: *Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»*. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1>.

обработки ТКО до 100% и отправки на утилизацию 50% мусора необходимо 550 млрд руб.¹⁹;

- бессистемный подход к развитию инфраструктуры, который, по мнению экспертов InfraONE, объясняется отсутствием четких планов комплексного развития территорий и их привязки к ЦУР РФ²⁰, несогласованность региональных и отраслевых стратегий развития инфраструктуры, включение задач развития различных элементов инфраструктуры в разные национальные и федеральные проекты;
- отсутствие объективной оценки современного состояния инфраструктуры, единой статистики, а также научно обоснованной оценки потребностей опережающего инфраструктурного развития с учетом необходимости смены парадигмы экономического развития;
- узкий горизонт планирования, не предусматривающий серьезных инновационных инфраструктурных трансформаций. Основными направлениями инвестиций остаются реконструкция и замена физически и морально изношенных элементов инфраструктуры на принципах линейной экономики. Цели и задачи обеспечения системного подхода к развитию инфраструктуры ЭЗЦ не ставятся.

К этому перечню проблем следует добавить ничтожно малую долю частных инфраструктурных инвестиций, составившую, например, в 2020 г. всего 1,7%²¹, что актуализирует вопрос разработки механизмов привлечения частных инвестиций, а также ограниченные возможности привлечения международных инвестиций институцио-

¹⁹ См.: *Экономика замкнутого цикла: от планов к действиям: Саммари / Росконгресс.* – 2022. – URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-ekonomika-zamknutogo-tsikla-ot-planov-k-deystviyam/discussion/> (дата обращения: 06.10.23).

²⁰ См.: *Инфраструктура России: индекс развития / Росконгресс.* – 2019. – URL: <https://roscongress.org/materials/infrastruktura-rossii-indeks-razvitiya/> (дата обращения: 03.10.23).

²¹ Там же.

нальных инвесторов, предъявляющих высокие требования к качеству инфраструктурных проектов, базирующиеся на результатах ESG-скрининга. В целях решения этой проблемы ВЭБ РФ, Национальным центром ГЧП и компанией АЕСОМ при поддержке Министерства финансов РФ разработан первый в России стандарт оценки качества инфраструктурных проектов IRIS, основанный на принципах ESG²².

Одним из первых шагов по созданию условий для перехода к ЭЗЦ стало утверждение Правительством РФ в 2018 г. Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г., призванной обеспечить максимальное использование исходных сырья и материалов и предотвращение образования отходов производства и потребления. В документе не используется понятие «ЭЗЦ», но тем не менее заложены подходы к формированию системы глубокой переработки и цикличного использования первичных ресурсов, предотвращения образования непродуктивных отходов.

В июле 2021 г. Правительством РФ были утверждены цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации, включающие формирование устойчивой инфраструктуры. В соответствующем документе определяется понятие «зеленый проект». Позже были утверждены критерии устойчивого (в том числе зеленого) проекта и требования к системе верификации инструментов его финансирования.

В октябре 2021 г. был утвержден перечень инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г., включающий федеральные проекты «Инфраструктурное меню», «Экономика замкнутого цикла», «Политика низкоуглеродного развития». Цели этих проектов – создание правовых и экономических условий для внедрения принципов ЭЗЦ в производство и потребление, а также формирование инфраструктуры обращения вторичных ресурсов. На совре-

²² См.: *Устойчивое развитие и инфраструктура: обзор трендов в России и мире.* – URL: https://вэб.рф/downloads/spief_sd_short_final_02.05.2021_1.pdf?ysclid=lobqa13t82925683142 (дата обращения: 14.09.2023).

менном этапе их реализации созданы федеральный и региональные центры компетенций, Ассоциация содействия экономике замкнутого цикла «Ресурс», экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» INFRAGREEN. Внедряется институт расширенной ответственности производителей и импортеров товаров и упаковки. На базе Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова созданы научный центр «Экономика замкнутого цикла» и НИИ «Низкоуглеродная экономика». Университет приступил к разработке программ подготовки кадров для ЭЗЦ. С сентября 2022 г. функционирует электронная площадка по торговле вторсырьем (ЭТП). Инструментом реализации циркулярных инициатив являются создаваемые в рамках правительственных инициатив в восьми регионах РФ экопромышленные парки, на развитие инфраструктуры которых правительство выделило 9,4 млрд руб.²³

Важным шагом по переходу к ЭЗЦ стало принятие в октябре 2021 г. Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, ожидаемым эффектом реализации которой является широкое внедрение принципов ЭЗЦ (ссылки на принципы 3R содержатся в тексте документа). Принимаются решения, направленные на содействие развитию тех или иных элементов ЭЗЦ и инфраструктуры ЭЗЦ, например по поддержке пилотных проектов развития зарядной инфраструктуры для электротранспорта в 40 регионах РФ, по поддержке производителей органической сельхозпродукции и др.

Вместе с тем цели и задачи циркулярной трансформации практически никак не отражены в стратегических документах, программах и планах развития инфраструктурных секторов и индустрии туризма. Отсутствуют цели интеграции инфраструктурных секторов, формирования системы, позволяющей управлять энергией, водой, обращением с отходами и работой транспорта как единой экосистемой. Каждый инфраструктурный сектор имеет свою стратегию, слабо свя-

²³ См.: *Экономика замкнутого цикла: от планов к действиям: Саммари / Росконгресс. 2022.* – URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-ekonomika-zamknuto-tsikla-ot-planov-k-deystviyam/discussion/> (дата обращения: 06.10.23).

занную со стратегиями других секторов и отраслей экономики. Так, например, в Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства никак не отражены цели развития современной туристической и обеспечивающей инфраструктуры. Планы развития транспортной инфраструктуры содержатся в различных стратегических документах (НП «Жилье и городская среда», НП «Безопасные и качественные дороги» и др.), не находя адекватного отражения в стратегиях пространственного и социально-экономического развития регионов и городских округов.

Анализ решений по финансированию проектов модернизации инфраструктуры показывает, что они по-прежнему направлены на поддержание в рабочем состоянии существующей инфраструктуры, сохранение ее способности выполнять свои линейные функции (замена изношенных, аварийных сетей и т.п.), но не на развитие. Понятия «циркулярная инфраструктура» и «инфраструктура ЭЗЦ» в документах стратегического планирования федерального уровня не выявлены.

В целом можно согласиться с И.С. Кришталем и его соавторами в том, что в последние годы прослеживается тенденция роста усилий государства по созданию необходимой нормативно-правовой базы и институциональной среды для внедрения принципов ЭЗЦ в экономику [3]. Но эти усилия сосредоточены главным образом на сфере обращения с отходами, не транслируются на все отрасли и виды деятельности, что существенно сужает границы ЭЗЦ. Задачи по формированию ЭЗЦ ставятся в отрыве от задач по развитию отраслей, что не может способствовать формированию циркулярных производственно-потребительских цепочек в экономике в целом. Кроме того, в разрабатываемых планах и мероприятиях по-прежнему сохраняется логика линейной экономики: они направлены на циркулярную трансформацию образующихся отходов и в значительно меньшей мере на их предотвращение. Содержание проанализированных документов свидетельствует об отсутствии на федеральном уровне системного подхода к формированию инфраструктуры ЭЗЦ.

В документах стратегического планирования регионального уровня понятия, связанные с ЭЗЦ, не используются²⁴. Цели перехода на модель ЭЗЦ в чистом виде не ставятся. Как следствие, отсутствуют цели и задачи формирования инфраструктуры ЭЗЦ. Ориентация на ЦУР, развитие умной (инновационной), зеленой (экологически ориентированной, энергоэффективной) экономики декларируются в приоритетах. Приоритет «активной экологизации экономики» присутствует в целях и задачах: провозглашаются развитие зеленого строительства и зеленой энергетики, использование технологий бережливого производства, глубокой переработки, рециклинга и т.п. Однако на стадии конкретизации целей и задач заявленные приоритеты перемещаются в разделы, связанные с рациональным использованием природных ресурсов, выводятся за рамки экономики и на этапе формирования флагманских проектов уже не упоминаются. Особенность региональных стратегий развития туризма – игнорирование приоритетов создания умной экологически чистой индустрии туризма, заявленных в стратегиях регионального социально-экономического развития. Цели экологизации туризма сводятся к развитию сельского и экологического туризма.

Во всех проанализированных региональных стратегиях отмечаются инфраструктурные ограничения стратегического развития туризма и инвестиционной деятельности, недостаток энергетической и коммунальной инфраструктуры, высокий уровень физического и морального износа ее объектов. Особо отмечаются проблемы отходов. Однако планы по решению этих проблем сводятся к общим форму-

²⁴ Данный вывод подтверждается результатами анализа региональных стратегий социально-экономического развития, проведенного в 2023 г. аналитиками ВЭБ РФ и Сбер.РФ на предмет раскрытия в них тематики экологии и устойчивого развития (ESG). Единственная стратегия из 85 проанализированных, содержащая цели формирования ЭЗЦ, – Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия. Цели перехода к зеленой экономике присутствуют в 11 стратегиях. См.: *Дашборды городов и регионов: Итоги 2023 г.* – URL: <https://veb.ru/upload/iblock/889/889b03f98c8c6dde2241030c8afb7f18.pdf> (дата обращения: 22.05.24).

лировкам относительно необходимости создания инфраструктурных условий для активизации инвестиционной деятельности и строительства современной инновационной инфраструктуры без привязки к проектам реализации стратегий. На общем фоне выделяются Стратегия социально-экономического развития Крыма и Стратегия развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа, предусматривающие создание и развитие современной туристической инфраструктуры и опережающее развитие обеспечивающей инфраструктуры (создание инвестиционных площадок с подведенной к ним всей необходимой инфраструктурой), предполагающие синхронизацию проектов развития различных элементов инфраструктуры с привлечением всех стейкхолдеров и применением механизмов государственно-частного партнерства. Вместе с тем привязка к ЦУР в стратегиях отсутствует, целей экологизации, задач по переходу к зеленому и циркулярному туризму они не содержат. В качестве индикаторов развития туризма используются стандартные объемные показатели туристского потока и коллективных средств размещения.

Отдельные стратегии регионального развития (Крыма и Краснодарского края) содержат индикаторы снижения объемов отходов (доля утилизации ТКО и доля захоронения ТБО в общем объеме отходов), однако анализ содержания стратегий не позволяет рассматривать эти индикаторы в качестве характеристик уровня циркулярности производства и потребления, поскольку их достижение планируется на основе применения традиционных линейных подходов.

Стратегии муниципального уровня городов-курортов сильно различаются по содержанию, объему, структуре, глубине проработки и степени согласованности со стратегиями федерального и регионального уровней, что актуализирует проблему совершенствования методологии стратегического планирования.

Терминология ЭЗЦ в стратегиях муниципального уровня не используется в определении приоритетов, целей и задач социально-экономического развития и развития туризма как отрасли специализа-

ции. Цели перехода на модель ЭЗЦ не ставятся. Тем не менее следует отметить, что приоритеты и цели стратегий высокоразвитых туристских дестинаций, таких как Сочи и Ялта, включают переход на модель устойчивого развития на основе ЦУР и ESG-принципов, создание наукоемкой зеленой экономики и развитие системы природо-подобной техносферы, формирование водно-зеленого городского каркаса, зеленого транспортного каркаса, стимулирование внедрения ресурсосберегающих безотходных технологий, реализацию концепции «бережливый город». Такое целеполагание в теории создает благоприятные предпосылки для перехода к модели циркулярной дестинации, однако отсутствие его адекватного отражения в разделах стратегий о механизмах реализации и флагманских проектах ставит под вопрос как реализуемость поставленных целей, так и возможность циркулярной трансформации отрасли специализации. В стратегиях менее развитых городов-курортов такие приоритеты и цели отсутствуют.

Качество целеполагания определяет подходы к проблемам инфраструктурной обеспеченности стратегического развития. Как и на региональном уровне, для городов-курортов нынешние состав и качество инфраструктуры признаются важнейшим ограничителем их развития. Но если в стратегии Анапы под модернизацией инфраструктуры понимается традиционная политика расшивки узких мест (ремонт, замена изношенных элементов и т.п.), то в стратегиях Сочи и Ялты ставятся задачи системного развития инфраструктуры, создания наукоемких технологических кластеров, реализации концепции децентрализации и персонификации инфраструктуры. Вместе с тем задачи строительства объектов циркулярной инфраструктуры туристической дестинации не ставятся, как и задачи внедрения принципов ЭЗЦ в процессы производства и потребления туристического продукта.

Результаты качественного контент-анализа документов приведены в таблице.

**Отражение целей и задач циркулярной трансформации
в документах стратегического планирования**

Документ стратегического планирования	Всего документов, шт.	Кол-во документов, содержащих цели устойчивого развития*	Кол-во документов, содержащих цели и задачи перехода к зеленой экономике	Кол-во документов, содержащих цели и задачи циркулярного перехода
Документы федерального уровня	18	5	5	4
В том числе:				
стратегии и другие целеполагающие документы планирования социально-экономического развития РФ	10	5	5	4
документы стратегического планирования развития туризма	3	0	0	0
документы, регламентирующие развитие инфраструктуры	6	0	0	0
Документы регионального уровня	10	0	3	0
В том числе:				
документы стратегического планирования социально-экономического развития	3	0	2	0
документы стратегического планирования развития туризма	4	0	1	0
документы, регламентирующие развитие инфраструктуры	3	0	0	0
Документы муниципального уровня	8	2	2	0
В том числе:				
стратегии социально-экономического развития	6	2	2	0
документы стратегического планирования развития туризма**	0	0	0	0

Окончание таблицы

Документ стратегического планирования	Всего документов, шт.	Кол-во документов, содержащих цели устойчивого развития*	Кол-во документов, содержащих цели и задачи перехода к зеленой экономике	Кол-во документов, содержащих цели и задачи циркулярного перехода
документы, регламентирующие развитие инфраструктуры	2	0	0	0

Примечания: * не включались документы, в которых устойчивое развитие понимается узко, только как стабильный рост стандартных валовых показателей линейной экономики; ** цели развития туризма, как правило, включены в стратегии социально-экономического развития туристских дестинаций, поэтому отсутствуют самостоятельные стратегии и программы развития туризма (исключение – стратегии крупных промышленных и туристских центров, таких как Москва и Санкт-Петербург, не вошедших в выборку).

Источник: составлено автором по результатам анализа документов открытого доступа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ документов стратегического планирования различных уровней управления позволяет сделать вывод, что на федеральном уровне сложилось достаточно четкое понимание необходимости перехода на модель экономики замкнутого цикла, выработалось представление о возможных направлениях деятельности, ставятся цели и задачи по формированию ЭЗЦ и отдельных компонентов ее инфраструктуры, предпринимаются меры по созданию необходимых институциональных и организационных условий. Однако глубокое понимание концепции ЭЗЦ и осознание ключевой роли инфраструктуры в переходе к ЭЗЦ отсутствуют, о чем свидетельствуют бессистемность и противоречивость реализуемых инициатив, сохранение линейных принципов функционирования инфраструктуры.

На региональном и муниципальном уровнях цели перехода на модель ЭЗЦ не ставятся даже на долгосрочную перспективу, что

говорит об отсутствии понимания сущности ЭЗЦ и значимости инфраструктуры для циркулярной трансформации экономики туризма и является серьезным барьером для реализации федеральных инициатив. Требуется содержательное согласование стратегий и целей.

Приоритеты устойчивого развития, цели и задачи зеленой трансформации экономики, заявленные в стратегиях социально-экономического развития, не находят адекватного отражения в стратегиях и программах развития туризма и инфраструктуры, что противоречит принципу преемственности и непрерывности стратегического планирования, не обеспечивает согласованности стратегий различных уровней и сфер применения, препятствует системному развитию ЭЗЦ.

Сложный состав инфраструктуры туризма определяет особенности планирования ее развития, предполагает широкий спектр участников процессов управления, обеспечивающий развитие различных структурных элементов инфраструктуры и одновременно затрудняющий управление инфраструктурой как единой системой, требующий согласования интересов стейкхолдеров, стратегий, целей и задач.

Национальные цели пространственного развития внутреннего туризма, ориентация на формирование туристических макрорегионов и национальных туристических маршрутов меняют границы и содержание туристической территории, расширяют состав стейкхолдеров, усложняя процедуры согласования интересов, стратегий и планов, одновременно формируя новые системы связей и взаимодействий в рамках цепочки создания ценности туристского продукта. В этих условиях отсутствие целей развития инфраструктуры циркулярного туризма не только ставит под вопрос реализацию национальных целей по переходу к ЭЗЦ, но и существенно сокращает возможности пространственного развития туризма на принципах ЭЗЦ.

Начальная стадия формирования концепции экономики замкнутого цикла, ограниченность соответствующих знаний, отсутствие глубокого понимания сущности ЭЗЦ предопределяют необходимость дальнейшей разработки теории и методологии имплементации принципов ЭЗЦ в процессы стратегического планирования и структурные разделы стратегий всех уровней.

Поскольку системный характер обеспечивающей инфраструктуры в наибольшей мере проявляется на уровне туристических дестинаций (будь то туристические центры, кластеры, макрорегионы или маршруты), в качестве методологической основы планирования опережающего развития инфраструктуры на принципах ЭЗЦ целесообразно использовать концепцию циркулярной дестинации, или дестинации замкнутого цикла. Это предполагает углубление и диффузию знаний (создание институтов развития ЭЗЦ, формирование нормативно-правовой базы, четкое определение того, что пригодно для вторичного использования, создание инфраструктуры инноваций), формулирование стратегических целей построения замкнутых производственно-потребительских цепочек на уровне дестинации и расширение полномочий дестинаций по разработке стратегий развития обеспечивающей инфраструктуры ЭЗЦ.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФИЦ СЦ РАН FGRW-2022-0001, № госрегистрации 122041900105-5

Список источников

1. Абдальразек Я. Ключевые тенденции развития транспортной и дорожной инфраструктуры в Российской Федерации // Региональная экономика и управление. – 2023. – № 3 (75). – 7513.
2. Еремеева О.С., Мочалова Л.А. Организационно-экономический механизм циркулярного недропользования // Journal of New Economy. – 2023. – Т. 24 (1). – С. 104–125. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-1-5.
3. Кришталь И.С., Егоров В.Г., Рудковская М.М. Формирование модели экономики замкнутого цикла в российских реалиях // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 1. – С. 123–138. DOI: 10.48137/26870703_2023_21_1_123.
4. Крючкова Е. Триллион ушел в инфраструктуру. 2022. – URL: <https://kommersant.ru/doc/5492841#comments> (дата обращения: 23.10.2023).
5. Ларченко Л.В., Лесневская Л.М., Кураמיшина Л.И. Циркулярная экономика: возможности и проблемы перехода в регионах России // Инновации. – 2021. – № 9 (275). – С. 27–32. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.275.9.005.
6. Праслов Ю. Инфраструктура на вырост: где искать источники инвестиций в отрасль // РБК. Новая Экономика. – 2022. – URL: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/639b42a39a794765cfe786ef> (дата обращения: 23.10.23).

7. *Шелягина Е.* «Умное» мусорное ведро: как заработать на циклической экономике // РБК. Тренды. – 26.02.21. – URL: <https://www.trends.rbc.ru/trends/green/6037f4df9a794723f8acd97c> (дата обращения: 12.09.22).

8. *Яковлева Е.А., Путихин Ю.Е., Молоканов И.С.* Создание природно-продуктовых вертикалей для обеспечения развития отечественных технологий «циркулярной» (зеленой) экономики // Экономические науки. – 2022. – № 211. – С. 252–256. DOI: 10.14451/1.211.252.

9. *Aryal C.* Exploring circularity: A review to assess the opportunities and challenges to close loop in Nepali tourism industry // Journal of Tourism and Adventure. – 2020. – Vol. 3 (1). – P. 142–158. DOI: 10.3126/jota.v3i1.31362.

10. *Bywaters L., Papanikolaou I., Hewitson N.* Circular economy for infrastructure // KPMG UK. – 2023. – URL: <https://kpmg.com/uk/en/blogs/home/posts/2023/01/circular-economy-for-infrastructure.html> (дата обращения: 29.01.2024).

11. *Coenen T.B.J., Visscher K., Volker L.* A systemic perspective on transition barriers to a circular infrastructure sector // Construction Management and Economics. – 2023. – Vol. 41 (1). – P. 22–43. DOI: 10.1080/01446193.2022.2151024.

12. *Crevier D., Bennett M., Shorthouse P.* Circular infrastructure: the key to decarbonization. 2021. – URL: <https://www.github.org/articles/circular-infrastructure-the-key-to-decarbonisation/> (дата обращения: 29.01.2023).

13. *Florido C., Jacob M., Payeras M.* How to carry out the transition towards a more circular tourist activity in the hotel sector: The role of innovation // Administrative Sciences. – 2019. – No. 9 (2).

14. *Giezen M.* Shifting infrastructure landscapes in a circular economy: An institutional work analysis of the water and energy sector // Sustainability. – 2018. – Vol. 10. – 3487. DOI: 10.3390/su10103487.

15. *Giuliettin S., Romagosa F., Fons Esteve J., Schröder C.* Tourism and the Environment: Towards a Reporting Mechanism in Europe. – ETC/ULS, UAB. – 2018. – 116 p.

16. *Hammerschlag A., Disfani M., Lavieri P., Brunson P., Allan M., Hui F.* A circular economy for infrastructure is the only way forward. 2021. – URL: <https://www.youtube.com/embed/m3eeYuFVpPg> (дата обращения: 04.09.2023).

17. *Martínez-Cabrera J., López-del-Pino F.* The 10 most crucial circular economy challenge patterns in tourism and the effects of COVID-19 // Sustainability. – 2021. – Vol. 13 (9). – 4940. DOI: 10.3390/su13094940.

18. *Nogueira A., Ashton W., Teixeira C., Lyon E., Pereira J.* Infrastructuring the circular economy // Energies. – 2020. – Vol. 13 (7). – 1805. DOI: 10.3390/en13071805.

19. *Renfors S.-M.* Circular economy in tourism: Overview of recent developments in research // Finnish Journal of Tourism Research. – 2022. – Vol. 18 (1). – P. 48–64. DOI: 10.33351/mt.114834// 18:1/2022.

20. *Rey H., Nizan M.* Why Sustainable Tourism Matters / Green Industry Platform. October 2019. – URL: <https://www.greenindustryplatform.org/blog/why-sustainable-tourism-matters> (дата обращения: 03.10.2022).

21. *Vargas-Sánchez A.* The unavoidable disruption of the circular economy in tourism // *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*. – 2018. – Vol. 10, No. 6. – P. 652–661. DOI: 10.1108/WHATT-08-2018-0056.

22. *Vatansever K., Akarsu H., Kazancoglu Y.* Evaluation of transition barriers to circular economy: A case from the tourism industry // *International Journal of Mathematical Engineering and Management Science*. – 2021. – Vol. 6 (3). – P. 824–846. DOI: 10.33889/IJMEMS.2021.6.3.049.

Информация об авторе

Мишулина Светлана Ивановна (Россия, Сочи) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук» (354002, Краснодарский край, Сочи, ул. Яна Фабрициуса, 2/28). E-mail: MISHulSV@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250108

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 195–223

S.I. Mishulina

INCORPORATING GOALS AND OBJECTIVES FOR CIRCULAR TRANSFORMATION OF TOURISM INFRASTRUCTURE INTO STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS

Awareness of the need to shift the development paradigm has led to the formation of the circular economy (CE) concept and the search for practical ways to transition industries and business sectors to this new model. Despite the limited research on the applicability of the CE concept in tourism, as noted by many authors, there is growing recognition that the circular transition and the application of CE principles by participants in the tourism sector are inevitable. However, there are several significant organizational, economic, and institutional barriers – both general and specific to the tourism sector – that hinder CE formation and development. Studies on triggers and barriers identify underdeveloped institutional conditions as the primary obstacles

to the circular transformation of tourism. These include the failure to incorporate transition goals into strategies and plans for the development of tourism and tourist destinations, as well as the insufficient infrastructure needed to support CE functioning.

The current research seeks to assess the maturity level of these conditions in the Russian economy's tourism sector. It aims to determine the extent to which the goals and objectives for environmentally oriented infrastructure modernization and the creation of tourism CE infrastructure are reflected in official strategic planning documents at various levels of governance. The research findings indicate that, at the federal level, goals and objectives are being set for CE formation and certain components of CE infrastructure. Measures are being taken to establish the necessary institutional and organizational conditions, although there remains a lack of deep understanding of the CE concept and awareness of the need for a systematic approach to building CE infrastructure. At the regional and municipal levels, such goals are not set, even in the long term. This represents a significant barrier to the implementation of federal initiatives and highlights the need for meaningful coordination of goals and strategies to ensure their achievement.

Keywords: sustainable development; tourism; circular economy; circular economy infrastructure; strategic planning

For citation: *Mishulina, S.I. (2025). Otrazhenie tseley i zadach tsirkulyarnoy transformatsii infrastruktury turizma v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya [Incorporating goals and objectives for circular transformation of tourism infrastructure into strategic planning documents]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 195–223. DOI: 10.15372/REG20250108.*

*The study was funded by the state assignment of FRC SSC RAS
FGRW-2022-0001, state registration No. 122041900105-5*

References

1. *Abdelrazek, Ya. (2023). Klyuchevye tendentsii ustoychivogo razvitiya transportnoy i dorozhnoy infrastruktury v Rossiyskoy Federatsii [Key trends in the sustain-*

nable development of transport and road infrastructure in Russian Federation]. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie* [Regional Economics and Management], 3 (75), 7513.

2. *Eremeeva, O.S. & L.A. Mochalova.* (2023). Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm tsirkulyarnogo nedropolzovaniya [Organisational economic mechanism of circular subsoil use]. *Journal of New Economy*, 24 (1), 104–125. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-1-5.

3. *Krishtal, I.S., V.G. Egorov & M.M. Rudkovskaya.* (2023). Formirovanie modeli ekonomiki zamknutogo tsikla v rossiyskikh realiyakh [Formation of a circular economy model in russian realities]. *Geoekonomika energetiki* [Geoeconomics of Energetics], 1, 123–138. DOI: 10.48137/26870703_2023_21_1_123.

4. *Kryuchkova, E.* (2022). Trillion ushel v infrastrukturu [A trillion has gone into infrastructure]. Available at: <https://kommersant.ru/doc/5492841#comments> (date of access: 23.10.2023).

5. *Larchenko, L.V., L.M. Lesnevskaya & L.I. Kuramshina.* (2021). Tsirkulyarnaya ekonomika: vozmozhnosti i problemy perekhoda v regionakh Rossii [Circular economy: Opportunities and challenges of transition in Russian regions]. *Innovatsii* [Innovations], 9 (275), 27–32. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.275.9.005.

6. *Praslov, Yu.* (2022). Infrastruktura na vyrost: gde iskat istochniki investitsiy v otrasl [Infrastructure to grow into: where to find investment sources for the sector]. *RBK. Novaya Ekonomika* [RBC. New Economy]. Available at: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/639b42a39a794765cfe786ef> (date of access: 23.10.2023).

7. *Shelyagina, E.* (2021). “Umnoe” musornoe vedro: kak zarabotat na tsiklichesky ekonomike [“Smart” trash bin: how to profit from the circular economy]. *RBC. Trendy* [RBC. Trends]. Available at: <https://www.trends.rbc.ru/trends/green/6037fd9a794723f8acd97c> (date of access: 12.09.2022).

8. *Yakovleva, E.A., Yu.E. Putikhin & I.S. Molokanov.* (2022). Sozdanie prirodno-produktovykh vertikalей dlya obespecheniya razvitiya otechestvennykh tekhnologiy “tsirkulyarnoy” (zelenoy) ekonomiki [Creation of natural-product verticals to ensure development of own technologies of “circular” (green) economy]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 211, 252–256. DOI: 10.14451/1.211.252.

9. *Aryal, C.* (2020). Exploring circularity: a review to assess the opportunities and challenges to close loop in Nepali tourism industry. *Journal of Tourism and Adventure*, 3 (1), 142–158. DOI: 10.3126/jota.v3i1.131362.

10. *Bywaters, L., I. Papanikolaou & N. Hewitson.* (2023). Circular economy for infrastructure. *KPMG UK*. Available at: <https://kpmg.com/uk/en/blogs/home/posts/2023/01/circular-economy-for-infrastructure.html> (date of access: 29.01.2024).

11. *Coenen, T.B.J., K. Visscher & L. Volker.* (2023). A systemic perspective on transition barriers to a circular infrastructure sector. *Construction Management and Economics*, 41 (1), 22–43. DOI: 10.1080/01446193.2022.2151024.

12. *Crevier, D., M. Bennett & P. Shorthouse.* (2021). Circular infrastructure: the key to decarbonization. Available at: <https://www.github.org/articles/circular-infra-structure-the-key-to-decarbonisation/> (date of access: 29.01.2023).

13. *Florido, C., M. Jacob & M. Payeras.* (2019). How to carry out the transition towards a more circular tourist activity in the hotel sector: The role of innovation. *Administrative Sciences*, 9 (2).

14. *Giezen, M.* (2018). Shifting infrastructure landscapes in a circular economy: an institutional work analysis of the water and energy sector. *Sustainability*, 10, 3487. DOI: 10.3390/su10103487.

15. *Giuliettin, S., F. Romagosa, J. Fons Esteve & C. Schröder.* (2018). Tourism and the environment: Towards a Reporting Mechanism in Europe. ETC/ULS, UAB, 116.

16. *Hammerschlag, A., M. Disfani, P. Lavieri, P. Brunson, M. Allan & F. Hui.* (2021). A circular economy for infrastructure is the only way forward. Available at: <https://www.youtube.com/embed/m3eeYuFVpPg> (date of access: 04.09.2023).

17. *Martínez-Cabrera, J. & F. López-del-Pino.* (2021). The 10 most crucial circular economy challenge patterns in tourism and the effects of COVID-19. *Sustainability*, 13 (9), 4940. DOI: 10.3390/su13094940.

18. *Nogueira, A., W. Ashton, C. Teixeira, E. Lyon & J. Pereira.* (2020). Infrastructuring the circular economy. *Energies*, 13 (7), 1805. DOI: 10.3390/en13071805.

19. *Renfors, S.-M.* (2022). Circular economy in tourism: overview of recent developments in research. *Finnish Journal of Tourism Research*, 18 (1), 48–64. DOI: 10.33351/mt.114834.

20. *Rey, H. & M. Nizan.* (2019). Why sustainable tourism matters. Green Industry Platform. Available at: <https://www.greenindustryplatform.org/blog/why-sustainable-tourism-matters> (date of access: 03.10.2022).

21. *Vargas-Sánchez, A.* (2018). The unavoidable disruption of the circular economy in tourism. *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, Vol. 10, No. 6, 652–661. DOI: 10.1108/WHATT-08-2018-0056.

22. *Vatansever, K., H. Akarsu & Y. Kazancoglu.* (2021). Evaluation of transition barriers to circular economy: a case from the tourism industry. *International Journal of Mathematical, Engineering and Management Science*, 6 (3), 824–846. DOI: 10.33889/IJMEMS.2021.6.3.049.

About Author

Mishulina, Svetlana Ivanovna (Sochi, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Subtropical Scientific Centre, Russian Academy of Sciences (2/28, Yan Fabritsius St., Sochi, 354002, Russia). E-mail: mishulsv@yandex.ru

Поступила в редколлегию 27.03.2024.

После доработки 07.06.2024.

Принята к публикации 14.07.2024.

Н.И. Рубанова, Т.В. Рассохина, В.С. Саар, Л.М. Шагаров

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ
ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА: ОЦЕНКА ТЕКУЩЕГО
СОСТОЯНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ
СТИМУЛИРОВАНИЯ**

(по результатам экспертного опроса)

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью перехода российской туристической индустрии, в том числе сектора средств размещения, к принципам устойчивого развития, включая рациональное использование ресурсов, сохранение культурных ценностей и вовлечение местных сообществ в экологоориентированную деятельность. Цель исследования – выявить вызовы и определить условия и инструменты, необходимые для продвижения принципов экологической и социальной устойчивости в туристическом секторе России. Предмет исследования – текущий уровень экологизации деятельности отечественных объектов размещения, а также факторы, тормозящие и стимулирующие переход российской индустрии средств размещения к принципам экологичности и устойчивого развития. Методология исследования – опрос собственников, управляющих и представителей линейного персонала средств размещения из разных регионов РФ. Дополнительно привлекались данные из открытых источников о предпочтениях туристов в сфере устойчивого туризма.

Результаты показали, что в настоящее время российские средства размещения в основном реализуют меры, дающие прямую экономию ресурсов, таких как энергия и вода. При этом рекомендации экспертных организаций слабо влияют на их «зеленую» повестку. Главными препятствиями выступают ограниченность специальных знаний и ожидания высоких затрат, отсутствие действенных стимулов со стороны государства и общества, а также низкий спрос на «зеленый» турпродукт со стороны туристов. Выявлен большой запрос на господдержку и на создание банка «лучших практик» деятельности на принципах устойчивого

туризма. Большинство опрошенных поддерживают идею создания национальной системы сертификации экологических и «устойчивых» средств размещения.

Сделанные на основе исследования выводы и рекомендации могут быть использованы органами власти для выработки соответствующей политики, а также отраслевыми ассоциациями и руководством средств размещения при формировании стратегий устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивый туризм; «зеленый» туристский продукт; коллективные средства размещения; опрос; ESG-принципы; экологические инициативы

Для цитирования: Рубанова Н.И., Рассохина Т.В., Саар В.С., Шагаров Л.М. Экологическая трансформация российской индустрии гостеприимства: оценка текущего состояния и выявление инструментов стимулирования (по результатам экспертного опроса) // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 224–248. DOI: 10.15372/REG20250109.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время туристический бизнес играет все более важную роль в социально-экономическом развитии регионов России [2]. Во многих субъектах РФ индустрия туризма и гостеприимства рассматривается как одна из приоритетных отраслей, способствующих диверсификации экономики, созданию новых рабочих мест и повышению инвестиционной привлекательности территорий [3]. Внутренний туристический поток в России в 2023 г. составил 152 млн чел. – это максимальное значение за последние пять лет¹.

В то же время дальнейший рост внутреннего и въездного туризма в России невозможен без решения ряда системных проблем отрасли, в том числе связанных с переходом на модели устойчивого развития [13]. Чрезмерная эксплуатация природных ресурсов, неконтролируемые потоки посетителей на особо охраняемых территориях [1; 21],

¹ См.: В «Сбере» проанализировали внутренний турпоток в России в 2023 году. – URL: <https://ria.ru/20240615/turizm-1953072992.html> (дата обращения: 16.06.2024).

отсутствие комплексной системы обращения с отходами [6] и другие негативные факторы уже сегодня приводят к деградации ряда популярных туристских дестинаций. Масштабные инвестиционные проекты по строительству туристской инфраструктуры могут нанести ущерб окружающей среде, если не будут учитываться принципы экологической безопасности [5].

Крайне важно, чтобы дальнейшее интенсивное развитие туризма в регионах России сопровождалось результативными мерами по снижению негативного воздействия отрасли на окружающую среду и местные сообщества [10]. В противном случае туризм, призванный стать фактором роста, может обернуться для многих территорий причиной деградации природных комплексов и обострения социальных конфликтов [15]. Переход на принципы устойчивого развития должен рассматриваться как неотъемлемая составляющая региональных стратегий развития туризма [12]. Создание благоприятных условий для реализации местными средствами размещения «зеленых» принципов деятельности позволит повысить привлекательность региональных турпродуктов, поскольку отвечает растущим требованиям российских и иностранных туристов к экологической и социальной ответственности производителей туристского продукта [18].

Однако, как отмечают исследователи, вопросы ESG-трансформации² в отечественной индустрии туризма и гостеприимства остаются недостаточно изученными [14]. Например, М.А. Морозов и Н.С. Морозова, проанализировав международный и отечественный опыт составления ESG-рейтингов компаний, констатируют, что в формируемых оценках российских компаний отсутствуют предприятия индустрии туризма и гостеприимства, которые, «еще не прониклись идеями ESG-трансформации» [14, с. 86]. В числе работ, посвященных вызовам и возможностям устойчивого развития именно в туристской сфере нашей страны, можно отметить ряд публикаций, основанных на комплексном обзоре отечественной и зарубежной литературы по ту-

² ESG-принципы: ответственное отношение к окружающей среде (E-критерий), соблюдение социальной ответственности бизнеса (S-критерий), качественное управление компанией (G-критерий).

ризму, политике устойчивого развития и процессам принятия решений, связанных с ESG-менеджментом в сфере туризма [17; 22], с использованием природоохранных технологий [7] и экологических инноваций [4; 11] в практике гостиничного бизнеса. Стоит также отметить работы, в которых на основе анализа открытых статистических данных и нормативных документов, определяющих государственную политику в области туризма, дается оценка перспектив устойчивого развития регионального туризма [8; 13; 12; 16].

Анализ научных публикаций в исследуемой области выявил недостаточность данных о реальном положении дел «на местах». Немногочисленные опросы и полевые исследования мнений сотрудников туристских организаций и других профессиональных участников деятельности в сфере туристической индустрии (см., например: [19; 20]) не затрагивают вопросы ESG-повестки. В то же время есть интересные примеры зарубежных исследований на основе данных опроса. Так, результаты работы [25] с применением модели структурных уравнений методом частных наименьших квадратов (PLS-SEM) для изучения взаимосвязи между скрытыми переменными подтвердили, что практика «зеленого» управления персоналом обеспечивает более высокий уровень экологических показателей при внедрении обязательств сотрудников и инноваций в «зеленых» процессах отелей.

Научная новизна исследования, проведенного авторами статьи, заключается в получении актуальных «инсайдерских» данных о степени вовлеченности российских средств размещения в процессы внедрения устойчивых практик и о ключевых барьерах на пути «озеленения» отечественного гостиничного сектора. Работа опирается на результаты опроса экспертов отрасли – собственников, управляющих и сотрудников средств размещения из различных регионов России и содержит ценную информацию «из первых рук» об уровне и проблемах экологизации отечественной туристической индустрии.

Цель исследования – выявление вызовов, а также определение условий и инструментов, обеспечивающих переход отечественной туристической индустрии к принципам экологичности и устойчивости.

Данная статья продолжает серию публикаций результатов исследования³. Для нее были отобраны вопросы, позволяющие раскрыть экономический аспект движения отечественного турбизнеса к устойчивому развитию. В первую очередь был проведен анализ реально осуществляемых практик в области устойчивого развития с различных точек зрения: в соотношении с целями устойчивого развития (ЦУР) ООН, в сравнении с ожиданиями туристов, в разбивке по группам «устойчивый», «зеленый» или «нейтральный». Далее были определены причины, объясняющие выявленную специфику набора практик и активностей в изучаемой сфере (с учетом региональных особенностей). В итоге рассмотрен перечень инструментов и механизмов, которые действительно необходимы сегодня для успешного перехода отечественной индустрии туризма на принципы устойчивого развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основывается на данных, полученных в ходе опроса специалистов и руководителей российских объектов размещения, а также на информации из публичных источников о результатах опросов туристов.

Опрос был индивидуальным, с участием экспертов в данной области (представителей отечественных средств коллективного размещения – в большинстве своем лиц, принимающих решения). Сам процесс опроса предполагал дистанционное самостоятельное заполнение электронной формы анкеты через Yandex Forms. Анкеты распространялись путем размещения ссылок на форму на веб-сайтах партнерских мероприятий и отправкой на электронные адреса целе-

³ См.: Рубанова Н.И., Рассохина Т.В., Саар В.С., Шагаров Л.М. Проблемы внедрения принципов устойчивого развития и концептов «зеленой» экономики в гостиничных предприятиях Российской Федерации // Вестник РМАТ. – 2023. – № 2. – С. 11–20; Рубанова Н.И., Рассохина Т.В., Саар В.С., Шагаров Л.М. Перспективы и вызовы устойчивого развития отечественного туризма: мнение представителей турбизнеса и ожидания туристов // Сервис в России и за рубежом. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 7–15. DOI: 10.5281/zenodo.14253969.

вой группы. В анкету было включено 18 вопросов, из которых четыре были связаны с информацией о респонденте и объекте размещения. Данная статья охватывает ответы на пять вопросов, касающихся сути исследования.

Организаторами исследования выступили Институт природно-технических систем РАН, Российская международная академия туризма и Комитет по развитию устойчивого туризма Российского союза туристической индустрии. Опрос проводился с 22 апреля 2022 г. по 12 марта 2023 г., было получено 73 заполненные анкеты.

Выборка исследования представляет собой адекватное отражение генеральной совокупности по параметру «тип коллективного средства размещения» (рис. 1). Для сравнения: доля гостиниц в числе коллективных средств размещения РФ в 2022 г., по данным Ростуризма, составила 58%⁴, в нашем исследовании доля гостиниц (городских и курортных) – 52%; в целом по стране к загородным отелям и тур-

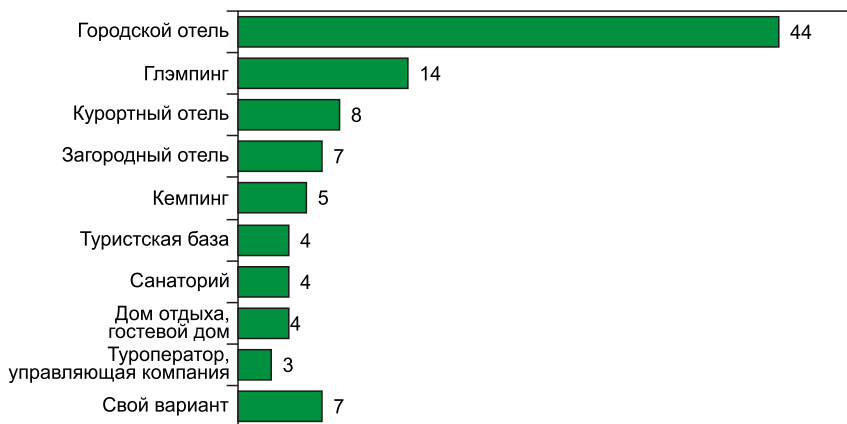

Рис. 1. Структура выборки по типу средств размещения, представляемых респондентами, %

Источник: составлено авторами

⁴ См.: *Анализ гостиничного рынка и других средств коллективного размещения в 2019–2022 годах.* – URL: <https://research-center.ru/analiz-gostinichnogo-rynka/?ysclid=Ita5xctwhl352765967> (дата обращения: 11.06.2024).

Таблица 1

Структура респондентов по должностному статусу

№ п/п	Должностной статус	Доля респондентов в выборке, %
1	Собственник	30
2	Управляющий/топ-менеджер	44
3	Руководитель среднего звена	14
4	Линейный персонал	12

Источник: составлено авторами.

базам относятся 13% средств размещения, в анализируемой выборке туристских предприятий этого типа 11%.

Опрос может считаться исследованием экспертного мнения, так как 74% респондентов относятся к высшему звену управления – см. сумму строк 1 и 2 табл. 1. В то же время наличие ответов линейного персонала и руководителей среднего звена дает возможность выявить различия в восприятии изучаемой проблемы разными уровнями управления.

Достаточно широкий географический охват (31 субъект РФ) позволяет отнести опрос к уровню всероссийского исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ранее на основе изучения публикаций, касающихся особенностей развития отечественной и мировой индустрии гостеприимства, авторами был сделан вывод, что мнения и рекомендации экспертов в области устойчивого развития, формируемые научными и профессиональными сообществами, а также международными организациями, служат ценным ресурсом для руководителей туристических предприятий, помогая им осознать важность экологической оптимизации своей деятельности и выбрать соответствующие приоритетные области [9]. Важным инструментом для целеполагания и планирования является список целей устойчивого развития, предложенный ООН [23]. Для подтверждения этого вывода, а также для выявления особен-

ностей набора применяемых практик социально и экологически ответственного туристского бизнеса в перечень вариантов ответов на вопрос: «Что вы уже делаете в отеле, чтобы он был/стал “устойчивым”/“зеленым”?» включены формулировки из ЦУР, такие как «Участвуем в мероприятиях по защите и восстановлению наземных и водных экосистем близлежащей местности», «Создаем рабочие места для людей из социально незащищенных групп населения», «Принимаем участие в программах подготовки кадров в регионе». Наиболее популярные ответы на данный вопрос представлены в табл. 2.

Результаты по рангам сопоставимы с важными, с точки зрения туристов, характеристиками экожиля [9]: использование солнечной энергии (важна для 67% опрошенных), экономичная система водоснабжения (43%), отдельный сбор мусора, в том числе в номере (29%). Кроме того, 41% туристов по всему миру хотят получать советы от туристических компаний, как сделать поездку более экологичной.

Анализ совместного множественного выбора вариантов ответов на данный вопрос позволил выявить наиболее популярное сочетание

Таблица 2

Наиболее популярные ответы на вопрос: «Что вы уже делаете в отеле, чтобы он был/стал “устойчивым”/“зеленым”?»

Ранг по популярности ответа	Действия и мероприятия	Доля в общем кол-ве респондентов, %
1	Предпринимаем меры по экономии энергии	74
2	Отдаем предпочтение товарам и услугам местных поставщиков	67
3	Предпринимаем меры по экономии воды	62
4	Информируем гостей о важности соблюдения правил ответственного туриста и о том, что мы сами делаем для снижения экологического следа	60
5	Разделяем отходы	53

Источник: составлено авторами.

активностей средств размещения в направлении устойчивости и экологичности. Так, все пять наиболее популярных вариантов активностей (см. табл. 1) одновременно практикуют 19% средств размещения. Если из комплекта совместного множественного выбора убрать вариант «Разделяем отходы», то количество соответствующих средств размещения увеличивается до 33%, а при замене практики «Разделяем отходы» на активность «Принимаем участие в программах подготовки кадров в регионе (стажировки/практики студентов)» их число составляет 21%.

Результаты анализа позволяют сделать вывод, что отечественные средства размещения практикуют в основном мероприятия, приносящие прямую экономическую выгоду за счет сокращения потребляемых ресурсов, а также наименее затратные в денежном, организационном и трудовом выражении. Разделение отходов менее популярно, несмотря на то что также дает прямую экономическую выгоду как в виде получаемой платы за сданные в переработку отходы, так и за счет снижения расходов на вывоз ТКО, во-первых, поскольку требует значительных организационных и материальных вложений в реорганизацию существующей на предприятии процедуры обращения с отходами, во-вторых, из-за отсутствия или слабой развитости инфраструктуры РСО (сбора и переработки). Так, в ответе на вопрос о причинах, затрудняющих переход отелей к деятельности на принципах устойчивости и экологической ответственности, собственник загородного отеля в пос. Апача отметил отсутствие в Камчатском крае развитой инфраструктуры по переработке и утилизации отходов: *«Сбор мусора – все равно в одну кучу из контейнеров, куда люди сортируют мусор. Нет культуры у людей и пропаганды по сортировке мусора и экологичности»*. Управляющий курортного отеля в Ялте также сетует на отсутствие обслуживающих компаний: *«Необходимо организовать платные услуги по внедрению программ, способствующих сокращению затрат на вывоз мусора для отелей. Компаний, которые осуществляют работу по организации сбора мусора с разделением, нет. Внедрение удобных контейнеров в номера, например. Проведение обучения персонала. На самом деле необходимо на-*

чать с граждан, в настоящее время культура отсутствует, такой практики нет».

Ценная информация для понимания производственных и маркетинговых процессов, происходящих сегодня в отечественных средствах размещения, может быть получена при перекрестном анализе ответов респондентов на вопрос о предпринимаемых усилиях в области экологической и социальной ответственности в сочетании с вариантом самоопределения по признаку «устойчивый», «зеленый» или «нейтральный» (рис. 2). Примечательно, что ряд экологических практик имеют одинаковую популярность во всех группах (коэффициент вариации показателя «доля практикующих в группе» – менее 10%): меры по экономии энергии – в среднем 79%, по экономии воды – 67%, информирование гостей – 65%, использование экотранспорта (велосипедов, электромобилей и проч.) – 22%.

Можно сделать вывод, что рекомендации экспертов, в том числе в виде целей устойчивого развития ООН, не вносят сегодня значительного вклада в формирование экологической повестки отечественных средств размещения. Основной ее принцип – тактическая экономическая выгода. Уместно в этой связи процитировать ответ собственника городского парк-отеля из Иркутска: *«Реализуется то, что рационально и целесообразно как для сохранения природной среды, так и [для] комфорта гостей».*

Вопрос о причинах, по которым средство размещения не реализует мероприятия по охране природы и обеспечению социальной устойчивости, не требовал обязательного ответа, поэтому свое мнение обозначили лишь 51% респондентов (табл. 3). Примечательно, что ответившие были из всех категорий: относящие свой отель и к «зеленым», и к «устойчивым», и не принадлежащие пока к этим двум группам.

Таким образом, важным механизмом стимулирования отечественной индустрии туризма к формированию «зеленого» турпродукта является получение сотрудниками специальных знаний – как в области экологии, так и в области экономики и экологического менеджмента – в процессе профессионального образования (основного, дополнительного, повышения квалификации), а эффективным инстру-

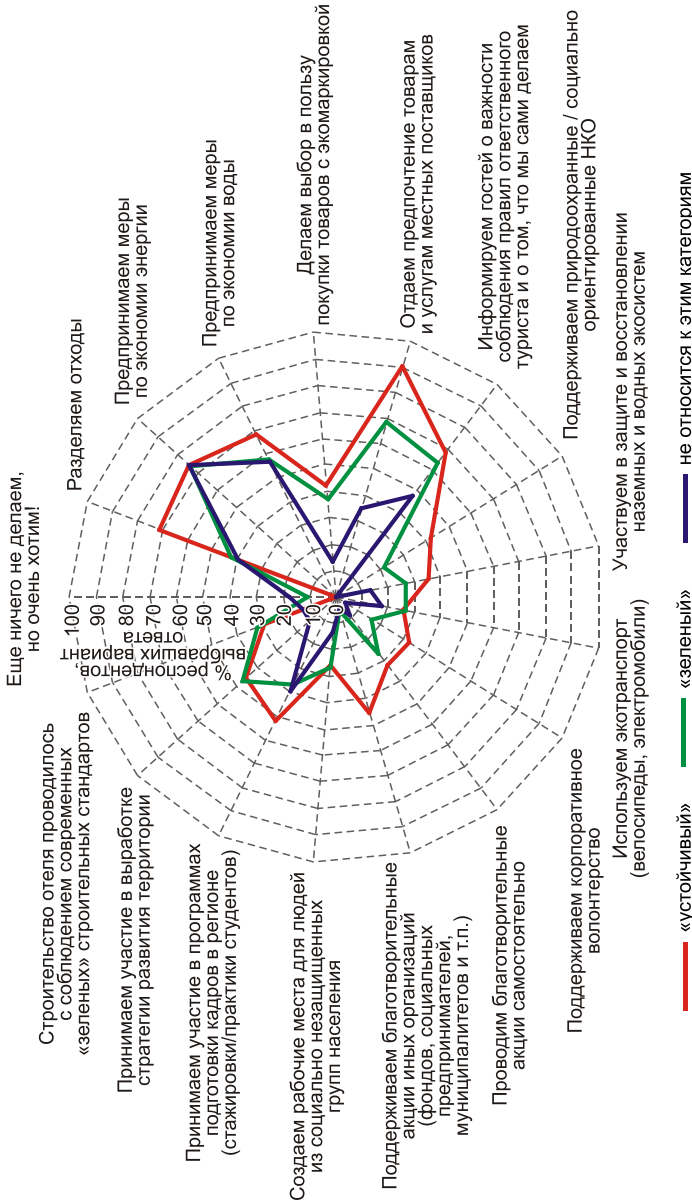

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Что вы уже делаете в отеле, чтобы он был/стал “устойчивым”/“зеленым”?», сгруппированные по признаку самоидентификации принадлежности к исследуемым категориям

Источник: составлено авторами

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если ваш отель/санаторий/кемпинг не реализует мероприятия по охране природы и социальной устойчивости, то почему?»

Причина, по которой средство размещения не реализует мероприятия по охране природы и социальной устойчивости	Доля в общей выборке, %	В том числе из относящих себя к категории	
		«зеленые»	«устойчивые»
Нет специальных знаний	23	21	19
Слишком высокие дополнительные затраты	19	32	6
Не считаем это приоритетом для себя и своих клиентов	5	0	3

Источник: составлено авторами.

ментом становится формирование банка лучших практик отечественных средств размещения в данной сфере. Эти меры позволят в том числе преодолеть представление о природоохранной деятельности как о затратах, а не экономически эффективных действиях. Как отметил эксперт в ответе на открытый вопрос о причинах, затрудняющих переход отелей к деятельности на принципах устойчивости и экологической ответственности: *«Незнание того, что это приводит еще и к экономии»*.

Приведем ряд ответов на упомянутый выше открытый вопрос, дающих более глубокое понимание причин (см. табл. 3), по которым средство размещения не практикует мероприятия по охране природы и обеспечению социальной устойчивости: *«Нехватка у сотрудников и управленцев знаний и рабочего времени для внедрения принципов устойчивости»; «Низкий уровень осведомленности о принципах, необходимость делать над собой усилие для внедрения новых практик»; «Мало информации; хлопотно и затратно внедрять инициативы; трудности с выбором ответственных сотрудников для реализации зеленых инициатив»; «Небольшое количество успешных практик внедрения вышеуказанных принципов, низкая осведомленность,*

вовлеченность и заинтересованность кадров на местах»; «Отсутствие четкого, прозрачного и понятного алгоритма внедрения принципов устойчивого развития. Отсутствие в широком доступе достаточно понятной информации по принципам»; «Большие затраты на внедрение нового оборудования, правил, закупок. Неочевидная польза таких затрат в перспективе, отсутствие льгот, притока клиентов, связанных с внедрением экоповестки в бизнесе»; «Это в любом случае требует времени и денег, выгода не сиюминутная. Сознание наших сотрудников и гостей недостаточно прокачено в вопросах экологии и ESG-устойчивости».

Какие инструменты и механизмы, по мнению опрошенных сотрудников туриндустрии, могут стимулировать отечественный туристский бизнес к формированию «зеленого» турпродукта? Респондентам было предложено выбрать только один вариант ответа из списка или предложить свой вариант (рис. 3). Представленный в анкете перечень мер можно считать в полной степени актуальным, так как немногочисленные сформулированные самостоятельно ответы

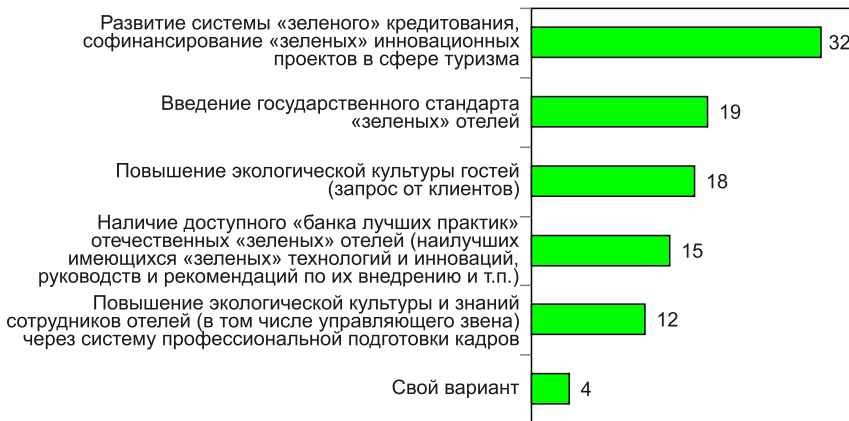

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что, по вашему мнению, будет в наибольшей степени способствовать увеличению числа “зеленых” отелей в России?», %

Источник: составлено авторами

вносили незначительные нюансы или объединяли несколько из вариантов, предложенных в анкете.

С отрывом лидирует запрос (почти каждый третий ответ) на государственную финансово-экономическую политику поддержки движения отечественной туриндустрии к деятельности на принципах экологичности и «устойчивости». Результаты ответов на данный вопрос можно проиллюстрировать размышлениями респондентов об основных препятствиях для перехода отечественного турбизнеса на принципы устойчивости и экологической ответственности: *«Нет комплексного государственного подхода, в том числе финансовой поддержки»*; *«Отсутствие программ поддержки малого и среднего бизнеса для внедрения принципов устойчивого развития в регионах»*; *«Отсутствие механизмов заинтересованности»*; *«Нет системы поддержки экономической. Слабая культура (нет спроса)»*; *«Отсутствие информационной базы и отсутствие свободных средств для перехода в устойчивость и экологичность»*.

Согласно Отчету об устойчивых путешествиях за 2023 год, опубликованному онлайн-сервисом Booking.com⁵, 65% путешественников чувствовали бы себя лучше, остановившись в конкретном отеле, если бы знали, что у него есть сертификат экологичности или экомаркировка (исследование этого феномена представлено, например, в работах [24; 26]). Ответы на вопрос нашей анкеты: *«Считаете ли вы необходимым введение российской системы сертификации “устойчивых”, “зеленых” отелей, учитывающей специфику гостиничного бизнеса России?»* позволяют оценить, с одной стороны, готовы ли российские средства размещения соответствовать мировым тенденциям спроса туристов [7] и, с другой стороны, считают ли они ин-

⁵ См.: *Sustainable Travel Report 2023 / Booking.com.* – URL: <https://globalnews.booking.com/download/31767dc7-3d6a-4108-9900-ab5d11e0a808/booking.com-sustainable-travel-report2023.pdf> (дата обращения: 15.06.2024).

Следует отметить, что в указанном исследовании путешественники из нашей страны не принимали участие, так как в марте 2022 г. сервис Booking.com покинул российский рынок. Однако анализ результатов аналогичных исследований компании за предыдущие годы говорит о том, что в целом показатели, характеризующие российский сегмент потребителей туруслуг, находятся на среднем уровне или незначительно ниже.

струменты стандартизации и сертификации действенными в современных условиях нашей страны. На этот вопрос 67% экспертов ответили «да», 18% не видят в этом необходимости, 15% затруднились ответить. Таким образом, такой инструмент упорядочивания и верификации усилий в сфере достижения экологичности и «устойчивости» средств размещения, как национальная признаваемая система сертификации, считают необходимым большинство экспертов, хотя далеко не единодушно. По нашему мнению, это не только соответствует запросам туристов, но и является актуальным ответом на ситуацию, когда деятельность наиболее значимых международных органов сертификации в области устойчивого туризма в России ограничена, приостановлена или прекращена⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ результатов опроса позволил выявить следующие особенности применения практик социальной и экологической ответственности в российском туристическом бизнесе:

1) отечественные средства размещения практикуют в основном мероприятия, приносящие прямую экономическую выгоду за счет сокращения потребляемых ресурсов (экономия энергии и воды отметили соответственно 74 и 67% респондентов), а также наименее затратные в денежном, организационном и трудовом выражении (предпочтение товарам и услугам местных поставщиков отметили 67% опрошенных, информирование и просвещение гостей – 60%, участие в программах подготовки кадров, в частности стажировки/практики студентов, – 52% респондентов);

2) разделение отходов носит менее популярный характер, несмотря на то что также приносит прямую экономическую выгоду, так как, во-первых, требует значительных организационных и матери-

⁶ См.: Рубанова Н.И., Шагаров Л.М. Опрос посетителей природных дестинаций как инструмент подготовки к сертификации или подтверждения сертификата устойчивости туристской территории // Туризм: право и экономика. – 2023. – № 1. – С. 10–15. DOI: 10.18572/1813-1212-2023-1-10-15.

альных вложений в реорганизацию существующей на предприятии процедуры обращения с отходами, во-вторых, из-за отсутствия или слабой развитости инфраструктуры РСО. Явно формулируется запрос на развитие региональной информационной, организационной и производственной инфраструктуры рационального и эффективного обращения с отходами;

3) рекомендации экспертов, в том числе в виде целей устойчивого развития ООН, не вносят сегодня значительного вклада в содержание экологической повестки отечественных средств размещения. Основной принцип ее формирования – тактическая экономическая выгода.

Причины, препятствующие ESG-трансформации отечественного турбизнеса, лежат в сфере как оказания, так и потребления туристских услуг:

1) около четверти опрошенных специалистов указывают на недостаток профессиональных знаний как на главное препятствие в реализации экологических и социально ответственных инициатив, в то время как примерно пятая часть респондентов считают основной проблемой слишком высокие сопутствующие расходы;

2) наши соотечественники не предъявляют достаточного спроса на «зеленый» и «устойчивый» турпродукт и не проявляют желания при необходимости платить за него дороже, не демонстрируют массовую приверженность экологичному поведению во время путешествия – так видят ситуацию отельеры, непосредственно работающие с гостями.

Выявлены необходимые, но сегодня недостаточно эффективно действующие механизмы и инструменты поощрения предложения продуктов устойчивого туризма. С отрывом лидирует запрос на государственную финансово-экономическую политику поддержки движения отечественной туристической индустрии к деятельности на принципах экологичности и социальной ответственности. Это может быть «зеленое» кредитование, поддержка экоинвестиций и экоинноваций [11], программы поддержки малого и среднего бизнеса, составляющего основу индустрии туризма.

Важным фактором успешного движения отечественной туристической отрасли к созданию «зеленого» туристического продукта является наличие у сотрудников специализированных знаний в области экологии, экономики и менеджмента, которое должно быть обеспечено через различные формы профессионального обучения (базового, дополнительного, повышения квалификации), предлагаемые отечественной системой профессионального образования.

Эффективным инструментом в этом процессе может стать создание базы данных лучших практик отечественных средств размещения, реализующих свою деятельность на ESG-принципах. Такие меры помогут изменить восприятие природоохранной и социально ориентированной деятельности: с рассмотрения ее в качестве затратных мероприятий на понимание ее как экономически выгодной стратегии.

Такой инструмент упорядочивания и верификации усилий в сфере достижения экологичности и «устойчивости» средств размещения, как национальная признаваемая система сертификации, полагают необходимым большинство экспертов (67%), что соответствует запросам туристов и текущей геополитической ситуации.

В целом приходится констатировать, что в нашей стране практический переход на принципы устойчивого развития туризма осуществляется медленно. Фактическое положение дел очень точно охарактеризовано в одном из ответов на вопрос об основных причинах, затрудняющих переход средств размещения к деятельности на принципах устойчивости и экологической ответственности. Собственник глэмпинга в Карелии ответил: *«Отсутствие понимания, зачем это нужно бизнесу. Отсутствие понимания, важно ли это туристу. Отсутствие понимания, что это вообще такое».*

Полученные результаты и выводы могут быть востребованы как научная и информационная основа для разработки стратегий и программ устойчивого развития туризма на федеральном, региональном и местном уровнях, а также для формирования маркетинговых и производственных стратегий и планов экологически ответственных предприятий туристической индустрии.

*Работа выполнена в рамках государственного задания
Института природно-технических систем по теме
«Фундаментальные и прикладные исследования закономерностей
и механизмов формирования региональных изменений природной среды
и климата под влиянием глобальных процессов в системе
океан-атмосфера» (№ госрегистрации 124013000609-2)*

Список источников

1. Блам Ю.Ш., Блам И.Ю. К вопросу о развитии экотуризма в России // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 301–317. DOI: 10.15372/REG20200312.
2. Брусенцева Ю.А., Белоусова С.Н., Ерзулева Д.А. Влияние сферы туризма на экономическое развитие регионов // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 5. – С. 118–127. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-5-118-127.
3. Варивода В.С. Туризм как приоритетное направление пространственного развития регионов Российской Федерации // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 5 (102). – С. 56–65. DOI: 10.5281/zenodo.7394993.
4. Виноградов Е.С. Теоретические аспекты внедрения экологических инноваций в гостиничном бизнесе // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – Т. 9, № 4 (60). – С. 27–34.
5. Гудкова Н.К. Анализ проблем и рисков активизации опасных природных процессов при реализации масштабных инвестиционных проектов в регионах рекреационно-туристской специализации // Социально-экономические проблемы курортов России: Сб. науч. тр. – Сочи: Сочинский научно-исследовательский центр РАН, 2013. – С. 126–132.
6. Гудкова Н.К., Матова Н.И. Влияние крупнейших международных спортивных мероприятий на устойчивое развитие ООПТ и практики обращения с отходами // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий: Сб. ст. VII Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., Сочи, 01–03 октября 2020 года. – Сочи: Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Природный орнитологический парк в Имеретинской низменности», 2020. – Т. 7. – С. 123–131.
7. Духовная Л.Л. Сравнительный анализ использования концепции eco-friendly в российской и зарубежной практике гостиничного бизнеса // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14, № 2 (89). – С. 51–62. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10205.
8. Кружалин В.И., Меньшикова Т.Н., Кружалин К.В. Стратегическое планирование как основа устойчивого развития туризма в регионах Российской Федерации // Географический вестник. – 2022. – № 1 (60). – С. 136–149. DOI: 10.17072/2079-7877-2022-1-136-149.
9. Матова Н.И. Оценка условий и факторов повышения экологичности туристского продукта отечественной и мировой туристической индустрии // Сервис в Рос-

сии и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 3 (100). – С. 21–33. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-3-21-33.

10. *Матова Н.И.* Учет аспекта общественной безопасности при разработке и реализации крупных инвестиционных проектов туристской направленности // Туризм: право и экономика. – 2015. – № 3. – С. 9–13.

11. *Мишулина С.И.* Направления совершенствования системы государственного стимулирования инноваций в индустрии туризма // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14, № 3 (90). – С. 69–85. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10305.

12. *Мишулина С.И.* Устойчивое потребление и производство туристского продукта в российских документах стратегического планирования // Туризм и национальные проекты Российской Федерации: Мат. междунар. науч.-практ. конф., Сочи, 03–06 октября 2022 года. – Сочи: ФИЦ «Субтропический научный центр Российской академии наук», 2022. – С. 352–361.

13. *Мишулина С.И., Молчанова В.А.* Зеленые кластеры как инструмент экологизации туризма // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 2 (114). – С. 179–205. DOI: 10.15372/REG20220208.

14. *Морозов М.А., Морозова Н.С.* ESG-трансформация предприятий туристской и гостиничной индустрии // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 2 (99). – С. 86–93. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-2-86-93.

15. *Оборин М.С.* Отрицательные последствия массового туризма для принимающих территорий // Сервис Plus. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 18–26. DOI: 10.24411/2413-693X-2020-10103.

16. *Полухина А.Н.* Перспективы устойчивого развития туризма в регионах России // Инновационное развитие экономики. – 2022. – № 5 (71). – С. 127–134. DOI: 10.51832/2223798420225127.

17. *Рассохина Т.В.* Системная оптимизация функционирования корпоративных структур в туристской индустрии на основе ESG-трансформации // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 5 (102). – С. 30–37. DOI: 10.5281/zenodo.7394494.

18. *Сарян А.А.* Природные ресурсы как фактор производства регионального туристского продукта и формирования туристских направлений // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3 (116). – С. 562–587. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.562-587.

19. *Ситкевич Д.А.* Ресурсы и барьеры развития внутреннего туризма в российских регионах: опыт Дагестана // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. – 2024. – Т. 59, № 1. – С. 203–220. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-10.

20. *Фролова Е.В., Розач О.В.* Ограничения и перспективы развития внутреннего туризма в регионах России // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 208–219. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-16.

21. *Шагаров Л.М., Матова Н.И.* Ответственный туризм на особо охраняемых природных территориях Краснодарского края // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества. – Краснодар: Краснодарское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», 2021. – Вып. 11. – С. 133–136.

22. *Assipova Zh.M., Pazylkhaiyr B., Karataye D.* Best examples of tourism environmental management at the destinations: Integrative literature review // Экономическая серия Вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – 2022. – № 4. – С. 258–271.

23. *Berbeka K., Alejziak W., Berbeka J.* Sustainable development goals of Agenda 2030 in the declarations and aims of international tourism organisations // Journal of Travel and Tourism Marketing. – 2024. – No. 41 (1). – P. 142–153. DOI: 10.1080/10548408.2023.2239862.

24. *Hellmeister A., Richins H.* Green to gold: Beneficial impacts of sustainability certification and practice on tour enterprise performance // Sustainability. – 2019. – No. 11. – 709. DOI: 10.3390/su11030709.

25. *Irani F., Kiliç H., Adeshola I.* Impact of green human resource management practices on the environmental performance of green hotels // Journal of Hospitality Marketing and Management. – 2022. – No. 31 (5). – P. 570–600. DOI: 10.1080/19368623.2022.2022554.

26. *Martinez Garcia de Leaniz P., Herrero Crespo A., Gomez Lopez R.* Customer responses to environmentally certified hotels: The moderating effect of environmental consciousness on the formation of behavioral intentions // Journal of Sustainable Tourism. – 2018. – No. 26 (7). – P. 1160–1177. DOI: 10.1080/09669582.2017.1349775.

Информация об авторах

Рубанова Наталья Ивановна (Россия, Сочи) – кандидат экономических наук, заведующая лабораторией экономики природопользования и экологии ФГБНУ «Институт природно-технических систем» (филиал) (354024, Сочи, Курортный просп., 99/18). E-mail: lej06@yandex.ru.

Рассохина Татьяна Васильевна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, доцент, проректор по развитию программ магистратуры и аспирантуры Российской международной академии туризма (141420, Московская обл., г.о. Химки, мкр. Сходня, ул. Горького, 7). E-mail: rassohina@rmat.ru.

Саар Викторья Сергеевна (Россия, Москва) – кандидат географических наук, руководитель Комитета по развитию устойчивого туризма РСТ; руководитель направления «Туризм и гостеприимство» АНО «Энергия развития», ГК «Росатом» (119017, Москва, ул. Большая Ордынка, 24). E-mail: vssaar@rosatom.ru.

Шагаров Лев Мерабович (Россия, Сочи) – кандидат географических наук, директор по охране окружающей среды и устойчивому развитию НАО «Курорт «Красная Поляна» (354392, Сочи, Адлерский р-н, с. Эстосадок, ул. Горная Карусель, 5). E-mail: lev049@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20250109

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 224–248

N.I. Rubanova, T.V. Rassokhina, V.S. Saar, L.M. Shagarov

**ENVIRONMENTAL TRANSFORMATION
OF THE RUSSIAN HOSPITALITY INDUSTRY:
CURRENT STATE ASSESSMENT AND INCENTIVE
TOOLS IDENTIFICATION
(based on expert survey results)**

The relevance of this study stems from the need to accelerate the transition of the Russian tourism industry, particularly the accommodation sector, to the principles of sustainable development. This transition emphasizes the rational use of resources, preservation of cultural values, and engagement of local communities. The study aims to identify challenges and determine the conditions and tools necessary for promoting ESG principles in the Russian tourism sector. The focus of the research is on the current level of environmentalization (“greening”) in domestic accommodation facilities, as well as the factors that hinder or stimulate the industry’s transition toward eco-friendliness and sustainable development. The study methodology involved a survey of accommodation industry representatives, including owners, managers, and line staff, from various regions of the Russian Federation. A total of 73 questionnaires were collected and analyzed. Additionally, data from open sources, including information on tourists’ preferences regarding sustainable tourism, were utilized.

The results indicate that, at present, Russian accommodation facilities primarily implement measures that yield direct savings of resources such as energy and water. However, expert organizations’ recommendations have minimal influence on their “green” agenda. The main obstacles include a lack of domain-specific knowledge, concerns about high costs, insufficient incentives, and low demand for ecotourism products among tourists. The study revealed a strong demand for state support and the creation of a “best ESG practices” repository of in tourism. Most respondents expressed support for establishing a national certification system for eco-friendly and sustainable accommodation facilities.

The conclusions and recommendations of this study can be used by government bodies to develop relevant policies, as well as by industry associations and accommodation managers in formulating sustainable development strategies.

Keywords: sustainable tourism; green tourist product; accommodation facilities; survey; ESG principles; environmental initiatives

For citation: *Rubanova, N.I., T.V. Rassokhina, V.S. Saar & L.M. Shagarov. (2025). Ekologicheskaya transformatsiya rossiyskoy industrii gostepriimstva: otsenka tekushchego sostoyaniya i vyyavlenie instrumentov stimulirovaniya (po rezultatam ekspertnogo oprosa) [Environmental transformation of the Russian hospitality industry: Current state assessment and incentive tools identification (based on expert survey results)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 224–248. DOI: 10.15372/REG20250109.*

The study was funded by the state assignment of the Institute of Natural and Technical Systems on the theme “Fundamental and applied studies of regularities and mechanisms of formation of regional changes in the natural environment and climate under the influence of global processes in the ocean-atmosphere system” (state registration No. 124013000609-2)

References

1. *Blam, Yu.Sh. & I.Yu. Blam. (2020). K voprosu o razvitiy ekoturizma v Rossii [On the development of ecotourism in Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (107), 301–317. DOI: 10.15372/REG20200312.*
2. *Brusentseva, Yu.A., S.N. Belousova & D.A. Erpuleva. (2023). Vliyanie sfery turizma na ekonomicheskoe razvitiye regionov [The impact of tourism on the economic development of regions]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management], Vol. 13, No. 5, 118–127. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-5-118-127.*
3. *Varivoda, V.S. (2022). Turizm kak prioritetnoe napravlenie prostranstvennogo razvitiya regionov Rossiyskoy Federatsii [Tourism as a priority direction for spatial development of the regions of the Russian Federation]. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad], Vol. 16, No. 5 (102), 56–65. DOI: 10.5281/zenodo.7394993.*
4. *Vinogradov, E.S. (2015). Teoreticheskie aspekty vnedreniya ekologicheskikh innovatsiy v gostinichnom biznese [Theoretical aspects of the introduction of ecological innovations in the hospitality industry]. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad], Vol. 9, No. 4 (60), 27–34.*
5. *Gudkova, N.K. (2013). Analiz problem i riskov aktivizatsii opasnykh prirodnykh protsessov pri realizatsii masshtabnykh investitsionnykh proektov v regionakh rekreatsionno-turistskoy spetsializatsii [Analysis of problems and risks of hazardous natural processes during the implementation of large-scale investment projects in recrea-*

tion-tourism specialized regions]. In: *Sotsialno-ekonomicheskie problemy kurortov Rossii*: Sb. nauch. tr. [Socio-economic Problems of Russian Resorts: Collected Papers], Sochi Research Center of the RAS, 126–132.

6. *Gudkova, N.K. & N.I. Matova.* (2020). Vliyanie krupneyshikh mezhdunarodnykh sportivnykh meropriyatiy na ustoychivoe razvitie OOPT i praktiki obrashcheniya s otkhodami [The impact of major international sporting events on sustainable development of protected areas and waste management practices]. In: *Ustoychivoe razvitie osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy*: Sb. st. VII Vseros. (nats.) nauch.-prakt. konf., Sochi, 01–03 oktyabrya 2020 goda [Sustainable Development of Specially Protected Natural Areas: Collection of Articles from the VII All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Sochi, October 1–3, 2020], Vol. 7. Sochi, State Budgetary Institution of Krasnodar Krai “Natural Ornithological Park in the Imereti Lowlands”, 123–131.

7. *Dukhovnaya, L.L.* (2020). Sravnitelnyy analiz ispolzovaniya kontseptsii eco-friendly v rossiyskoy i zarubezhnoy praktike gostinichnogo biznesa [Eco-friendly concept in Russian and foreign hotel business practice: A comparative analysis]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad], Vol. 14, No. 2 (89), 51–62. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10205.

8. *Kruzhalin, V.I., T.N. Menshikova & K.V. Kruzhalin.* (2022). Strategicheskoe planirovanie kak osnova ustoychivogo razvitiya turizma v regionakh Rossiyskoy Federatsii [Strategic planning as a basis for sustainable tourism development and the preservation of cultural heritage in the regions of the Russian Federation]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin], 1 (60), 136–149. DOI: 10.17072/2079-7877-2022-1-136-149.

9. *Matova, N.I.* (2022). Otsenka usloviy i faktorov povysheniya ekologichnosti turistskogo produkta otechestvennoy i mirovoy industrii [Assessment of the conditions and factors of increasing the environmental friendliness of the tourist product of the domestic and world tourism industry]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad], Vol. 16, No. 3 (100), 21–33. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-3-21-33.

10. *Matova, N.I.* (2015). Uchet aspekta obshchestvennoy bezopasnosti pri razrabotke i realizatsii krupnykh investitsionnykh proektov turistskoy napravlenosti [Consideration of public safety in development and implementation of major tourism-related investment projects]. *Turizm: pravo i ekonomika* [Tourism: Law and Economics], 3, 9–13.

11. *Mishulina, S.I.* (2020). Napravleniya sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo stimulirovaniya ekoinnovatsiy v industrii turizma [Improvement directions of the state stimulation system of eco-innovations in tourism industry]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad], Vol. 14, No. 3 (90), 69–85. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10305.

12. *Mishulina, S.I.* (2022). Ustoychivoe potreblenie i proizvodstvo turistskogo produkta v rossiyskikh dokumentakh strategicheskogo planirovaniya [Sustainable consumption and production of tourism products in Russia’s strategic planning documents]. In: *Turizm i natsionalnye proekty Rossiyskoy Federatsii*: Mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sochi, 03–06 oktyabrya 2022 goda [Tourism and National Projects of the Russian Federation: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Sochi, October 3–6, 2022]. Sochi, Subtropical Scientific Centre RAS, 352–361.

13. *Mishulina, S.I. & V.A. Molchanova.* (2022). Zelenye klastery kak instrument ekologizatsii turizma [Green clusters as a tool for greening tourism]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (114), 179–205. DOI: 10.15372/REG20220208.

14. *Morozov, M.A. & N.S. Morozova.* (2022). ESG-transformatsiya predpriyatiy turistskoy i gostinichnoy industrii [ESG-transformation of the tourism and hotel industry]. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad], Vol. 16, No. 2 (99), 86–93. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-2-86-93.

15. *Oborin, M.S.* (2020). Otritsatelnye posledstviya massovogo turizma dlya prinyamayushchikh territoriy [Negative consequences of mass tourism for host territories]. Servis Plus [Service Plus], Vol. 14, No. 1, 18–26. DOI: 10.24411/2413-693X-2020-10103.

16. *Polukhina, A.N.* (2022). Perspektivy ustoychivogo razvitiya turizma v regionakh Rossii [Prospects for sustainable tourism development in Russian regions]. Innovatsionnoe razvitie ekonomiki [Innovative Economic Development], 5 (71), 127–134. DOI: 10.51832/2223798420225127.

17. *Rassokhina, T.V.* (2022). Sistemnaya optimizatsiya funktsionirovaniya korporativnykh struktur v turistskoy industrii na osnove ESG-transformatsii [The corporate structures systemic optimization in the tourism industry based on ESG-transformation]. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad], Vol. 16, No. 5 (102), 30–37. DOI: 10.5281/zenodo.7394494.

18. *Saryan, A.A.* (2021). Prirodnye resursy kak faktor proizvodstva regionalnogo turistskogo produkta i formirovaniya turistskikh napravleniy [Natural resources as a factor in production of a regional tourist product and in creation of tourist destinations]. Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 29, No. 3 (116), 562–587. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.562-587.

19. *Sitkevich, D.A.* (2024). Resursy i baryery razvitiya vnutrennego turizma v russiyskikh regionakh: opyt Dagestana [Resources and barriers to the development of internal tourism in Russian regions: Evidence from Dagestan]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin], Vol. 59, No. 1, 203–220. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-10.

20. *Frolova, E.V. & O.V. Rogach.* (2023). Ogranicheniya i perspektivy razvitiya vnutrennego turizma v regionakh Rossii [Limitations and development prospects of domestic tourism in Russian regions]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], Vol. 19, No. 1, 208–219. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-16.

21. *Shagarov, L.M. & N.I. Matova.* (2021). Otvetstvennyy turizm na osobu okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh Krasnodarskogo kraya [Responsible tourism in protected areas of Krasnodar Krai]. In: Vestnik Krasnodarskogo regionalnogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva [Bulletin of the Krasnodar Regional Branch of the Russian Geographical Society], Iss. 11. Krasnodar, Krasnodar Regional Branch of the All-Russian Public Organization “Russian Geographical Society”, 133–136.

22. *Assipova, Zh.M., B. Pazylkhaiyr & D. Karataye.* (2022). Best examples of tourism environmental management at the destinations: Integrative literature review. Ekonomicheskaya seriya Vestnika ENU im. L.N. Gumileva [Economic Series of the Bulletin of L.N. Gumilyov ENU], 4, 258–271.

23. *Berbeka, K., W. Alejziak & J. Berbeka.* (2024). Sustainable development goals of Agenda 2030 in the declarations and aims of international tourism organisations.

Journal of Travel & Tourism Marketing, 41 (1), 142–153. DOI: 10.1080/10548408.2023.2239862.

24. *Hellmeister, A. & H. Richins.* (2019). Green to gold: Beneficial impacts of sustainability certification and practice on tour enterprise performance. *Sustainability*, 11, 709. DOI: 10.3390/su11030709.

25. *Irani, F., H. Kiliç & I. Adeshola.* (2022). Impact of green human resource management practices on the environmental performance of green hotels. *Journal of Hospitality Marketing and Management*, 31 (5), 570–600. DOI: 10.1080/19368623.2022.2022554.

26. *Martinez García de Leaniz, P., A. Herrero Crespo & R. Gomez Lopez.* (2018). Customer responses to environmentally certified hotels: The moderating effect of environmental consciousness on the formation of behavioral intentions. *Journal of Sustainable Tourism*, 26 (7), 1160–1177. DOI: 10.1080/09669582.2017.1349775.

About Authors

Rubanova, Natalia Ivanovna (Sochi, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Laboratory of Environmental Economics and Ecology, Institute of Natural and Technical Systems (branch) (99/18, Kurortny Ave., Sochi, 354024, Russia). E-mail: lelj06@yandex.ru.

Rassokhina, Tatiana Vasilievna (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Vice-Rector for Graduate and Postgraduate Studies at the Russian International Academy for Tourism (7, Gorky St., Skhodnya Mkr., Khimki, Moscow Oblast, 141420, Russia). E-mail: rassokhina@rmat.ru.

Saar, Victoria Sergeevna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Geography), Head of the Committee for the Development of Sustainable Tourism, Russian Union of Travel Industry; Director of Tourism and Hospitality, Energy of Development Autonomous Non-Profit Organization, Rosatom State Corporation (24, Bolshaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russia). E-mail: vssaar@rosatom.ru.

Shagarov, Lev Merabovich (Sochi, Russia) – Candidate of Sciences (Geography), Director for Environmental Protection and Sustainable Development, Krasnaya Polyana NAO Resort (5, Gornaya Karusel St., Estosadok Village, Adler District, Sochi, 354392, Russia). E-mail: lev049@mail.ru.

Поступила в редколлегию 20.06.2024.

После доработки 17.10.2024.

Принята к публикации 23.10.2024.

УДК 339.98

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 249–276

А.С. Новоселов

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассмотрены основные результаты и перспективные направления исследований отдела регионального и муниципального управления ИЭОПП СО РАН, включающие методологические основы системы стратегического планирования и управления, принципы и структурные элементы формирования новой модели управления социально-экономическими процессами региона в контексте глобальных экономических трансформаций, основные элементы нового механизма стратегического управления экономикой, обоснование моделей управления развитием российских регионов в условиях геополитических и экономических вызовов и угроз.

В результате анализа и обобщения институциональных аспектов деятельности государственных и муниципальных органов власти выявлены особенности современной структуры управления, предложены направления формирования целостной системы управления региональным и муниципальным развитием, а также основные элементы механизма государственного и муниципального управления в новых условиях социально-экономического развития Российской Федерации. Рассмотрены основные положения концепции регионального и муниципального управления в современных условиях, включающие учет экономических интересов и противоречий развития экономики региона, анализ взаимодействия государственных и рыночных структур, разработку институциональной системы управления региональным развитием, оценку эффективности управления экономикой региона, анализ формирования соци-

ально-экономической среды, позволяющей усилить конкурентоспособность экономики городов и районов на основе повышения инвестиционной привлекательности и эффективного использования бюджетных средств, что создаст предпосылки для перехода к модели управления, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности и повышения роли муниципальных образований в реализации экономической стратегии развития регионов.

Ключевые слова: регион; муниципальное образование; управление; институциональная структура; стратегическое планирование; эффективность управления

Для цитирования: Новоселов А.С. Развитие методологии теоретических и прикладных исследований проблем регионального и муниципального управления // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 249–276. DOI: 10.15372/REG20250110.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

За более чем полувековой период отдел регионального и муниципального управления ИЭОПП СО РАН внес существенный вклад в теоретико-методологические исследования проблем управления социально-экономическим развитием регионов, регионального стратегического планирования и региональной политики¹. В результате многолетних исследований коллективом сотрудников отдела сформированы основы сибирской научной школы регионального и муниципального управления, результаты исследований опубликованы в серии коллективных и авторских монографий².

¹ Исследования выполнялись под руководством д.э.н. Р.И. Шнипера (до 1995 г.), д.э.н. В.Е. Селиверстова и д.э.н. А.С. Новоселова (с 1995 г. по настоящее время) [2; 4; 11; 14–16; 21].

² См.: *Регион: проблемы планирования и управления* / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Кисельников А.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – 392 с.; *Субъекты Федерации и города Сибири в системе государственного*

В рамках сибирской научной школы регионального и муниципального управления выполнены крупные циклы исследований и практических разработок проблем регионального воспроизводства, закономерностей механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов на территории, объективных условий и принципов управления социально-экономическими процессами региона, региональных предплановых разработок, программно-целевого подхода к управлению экономикой региона, проведены исследование конкурентных позиций регионов, влияния экономики знаний на экономический рост и инновационное развитие регионов, анализ социальных и эколого-экономических аспектов регионального развития, исследование внешнеэкономической деятельности регионов³.

В результате анализа и обобщения институциональных аспектов деятельности государственных и муниципальных органов управления, схем и процедур регионального планирования и прогнозирования выявлены закономерности развития и характерные особен-

и муниципального управления / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Пушкарев В.М. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. – 420 с.; *Управление социально-экономическими процессами региона* / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Кисельников А.А. и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 300 с.; *Ларина Н.И.* Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с.; *Новоселов А.С.* Рыночная система региона: проблемы теории и практики. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – 567 с.; *Василенко В.А.* Устойчивое развитие регионов: подходы и принципы. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 208 с.

³ См.: *Пространственный аспект стратегии социально-экономического развития региона* / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Василенко В.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – 406 с.; *Конкурентоспособность и стратегические направления развития региона* / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ковалева Г.Д. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 527 с.; *Новоселов А.С.* Регион: теория и практика управления экономикой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2011. – 466 с.; *Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе* / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ковалева Г.Д. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 400 с.; *Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе* / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Унтура Г.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2012. – 408 с.

ности современной структуры управления, разработаны направления формирования целостной системы управления региональным и муниципальным развитием, предложены основные элементы механизма государственного и муниципального управления. Разрабатываются научные положения концепции регионального и муниципального управления в современных условиях, предполагающие учет экономических интересов и противоречий развития экономики региона, анализ взаимодействия государственных и рыночных структур, формирования институциональной системы регионального управления, оценку эффективности управления экономикой региона, создание социально-экономической среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики городов и районов на основе повышения инвестиционной привлекательности и эффективного использования бюджетных средств, задействования финансового потенциала регионов и муниципальных образований, формирования региональной инфраструктуры, решения социальных и эколого-экономических проблем, развития внешнеэкономической деятельности регионов.

В ходе предыдущего цикла исследований были представлены результаты анализа проблем стратегического планирования и управления в субъектах Российской Федерации и муниципалитетах (от постановки проблемы к законодательному решению), предложен комплексный подход к исследованию конкурентных преимуществ региона, включающий диагностику развития экономики региона, оценку региональной конкурентной среды, анализ развития инфраструктуры, выявление рыночных взаимосвязей в региональной экономической системе, анализ межрегиональных и международных связей, разработку направлений социально-экономического развития регионов в рамках новой парадигмы природоохранной деятельности. Результаты исследований нашли отражение в подготовке стратегий и программ социально-экономического развития регионов и муниципальных образований Сибири⁴. Наиболее значимыми результатами работы отдела являются следующие:

⁴ См.: Новоселов А.С., Маршалова А.С., Кулаев А.П. Методологические положения разработки стратегий и программ социально-экономического развития муниципальных образований. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 84 с.;

- систематизация методологических принципов регионального и муниципального управления, выявление объективных условий и особенностей управления региональным воспроизводством (с учетом сравнительного анализа теорий и концепций регионального управления, сформировавшихся в экономической науке);
- разработка методологических основ и методического аппарата для моделирования процессов управления экономикой муниципальных образований как сложных управляемых систем, создание программного комплекса имитационной модели стратегического развития муниципальных образований на базе экономико-математического анализа;
- теоретико-методологическое обоснование институциональной структуры системы управления, обеспечивающей реализацию стратегических целей и задач регионального и муниципального управления с опорой на исследования закономерностей механизма взаимодействия субъектов региональной экономики;
- разработка научных основ формирования институциональной среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики городов и позволяющей создать необходимые условия для укрепления финансового потенциала и устойчивого развития регионов и муниципальных образований;

Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Суспицын С.А. и др.; под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 487 с.; Региональное и муниципальное управление: проблемы теории и практики / Новоселов А.С., Унтура Г.А., Ковалев А.Е. и др.; под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. – 424 с.; Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием / Новоселов А.С., Маршалова А.С., Бурматова О.П. и др.; под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 496 с.; Управление социально-экономическим развитием регионов Сибири / Новоселов А.С., Ковалева Г.Д., Гулакова О.И. и др.; под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 420 с.

- выявление особенностей различных форм государственного регулирования на региональном уровне, включающих бюджетное, налоговое регулирование, целевое финансирование, определение условий создания и функционирования предприятий на территории;
- обоснование функций региональных органов власти, определение необходимых условий для формирования нового механизма и организационных структур управления экономикой регионов и муниципальных образований на базе нового методологического подхода к классификации функций и результатов деятельности органов государственной власти субфедерального уровня;
- обоснование кластерного подхода к региональному управлению, обеспечивающего усиление конкурентных преимуществ территориальных образований, с учетом выявления высокоинтегрированных территориально-отраслевых и региональных структур, объективно взаимосвязанных за счет общности экономических интересов и необходимости их реализации в жесткой конкурентной среде;
- структуризация элементов новой системы стратегических планово-прогнозных документов, обеспечивающих единство и взаимосвязь между различными уровнями управления: федеральным, региональным и муниципальным;
- построение модели управления, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности и повышения активности муниципальных образований в реализации экономической стратегии;
- изучение тенденций в сфере развития науки и инноваций, национальной и региональной инновационных систем, исследование влияния экономики знаний на экономический рост и инновационное развитие регионов;
- анализ проблем социальной инфраструктуры, качества жизни, пространственных особенностей и инвестиционно-бюджетных условий социальной инфраструктуры регионов и муниципальных образований;

- исследование проблем охраны окружающей среды, формирования региональной природоохранной стратегии, прогнозирования экологических последствий хозяйственной деятельности в регионе;
- обобщение методологии и методики разработки региональных программ с позиций задач управления внешнеэкономическими связями субъектов Федерации, анализ проблем региональной внешнеэкономической деятельности, взаимосвязей регионов с внешним экономическим пространством;
- разработка предложений по повышению эффективности управленческих решений, направленных на создание благоприятных условий для развития предпринимательства в регионах.

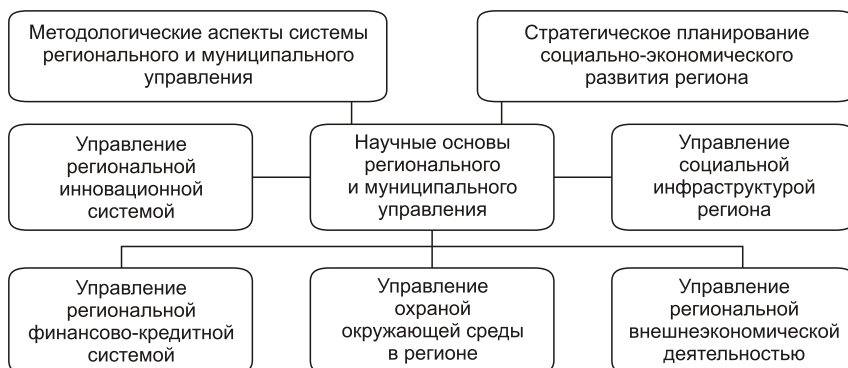
В данной статье представлены перспективные исследования от-дела, развивающие указанные работы.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Одним из главных направлений исследований является разработка *научных основ концепции регионального и муниципального управления в контексте развития цифровой экономики и информационного общества*, предполагающих учет экономических интересов и противоречий региональной системы, анализ взаимодействия государственных и рыночных структур, обоснование институциональной системы управления региональным развитием, оценку эффективности управления экономикой региона, анализ формирования социально-экономической среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики городов и районов на базе кластерного подхода к управлению, повышения инвестиционной привлекательности и эффективного использования бюджетных средств, что позволяет создать предпосылки для перехода к модели управления, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности и повышения активности муниципальных образований в реализации экономической стратегии развития регионов с учетом социальных и экологических требований.

Предложены основные блоки концепции регионального и муниципального управления, включающие: методологические проблемы разработки системы регионального и муниципального управления (анализ закономерностей формирования системы регионального и муниципального управления, учет интересов и противоречий субъектов регионального воспроизводства, анализ формирования институциональной среды социально-экономического развития региона, оценка эффективности системы управления); стратегическое планирование социально-экономического развития региона (моделирование социально-экономических процессов, прогнозирование, информационное обеспечение, разработка системы стратегических планово-прогнозных документов); управление региональной инновационной системой (анализ тенденций в сфере развития науки и инноваций, национальной и региональной инновационных систем); управление социальной инфраструктурой региона (оценка качества жизни в регионе, анализ развития здравоохранения и капитала здоровья, изучение пространственных особенностей и инвестиционно-бюджетных условий социальной инфраструктуры); управление региональной финансово-кредитной системой (анализ финансовых потоков в экономике региона, формирования региональных финансово-кредитных институтов); управление охраной окружающей среды в регионе (формирование региональной природоохранной стратегии, прогнозирование экологических последствий хозяйственной деятельности при размещении производства в регионе); управление региональной внешнеэкономической деятельностью (анализ взаимосвязей региона с внешним экономическим пространством, экономико-статистическая характеристика внешней торговли региона, исследование структуры распределения экспорта и импорта региона по географическим направлениям) (см. рисунок).

Важнейшим результатом исследований является разработка методологических аспектов системы регионального и муниципального управления. В ходе анализа были классифицированы этапы и направления исследований проблем управления экономикой региона, включающие системный подход к управлению экономикой региона, стратегическое планирование и управление процессами формирования экономической системы региона, управление межрегиональными товарными, финансовыми и информационными потоками, управле-

Основные блоки концепции регионального и муниципального управления

Источник: составлено автором

ние процессами интеграции регионов в единую экономическую систему. Обоснованы принципы управления экономикой регионов, а именно принцип государственно-частного партнерства, принцип комплексного подхода, принцип экономической эффективности, кластерный подход и принцип межрегионального взаимодействия, связанные с сохранением единого экономического пространства и реализацией конкурентных возможностей.

В процессе анализа современного состояния регионального и муниципального управления выявлены основные элементы институциональной системы региона, недостаточно подготовленные к переходу к новой модели регионального управления, проанализированы полномочия органов власти в рамках иерархической структуры территориального управления, систематизированы законодательно-правовые нормы экономического, социального и финансового характера и показана их роль в достижении целей и выполнении задач комплексного социально-экономического развития региона. Исследование институциональной системы управления экономикой региона включало анализ различных форм и методов воздействия на внешнюю среду функционирования бизнеса, которая определяет правила поведения экономических субъектов и устанавливает параметры, в границах которых обеспечивается согласование интересов частного бизнеса и общества в целом.

На основе составления матрицы экономических интересов проанализированы проблемы согласования интересов региональных, муниципальных органов управления и хозяйствующих субъектов, которые затрагивают всю систему институциональных условий развития экономики региона. В целях исследования экономических интересов и их учета в структуре институциональной системы управления экономикой региона все субъекты сгруппированы в следующие подсистемы: предприятия и организации различных форм собственности; региональные и муниципальные органы управления; федеральные органы управления и государственного регулирования. При этом при разработке механизма управляющих воздействий исследовано влияние экономических, административных и правовых норм регулирования на развитие региона.

Структура институциональной системы управления стратегическим развитием региона и его муниципальных образований представлена как совокупность трех взаимосвязанных подсистем: организационных структур, планово-прогнозных документов, определяющих стратегические направления развития, и инструментов воздействия на региональное социально-экономическое развитие. На основе анализа функций управления разработана схема институциональной структуры управления пространственным развитием субъекта РФ, включающая законодательные и исполнительные органы власти регионального и муниципального уровней, а также ряд функциональных подсистем, обеспечивающих антимонопольное, денежно-кредитное, налоговое, валютно-финансовое и контрольно-нормативное регулирование.

Исследование позволило обосновать необходимость формирования новых институциональных структур – органов управления, включая исполнительные органы государственной власти субъекта РФ, ответственные за реализацию пространственной и инвестиционной политики, советы по вопросам формирования территориальных кластеров, структурные подразделения муниципальных районов, городских округов, ответственные за реализацию градостроительной политики и пространственное развитие. Главной задачей новых институциональных структур должна стать организация взаимодействия исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам развития экономического потенциала терри-

тории во всех сферах деятельности, формирования территориальных социально-экономических кластеров, оптимизации системы расселения и организации предоставления социальных и инфраструктурных услуг.

Исследования показали, что в структуре институциональных элементов нового механизма управления развитием обширных территорий субъектов Российской Федерации необходимы органы управления, обладающие реальными полномочиями и ресурсами, которые должны стать союзниками муниципальных органов власти в вопросах рационального пространственного развития. Реализация стратегических документов развития территорий требует формирования специальных органов управления пространственным развитием крупных городских агломераций, планировочных районов и подрайонов. Сегодня такие органы отсутствуют.

Важным результатом стали разработанные научные основы формирования институциональной среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики регионов, укрепление финансового потенциала и устойчивое развитие регионов и муниципальных образований. Исследованы факторы институциональной среды и проводимой региональной политики с учетом имеющихся конкурентных возможностей районов и особенностей формирования региональных кластеров (на примере Новосибирской области). При этом формирование региональных кластеров представлено в рамках экономических зон, выделенных в схеме территориального планирования области. На основе кластерного подхода сформулированы проблемы развития муниципальных районов, а также выявлены эффективные точки роста, их специализация и экономические связи. Проведена оценка влияния элементов институциональной среды и инструментов реализации региональной политики на формирование благоприятного инвестиционного климата, модернизацию экономики и повышение уровня жизни населения муниципальных образований. В связи с этим особое внимание уделено вопросам повышения эффективности управления экономикой, методам разработки стратегических планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Разработаны методологические основы и методический аппарат для моделирования процессов стратегического планирования и прогнозирования развития экономики регионов и муниципальных образований как сложных институциональных систем. Построена балансово-оптимизационная экономико-математическая модель, позволяющая прогнозировать ключевые показатели развития муниципального образования. В модели выделены взаимосвязанные блоки, отражающие различные аспекты жизнедеятельности муниципального образования: демографический блок, экономический блок, блок жилищно-коммунальных услуг, блок образования, блок здравоохранения, блок потребления. Сделан анализ всего цикла использования модели, включая возможности получения вводной статистической информации, особенности использования модели и скорость получения конечного результата. В экономико-математической модели отражены в динамике изменения, происходящие в моделируемом муниципальном образовании в ответ на определенные виды управленческих воздействий. На основе модели проверена гипотеза о том, что развитие региона и муниципального образования осуществляется в процессе финансово-бюджетных циклов, в каждом из которых принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета не только в следующем году, но и в последующие годы, а также сказывающиеся на качественных нефинансовых показателях развития региона. Проведена серия прогнозных расчетов по распределению средств бюджета муниципального образования с использованием оптимизационной модели динамического моделирования⁵.

Исследование показало, что модель может использоваться для прогнозирования социально-экономических показателей развития городов и регионов при условии ее адаптации с учетом отраслевой и пространственной структуры региона. В целях практического при-

⁵ В исследовании принимали участие к.э.н. Е.А. Гайдук и к.э.н. А.Е. Ковалев.

менения модели и получения результатов, которые могли бы использоваться при разработке долгосрочных стратегических прогнозов для городов и регионов, предложены направления дальнейшего методического совершенствования модели, а также сформулированы рекомендации по расширению состава показателей, подвергающихся оптимизации, и по приведению показателей модели в соответствие с перечнем показателей оценки качества регионального и муниципального управления [3; 8].

Формирование новой модели регионального управления в условиях цифровой экономики и соответствующей информационной среды для целей стратегического планирования должно быть ориентировано на перспективу и отвечать следующим требованиям: обобщение и анализ информации о текущем положении в регионе, а также объективная оценка имеющихся ресурсов; формирование единого информационного обеспечения разработки сценариев экономического и социального развития региона; возможность корректировать показатели сценариев развития региона, а также отслеживать влияние этих корректировок на развитие в целом и на каждую сферу экономики в отдельности на основе достоверной информации; научное обоснование приоритетных направлений социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. Перечень задач в сфере цифровизации управления должен быть дополнен задачами обеспечения надежности и безопасности информационных систем, повышения независимости технологической инфраструктуры от иностранного оборудования и иностранных программных продуктов, системной организации подготовки кадров для цифровой экономики, стандартизации взаимодействия создаваемых и существующих информационных федеральных и региональных систем, перехода на использование единых классификаторов, реестров, справочников и форматов взаимодействия во всех сферах, ускоренной реформы контрольно-надзорной деятельности.

Созданная в ИЭОПП СО РАН база знаний и спроектированная на ее основе система подготовки данных позволяют разрабатывать новый инструментарий для поиска взаимосвязей межотраслевых и межрегиональных экономических показателей регионов и их прогнози-

рования⁶. Для использования в моделях панельных данных региональных статистических показателей осуществлено преобразование исходного набора данных в трехмерный формат, который позволяет учесть пространственные и временные зависимости в панельных данных. Так, данные представляются в виде трехмерного массива, где оси соответствуют регионам, временным лагам и признакам. Данный алгоритм позволяет использовать исторические значения временного ряда в качестве входных данных для прогнозирования будущих значений. Такой формат данных подходит для обучения различных моделей машинного обучения применительно к задачам прогнозирования временных рядов.

На основе матрицы выявленных взаимосвязей между показателями построены модели машинного обучения и нейронных сетей. В результате сравнения различных моделей прогнозирования, проведенного в данном исследовании, выявлено, что модель продемонстрировала наилучшее качество прогнозов. Таким образом, по результатам анализа можно сделать вывод, что для получения более точных прогнозов требуется значительное увеличение вычислительных мощностей и времени.

В результате выполненных исследований создана и апробирована информационная система, представляющая собой взаимосвязанную совокупность средств, методов и моделей, используемых для хранения, обработки и выдачи информации в интересах достижения поставленной цели – создания базы знаний для разработки сценариев развития социально-экономических систем Азиатской России на основе взаимодействия природно-ресурсного, технологического и человеческого потенциалов, обеспечения институциональной, инвестиционной и инфраструктурной гармонии. В рамках информационной системы разработана база данных, в которой исходя из анализа потока данных сформированы две ее разновидности: структурированная и неструктурированная базы данных. Созданы инструменты, позволяющие работать с базами данных, включающие сбор и хранение данных, поиск, фильтрацию, экспорт, первичную обработку и др. [10].

⁶ Исследование выполнено группой сотрудников под руководством к.э.н. А.В. Костина.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПОДСИСТЕМАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Проблемы управления региональной инновационной подсистемой.

Проведен анализ основных показателей научного и инновационного потенциала в стране и регионах Сибири, позволяющий выявить тенденции роста или снижения кадрового и ресурсного обеспечения науки, результативности научно-технологической и инновационной деятельности, сформировавшиеся под воздействием мер, предусмотренных в стратегических документах научно-технологического развития, проектах реформ науки и высшего образования, а также в результате действия рыночных сил и процессов самоорганизации в высокотехнологичном секторе промышленности⁷.

Выявленные тенденции различаются в разных географических частях страны и поэтому могут конкретизировать проблемные ситуации и угрозы, которые возникают в регионах России, несмотря на принятые в целом для страны стратегические документы для повышения уровня инновационного развития. Проведено сравнение уровней инновационного развития регионов и федеральных округов Российской Федерации, в том числе продемонстрировано изменение позиций регионов Сибири по отдельным показателям научного потенциала и результатов инновационной деятельности на фоне страны и других федеральных округов. Кроме того, осуществлен многоаспектный анализ (факторный и кластерный), который на основе ретроспективных данных статистики науки и инноваций позволил выявить значимость комплексных факторов региональной инновационной системы, выступавших регулируемыми параметрами инновационной политики регионов для реализации стратегических документов. В частности, при факторном анализе принимались во внимание целевые установки инновационной стратегии России. В этой стратегии на первом этапе намечалось развитие сектора исследований и разработок, и прежде всего опережающее развитие фундаментальной науки, а на втором этапе акцент сместился на определение перспективных направлений технологического развития и увеличение

⁷ Исследование выполнено д.э.н. Г.А. Унтурой и д.э.н. М.А. Каневой.

объема инвестиций в такие проекты. В Стратегии научно-технологического развития РФ предусмотрены развитие человеческого капитала и использование созданных технологических заделов, реализация которых могла уже повлиять на показатели развития науки и инноваций регионов в последующие годы. Прикладной аспект анализа показателей регионов по уровню инновационного развития имеет важное значение для разработки дифференцированных инструментов научной, инновационной и технологической политики по типам макрорегионов и субъектов РФ и Сибири. В связи с этим предполагается построить типологии регионов Сибири и РФ по уровню развитости инновационных систем на основе кластерного анализа показателей, характеризующих науку и инновации.

Выявлен ряд негативных тенденций, мешающих ускорению интеграции российской инновационной системы в мировую экономику. Среди них – недостаточно высокая инвестиционная активность компаний, низкий спрос на инновации, низкая абсорбционная способность территорий и значимые различия в технологической структуре регионов, которые с учетом огромных расстояний между регионами затрудняют переток знаний и личные контакты исследователей. В условиях ограниченности финансовых ресурсов, снижения численности персонала, занятого исследованиями и разработками, недостаточно быстрых темпов создания новых отечественных технологий сохраняются существенная дифференциация между регионами в инновационной деятельности и угроза технологического отставания большинства регионов РФ и СФО. В Сибири также имеется угроза снижения ресурсного обеспечения академических исследований и разрыва в уровне инновационного развития между многофункциональными, креативными регионами и слабыми периферийными. Вместе с тем повышение эффективности региональных инновационных систем с учетом их научной и технологической специализации возможно посредством формулирования инновационной политики для групп однородных субъектов Федерации и активной абсорбции знаний [6; 7; 19; 22].

Управление социальной инфраструктурой региона, развитием здравоохранения и капитала здоровья. Проведен анализ системы по-

казателей и выявлены ключевые проблемы развития социальной инфраструктуры как составляющей условий и качества жизни населения субъектов РФ, сделана оценка положения регионов Сибири и Дальнего Востока на фоне других территорий страны⁸. Социальная инфраструктура рассматривается в контексте качества жизни населения как важнейшая составляющая условий жизни в регионе. Проанализировано воздействие фактора пространства на особенности расселения и территориальной организации местного самоуправления в регионах РФ, а также выявлена связанная с этим специфика структурных характеристик региональной социальной инфраструктуры. На основе анализа объективных (имеющаяся мощность и специализация объектов, транспортная доступность) и субъективных (административно-правовые, финансовые и другие ограничения) факторов показано, что многие проблемы и особенности развития отраслей социальной инфраструктуры восточных и северных территорий России связаны с небольшим размером муниципальных образований, значительными и труднопреодолимыми расстояниями между населенными пунктами.

Установлено, что при дисперсной системе расселения с небольшими масштабами объектов необходимой инфраструктуры (требуемой по условиям транспортной и временной доступности) как число объектов социальной инфраструктуры, так и удельные финансовые затраты региональных бюджетов в расчете на одного жителя существенно выше, чем на территориях субъектов с высокой плотностью населения. Соответственно, в расходах бюджета сокращается инвестиционная составляющая развития, имеется меньше возможностей для поддержки экономики, однако учет и отражение таких пространственных зависимостей в системе межбюджетных отношений пока еще являются серьезной проблемой.

В ходе работы выявлены проблемы, связанные с адекватным отображением характеристик социальной инфраструктуры в системах комплексного оценивания региональных условий жизни в субъектах РФ. Охарактеризованы позиции субъектов Сибирского и Дальневос-

⁸ Исследование выполнено к.э.н. Т.Г. Ратьковской.

точного федеральных округов в рейтингах АСИ 2021–2022 гг. Отмечено, что Сибирский федеральный округ – единственный из восьми федеральных округов РФ, чьи регионы за два года ни разу не попали в Топ-20 субъектов рейтинга АСИ. Анализ выявил существенное изменение числа и характера показателей обеспеченности социальной инфраструктурой в сторону их сокращения, возрастание значимости показателей субъективной удовлетворенности населения, высокую дифференциацию характеристик пространственной доступности объектов инфраструктуры.

Нерешенность ряда методологических и методических проблем осложняет оценку уровня развития и состояния объектов и отраслей социальной инфраструктуры, затрудняет проведение адекватного регионального сопоставительного анализа. Однако факторы пространства пока еще не получили достаточного отражения в существующих системах оценивания и построения рейтингов. Отмечено, что внимание, уделяемое в рейтинге АСИ использованию организационно-управленческих резервов повышения качества жизни, должно сопровождаться более полным учетом специфики пространственных факторов регионального развития в системе межбюджетных отношений [12; 13].

Выполнено исследование проблем сектора здравоохранения, его роли в экономическом развитии регионов РФ и возможностей ускорения темпов роста через инвестиции в капитал здоровья⁹. Основным методом исследования остается эконометрическое моделирование на мезо- и микроуровне. Исследование темпов регионального роста расходов на здравоохранение в зависимости от уровня человеческого капитала методом пороговой регрессии позволило эмпирически рассчитать порог, который соответствует доле в 38% занятых с высшим образованием в общем числе занятых в регионе, для группировки регионов, финансирующих здравоохранение с учетом уровня человеческого капитала. Рассчитаны два режима пороговой регрессии (выше и ниже порога), определен вклад расходов на здравоохранение в темпы регионального роста. В режиме выше порога участвуют три

⁹ Исследование выполнено д.э.н. М.А. Каневой.

региона: г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург. Подбор наиболее адекватной модели показал, что регионы однородны по траекториям развития, нет порогов в уровне человеческого капитала. Регионы, находящиеся в режиме выше порога, характеризуются более высоким качеством медицинской помощи, меньшим временем ожидания приема специалистов, более современной инфраструктурой. Отрицательный вклад расходов на здравоохранение регионов, находящихся в режиме выше порогового значения человеческого капитала, в прирост подушевого ВРП позволяет сделать вывод об «избыточности» и неэффективности инвестиций в здоровье в данных субъектах Федерации в терминах их альтернативной стоимости, измеряемой с точки зрения упущенной возможности. Это означает, что в условиях ограниченности финансовых ресурсов частичное перераспределение затрат на здравоохранение из названных субъектов в другие регионы могло бы укрепить здоровье населения и впоследствии привести к более высоким объемам производства товаров и услуг. В целом, при наличии двусторонних связей между рынком труда и здоровьем населения политика, нацеленная на сохранение и наращивание капитала здоровья, должна проводиться совместными усилиями министерств труда и здравоохранения [18].

Анализ проблем управления охраной окружающей среды в регионе. Исследования показали, что сложившаяся в России система государственного управления в сфере охраны окружающей среды, технологическое состояние экономики, экологическое право и другие аспекты институциональной среды требуют серьезной трансформации для обеспечения эффективного решения имеющихся в экологической сфере проблем¹⁰. Первостепенными задачами на этом пути являются: стимулирование активизации инвестиций в импортозамещение; создание стимулирующих эффектов для экологических инвестиций; технологическая суверенизация экономики на базе наилучших доступных технологий; усиление экономического механизма экологического регулирования, экологического мониторинга и особенно экологического контроля; введение реальной ответственности ком-

¹⁰ Исследование выполнено д.э.н. О.П. Бурматовой.

паний за нарушение (или несвоевременное соблюдение) установленных экологических требований; реальное внедрение стратегических методов планирования и управления эколого-экономическим развитием; поиск новых источников поставок и рынков сбыта, реструктурирование логистических цепочек; декарбонизация экспортно ориентированных отраслей промышленности, реализация отечественного природного потенциала поглощения парниковых газов и др. Реально ощутимая нагрузка на экономику России может быть связана с глобальной политикой перехода к углеродной нейтральности. И здесь не обойтись без активизации декарбонизации экономики и внедрения зеленых технологий как в энергетику, так и в промышленность, транспорт и сельское хозяйство.

В целом, сложившаяся в России система государственного управления в сфере охраны окружающей среды, технологическое состояние экономики, экологическое право и другие аспекты институциональной среды требуют серьезной трансформации для эффективного выполнения стоящих в экологической сфере задач. Предстоит колоссальная работа государственных органов и бизнес-сообщества по формированию необходимых технологических, законодательных, организационных, информационно-аналитических и других условий такой трансформации [1; 17].

Исследование проблем управления региональной внешнеэкономической деятельностью включает оценку текущего состояния внешнеэкономической деятельности, условий и возможностей ее реализации: инфраструктуры (транспортная доступность, современная логистика, связь, система финансовых расчетов, внешнеторговая инфраструктура и др.), сферы регулирования и контроля¹¹.

В контексте стратегии развития национального рынка, ориентации на рост внутреннего спроса на отечественные товары и рост их предложения сохраняет актуальность расширенное участие регионов в интеграционных процессах. На фоне дальнейшего расширения экспорта по-прежнему важно совершенствование товарной и географической структуры как экспорта, так и импорта. Для этого необходимо

¹¹ Исследование выполнено к.э.н. Г.Д. Ковалевой, к.э.н. О.И. Гулаковой и к.э.н. А.В. Костиным.

- законодательно запретить сложившуюся практику регистрации крупных компаний экспортно ориентированных отраслей вне регионов – производителей экспортной продукции;
- продолжить дальнейшее снижение зависимости экономики регионов от мировых цен на импортные товары, расширение импортозамещения на фоне освоения новых сегментов мирового рынка, решение острой проблемы импортозамещения по товарной группе машин, оборудования и транспортных средств;
- обеспечить переход от декларативного провозглашения к практической реализации потенциала экономического сотрудничества Сибирского федерального округа с КНР и странами Центральной Азии;
- реформировать практику торговли сырьевыми товарами и продукцией низкой степени переработки через офшоры (желательно законодательно запретить);
- обеспечить достижение общественных региональных эффектов от реализации крупных инфраструктурных проектов международного значения на территории Сибири;
- расширить использование налоговой системы в качестве эффективного инструмента для снижения доли теневого сектора государства и регионов [5; 9; 20].

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цель перспективных исследований состоит в получении новых научных знаний в области региональной экономики и в разработке научных основ моделей развития и систем регионального и муниципального стратегического планирования и управления в Российской Федерации с учетом адаптации к вызовам, угрозам и технологическим трендам первой половины XXI в. (на примере регионов и городов Сибири).

В первую очередь будут учитываться современные тенденции влияния глобальных экономических процессов на потенциал страны, в связи с которыми управленческие модели развития российских регионов нуждаются в серьезных трансформациях, предполагающих

повышение их устойчивости в таких аспектах, как использование специальных механизмов государственного регулирования экономики, выбор оптимального соотношения долговременных и текущих планов и программ развития, объединение трансформирующихся институциональных элементов в единую систему управления. Особое внимание будет уделено новым моделям управления развитием российских регионов, которые должны обеспечить создание необходимых условий для ускорения социально-экономического развития территорий, усиление комплексного подхода в стратегическом планировании для сбалансированного и пропорционального развития региональной экономики, выбор приоритетов регионального стратегического планирования с учетом новых реалий, включая решение проблем импортозамещения, формирования новых логистических цепочек, переориентации экспортно-импортных связей регионов.

Будут рассмотрены различные аспекты стратегического регионального и муниципального планирования и управления в их единстве и взаимодополнении (новые институциональные механизмы регионального и муниципального управления, планирование и управление внешнеэкономической деятельностью в регионах, управление развитием социальной инфраструктуры, системы здравоохранения и охраной окружающей среды).

Предполагается развить концептуальные основы системы стратегического планирования и управления, включающие методологические принципы и структурные элементы формирования новой модели управления социально-экономическими процессами региона в контексте глобальных экономических трансформаций, а также усовершенствовать структуризацию элементов нового механизма стратегического управления экономикой в целях адаптации регионального и муниципального планирования к новым условиям. Важная роль отводится обоснованию моделей управления развитием российских регионов, обеспечивающих условия для реальной экономической самостоятельности и повышения активности территорий в условиях глобальной турбулентности и геополитических и экономических вызовов и угроз. Планируется сформировать предложения по адаптации стратегических планово-прогнозных разработок к новой системе пуб-

личного управления, обеспечивающей единство и взаимосвязь между различными уровнями власти – федеральным, региональным и муниципальным, а также подготовить рекомендации по повышению эффективности стратегических управленческих решений, направленных на создание благоприятных институциональных условий для развития экономики региона и использование специальных механизмов государственного регулирования.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Бурматова О.П. Методология и инструментарий анализа эколого-экономических аспектов регионального развития. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. – 441 с.
2. Винярски Б., Шнипер Р.И., Новоселов А.С. Воспроизводственный аспект планового управления региональными системами. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1989. – 52 с.
3. Гайдук Е.А., Ковалев А.Е. Методика балансово-оптимизационного моделирования на муниципальном уровне // Труды Гранберговской конференции: Сб. докл. Междунар. конф., посвящен. 80-летию со дня рождения акад. А.Г. Гранберга, «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность». – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 332–339.
4. Гайдук Е.А., Ковалева Г.Д. Муниципальное образование в системе программного управления. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 230 с.
5. Гулакова О.И., Ковалева Г.Д. Концепция развития внешней торговли Азиатской России как важнейшего фактора ее экономического развития // Новый импульс Азиатской России / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. – Гл. 7. – С. 269–288.
6. Инновационный вектор экономики знания / Евсеенко А.В., Унтура Г.А., Канева М.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2011. – 277 с.
7. Канева М.А., Унтура Г.А. Модели оценки влияния экономики знаний на экономический рост и инновации регионов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. – 255 с.
8. Ковалев А.Е. Перспективы формирования информационного пространства регионального уровня в условиях цифровой экономики // Мир экономики и управления. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 94–115.

9. Ковалева Г.Д., Костин А.В. Опыт оценки влияния внешних факторов на региональную торговлю России на примере Сибирского федерального округа // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 1. – С. 51–59.
10. Костин А.В. База знаний как инструментарий решения задач в экономической, социальной и производственной сферах. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – 159 с.
11. Маришолова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства. – М.: Экономика, 1998. – 192 с.
12. Ратковская Т.Г. Социальная инфраструктура в региональных рейтингах качества жизни населения РФ // ЭКО. – 2024. – № 3. – С. 113–133.
13. Ратковская Т.Г. Социальная инфраструктура Сибири: вопросы исследования и развития. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2010. – 175 с.
14. Селиверстов В.Е. Сибирская школа стратегического планирования / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 199 с.
15. Шнипер Р.И. Регион: диагностика и прогнозирование. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1996. – 135 с.
16. Шнипер Р.И., Новоселов А.С. Региональные проблемы рынковедения: экономический аспект. – Новосибирск: Наука, 1993. – 442 с.
17. Burmatova O. Conceptual foundations of creating sustainable development strategy of smart cities: Environmental aspect // Smart Grid Analytics for Sustainability and Urbanization. – Hershey: IGI Global, 2018. – Ch. 2. – P. 27–72.
18. Kaneva M.A. Income inequality and health self-assessment in Russia // Problems of Economic Transition. – 2022. – Vol. 63, Iss. 1-3. – P. 77–91.
19. Kaneva M., Untura G., Zabolotsky A. The impact of geographical, technological, and cognitive proximities on knowledge creation in the Russian regions // Journal of the Knowledge Economy. – 2023. – Vol. 14, Iss. 2. – P. 11355–11387.
20. Kovaleva G.D., Kostin A.V. Assessing the impact of external effects on trade in the regions of the Siberian Federal District // Regional Research of Russia. – 2018. – Vol. 8, No. 4. – P. 354–363.
21. Marshalova A.S., Novoselov A.S. Methodological problems of formation of a new system of regional governance // Regional Research of Russia. – 2013. – Vol. 3, Iss. 1. – P. 82–88.
22. Untura G.A. The knowledge economy and digitalization: Assessing the impact on economic growth of Russian regions // Regional Research of Russia. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 397–406.

Информация об авторе

Новоселов Александр Сергеевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

(630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail:
asnov@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20250110

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 249–276

A.S. Novoselov

**DEVELOPING A METHODOLOGY
FOR THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH
ON REGIONAL AND MUNICIPAL MANAGEMENT ISSUES**

The article examines the main results and prospective research directions of the Department of Regional and Municipal Administration at the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, including the methodological foundations of the strategic planning and management system, the principles and structural elements for forming a new model of managing a region's socio-economic processes in the context of global economic transformations, the key components of a new strategic management mechanism for the economy, and the justification of management models for the development of Russian regions under geopolitical and economic challenges and threats.

Through the analysis and synthesis of institutional aspects of state and municipal authorities' activities, the study identifies the features of the modern management structure and proposes directions for establishing a coherent system of regional and municipal development management. It also determines the main elements of the state and municipal governance mechanism under new socio-economic conditions in the Russian Federation. The article discusses the key provisions of the regional and municipal management concept under current conditions, which include considering economic interests and contradictions in regional economic development, analyzing interactions between state and market structures, developing an institutional system for managing regional development, assessing the efficiency of regional economic management, and studying formation of a socio-economic environment that enhances the competitiveness of cities and districts. This is achieved by increasing investment attractiveness and ensuring the effective use of budgetary funds.

These measures will create the prerequisites for transitioning to a management model that ensures real economic autonomy and strengthens the role of municipal entities in implementing regional economic development strategies.

Keywords: region; municipality; management; institutional structure; strategic planning; management efficiency

For citation: *Novoselov, A.S. (2025). Razvitie metodologii teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy problem regionalnogo i munitsipalnogo upravleniya [Developing a methodology for theoretical and applied research on regional and municipal management issues]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 249–276. DOI: 10.15372/REG20250110.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Burmatova, O.P. (2021). Metodologiya i instrumentariy analiza ekologo-ekonomicheskikh aspektov regionalnogo razvitiya [Methodology and Tools for Analyzing the Environmental and Economic Aspects of Regional Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 441.*
2. *Winiarski, B., R.I. Shniper & A.S. Novoselov. (1989). Vosproizvodstvennyy aspekt planovogo upravleniya regionalnymi sistemami [Reproduction Aspect of Planned Regional Systems Management]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 52.*
3. *Gayduk, E.A. & A.E. Kovalev. (2017). Metodika balansovo-optimizatsionnogo modelirovaniya na munitsipalnom urovne [Methodology for balance-optimization modeling at the municipal level]. In: Trudy Granbergovskoy konferentsii: Sb. dokl. Mezhdunar. konf., posvyashchen. 80-letiyu so dnya rozhdeniya akad. A.G. Granberga “Prostranstvennyy analiz sotsialno-ekonomicheskikh sistem: istoriya i sovremennost” [Proceedings of the Granberg Conference. Collection of Papers from the International Conference in memory of Academician A.G. Granberg on the 80th anniversary of his birth. “Spatial analysis of social and economic systems. History and present”]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 332–339.*

4. *Gayduk, E.A. & G.D. Kovaleva.* (2013). *Munitsipalnoe obrazovanie v sisteme programmnoho upravleniya* [Municipal Education in the System of Programme Management]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 230.

5. *Gulakova, O.I. & G.D. Kovaleva.* (2022). *Kontsepsiya razvitiya vneshney trgovli Aziatskoy Rossii kak vazhneyshego faktora ee ekonomicheskogo razvitiya* [Concept of foreign trade development in Asian Russia as a key factor of its economic growth]. In: V.A. Kryukov & N.I. Suslov (Eds.). *Novyy impuls Aziatskoy Rossii* [New Impulse of Asian Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., Ch. 7, 269–288.

6. *Evseenko, A.V., Untura, G.A., M.A. Kaneva et al.* (2011). *Innovatsionnyy vektor ekonomiki znaniya* [Innovation Vector of Knowledge Economy]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 277.

7. *Kaneva, M.A. & G.A. Untura.* (2021). *Modeli otsenki vliyaniya ekonomiki znaniya na ekonomicheskyy rost i innovatsii regionov* [Models for Assessing the Impact of the Knowledge Economy on Economic Growth and Innovation in the Regions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 255.

8. *Kovalev, A.E.* (2022). *Perspektivy formirovaniya informatsionnogo prostranstva regionalnogo urovnya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [Prospects for the formation of the information space of the regional level in the digital economy]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], Vol. 22, No. 4, 94–115.

9. *Kovaleva, G.D. & A.V. Kostin.* (2019). *Opyt otsenki vliyaniya vneshnikh faktorov na regionalnuyu trgovlyu Rossii na primere Sibirskogo federalnogo okruga* [Experience of assessing the influence of external factors on Russian regional trade on the example of the Siberian Federal District]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of New Economy], 1, 51–59.

10. *Kostin, A.V.* (2023). *Baza znaniy kak instrumentariy resheniya zadach v ekonomicheskoy, sotsialnoy i proizvodstvennoy sferakh* [Knowledge Base as a Tool for Solving Problems in the Economic, Social and Production Spheres]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 159.

11. *Marshalova, A.S. & A.S. Novoselov.* (1998). *Osnovy teorii regionalnogo vosproizvodstva* [Fundamentals of Theory of Regional Reproduction]. Moscow, *Ekonomika* Publ., 192.

12. *Ratkovskaya, T.G.* (2024). *Sotsialnaya infrastruktura v regionalnykh reytingakh kachestva zhizni naseleniya RF* [Social infrastructure in regional ratings of the population's quality of life in the Russian Federation]. *EKO* [ECO], 3, 113–133.

13. *Ratkovskaya, T.G.* (2010). *Sotsialnaya infrastruktura Sibiri: voprosy issledovaniya i razvitiya* [Social Infrastructure of Siberia: Issues of Research and Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 175.

14. *Seliverstov, V.E. & V.V. Kuleshov* (Ed.). (2016). *Sibirskaya shkola strategicheskogo planirovaniya* [Siberian School of Strategic Planning]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 199.

15. *Shniper, R.I.* (1996). *Region: diagnostika i prognozirovanie* [Region: Diagnostics and Forecasting]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 135.

16. *Shniper, R.I. & A.S. Novoselov.* (1993). *Regionalnye problemy rynkovedeniya: ekonomicheskii aspekt* [Regional Problems of Market Studies: Economic Aspect]. Novosibirsk, Nauka Publ., 442.

17. *Burmatova, O.* (2018). Conceptual foundations of creating sustainable development strategy of smart cities: Environmental aspect. In: *Smart Grid Analytics for Sustainability and Urbanization* (Ch. 2, pp. 27–72). Hershey, IGI Global Publ.

18. *Kaneva, M.A.* (2022). Income inequality and health self-assessment in Russia. *Problems of Economic Transition*, Vol. 63, Iss. 1-3, 77–91.

19. *Kaneva, M., G. Untura & A. Zabolotsky.* (2023). The impact of geographical, technological, and cognitive proximities on knowledge creation in the Russian regions. *Journal of the Knowledge Economy*, Vol. 14, Iss. 2, 11355–11387.

20. *Kovaleva, G.D. & A.V. Kostin.* (2018). Assessing the impact of external effects on trade in the regions of the Siberian Federal District. *Regional Research of Russia*, Vol. 8, No. 4, 354–363.

21. *Marshalova, A.S. & A.S. Novoselov.* (2013). Methodological problems of formation of a new system of regional governance. *Regional Research of Russia*, Vol. 3, Iss. 1, 82–88.

22. *Untura, G.A.* (2023). The knowledge economy and digitalization: Assessing the impact on economic growth of Russian regions. *Regional Research of Russia*, Vol. 13, No. 3, 397–406.

About Author

Novoselov, Aleksandr Sergeevich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 01.10.2024.

После доработки 22.11.2024.

Принята к публикации 25.11.2024.

© Новоселов А.С., 2025

УДК 338.312

Регион: экономика и социология, 2025, № 1 (125), с. 277–305

Е.В. Потапцева, А.О. Пономарева

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАМКАХ НАЦПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Цифровая трансформация является ключевым фактором повышения производительности российских предприятий. Национальный проект «Производительность труда» направлен на стимулирование роста производительности на уровне предприятий, в том числе за счет внедрения цифровых технологий. В рамках данного проекта функционирует цифровая платформа эффективность.рф, созданная АНО «Цифровые технологии производительности» (ЦТП). Платформа предоставляет предприятиям инструменты для цифровизации бизнес-процессов, помогая оптимизировать производственные цепочки, снизить затраты и повысить эффективность управления.

Цель исследования – оценить результативность работы предлагаемого государством механизма цифровизации, а также уровень его востребованности у предприятий. Предметом исследования являются взаимоотношения предприятий в рамках использования ими цифровой экосистемы эффективность.рф. В исследовании сформулирована гипотеза о необходимости системного и целостного подхода к мерам государственного регулирования и поддержки предприятий в области цифровизации.

В работе использованы методы структурного и динамического анализа данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), цифровых платформ производительность.рф, эффективность.рф и аналитической системы СПАРК-Интерфакс. Для получения обратной связи от предприятий – участников нацпроекта относительно эффективности цифровой платформы проведены полуструктурированные интервью. Проанализированы в динамике показа-

тели результативности цифровой экосистемы *эффективность.рф* за период 2021–2024 гг. Результаты анкетирования предприятий показывают низкую осведомленность о платформе *эффективность.рф* и слабый интерес к ней. Выявлены причины затруднения цифровизации предприятий в рамках данного механизма взаимодействия. Несмотря на наличие отечественных ИТ-решений, многие предприятия не готовы к их использованию или не заинтересованы в этом.

Результаты проведенного исследования могут способствовать поиску путей повышения эффективности взаимодействия предприятий с данной платформой для успешного внедрения цифровых технологий в рамках нацпроекта.

Ключевые слова: цифровизация бизнеса; производительность; эффективность государственных механизмов; национальные проекты

Для цитирования: Потапова Е.В., Пономарева А.О. Цифровая трансформация предприятий Свердловской области в рамках нацпроекта «Производительность труда»: проблемы и перспективы реализации // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 1 (125). – С. 277–305. DOI: 10.15372/REG20250111.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на очевидные преимущества использования цифровых технологий, многие предприятия сталкиваются с трудностями при их внедрении. Причины этого могут быть различными: от недостатка информации о существующих решениях до нехватки квалифицированных специалистов. При этом бытует мнение, что внедрение цифровых технологий является «волшебной пилюлей» для решения всех проблем предприятия.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г.¹ для обеспечения устойчивого экономического развития, укрепления экономического суверенитета государства и достижения высокой эффективности и техно-

¹ См.: Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. 07.05.2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 20.06.2024).

логичности сформулированы следующие национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г., касающиеся в том числе и повышения производительности труда:

1) обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового и выход не позднее 2030 г. на четвертое место в мире по объему валового внутреннего продукта, в том числе за счет роста производительности труда (п. 6а);

2) вовлечение к 2030 г. не менее 40 процентов средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики и 100 процентов государственных и муниципальных организаций социальной сферы в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда (п. 6з).

Вопросы цифровой трансформации предприятий особенно актуальны для Свердловской области, промышленные предприятия которой вносят немалый вклад в экономическое развитие страны. Многие предприятия здесь являются участниками национального проекта «Производительность труда» и могут воспользоваться инструментами, предлагаемыми национальным проектом, внедрить цифровые технологии для повышения производительности.

Исследовательский вопрос нами сформулирован следующим образом: как использование цифровой платформы эффективность.рф предприятиями Свердловской области, участвующими в национальном проекте «Производительность труда», влияет на процесс цифровой трансформации предприятий для повышения производительности труда и какие факторы препятствуют этому процессу?

Цель исследования – анализ взаимодействия предприятий Свердловской области, участвующих в национальном проекте «Производительность труда», с цифровой платформой эффективность.рф, а также выявление факторов, препятствующих внедрению цифровых технологий производительности. Исследование основано на систематизации и изучении мнений и опыта предприятий при взаимодействии с платформой.

Исследуемая проблема в статье сфокусирована на оценке конкретного инструмента цифровой трансформации – цифровой платформы эффективность.рф, используемой в рамках национального

проекта «Производительность труда». Основное внимание уделяется выявлению особенностей взаимодействия предприятий с данной платформой, анализу уровня их удовлетворенности предоставленными сервисами, а также изучению препятствий, с которыми предприятия сталкиваются при внедрении цифровых технологий. В статье рассматривается не только выбор цифровых инструментов повышения производительности труда, предлагаемых в рамках нацпроекта, но и их применение на практике в конкретных условиях. Анализируются причины неудовлетворенности предприятий или их отказа от использования цифровой платформы, а также рассматриваются самостоятельные инициативы цифровизации, реализуемые на предприятиях. Результаты исследования могут способствовать улучшению взаимодействия предприятий с цифровой платформой, что, в свою очередь, приведет к более эффективной цифровой трансформации и повышению производительности на предприятиях.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретические исследования и рейтинги на макроуровне показывают несомненную эффективность использования цифровых технологий. Совершенствование организационных и технологических процессов на производственных предприятиях, снижение издержек производства в современных условиях невозможны без внедрения в деятельность компаний технологических и организационных инноваций. Формирование единого цифрового пространства способствует развитию сетевых взаимодействий, а также трансформирует процессы взаимоотношений между участниками цепочки создания добавленной стоимости.

Применение передовых производственных технологий, в том числе цифровых, с одной стороны, создает ряд экономических преимуществ и выгод для промышленных предприятий и общества в целом, но с другой стороны, повсеместное их развитие порождает определенные риски. Важно учитывать многоаспектность влияния цифровых технологий на общество и экономику.

Под цифровыми технологиями мы понимаем совокупность технологий, направленных на осуществление различных операций с данными. Росстатом они отределяются как «технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде». В основе их работы лежат программные и аппаратные средства и системы, которые востребованы во всех секторах экономики и сферах общественной жизни.

В настоящей статье рассмотрены существующие подходы к феномену цифровизации предприятий, которые условно характеризуют следующие его аспекты: взаимодействие между бизнесом и государством, проблемы и ограничения цифровизации, роль государства в цифровой трансформации.

Взаимодействие между бизнесом и государством. Для успешной цифровизации компаний требуется их активное сотрудничество с государственными органами, образовательными и исследовательскими учреждениями, а также с высокотехнологичными компаниями [10]. Без этого взаимодействия процесс цифровизации замедляется из-за инфраструктурных и институциональных барьеров. Для цифровой экономики характерны новые экономические отношения субъектов, сокращающие длину цепочек посредников. Использование Интернета и информационно-коммуникационных технологий в промышленности ускоряет связи между компаниями, банками, органами власти и потребителями, упрощает сделки купли-продажи, получения кредитов, аренды, уплаты налогов и штрафов и других платежей. Тем самым компании получают огромные возможности для сокращения транзакционных издержек. Но на начальном этапе модернизации и цифровизации производства, его перехода на новые передовые технологии предприятия несут огромные издержки, прежде всего связанные с поиском новых технологических решений, их адаптацией и внедрением в свой производственный процесс, с поиском новых специалистов, переквалификацией и реорганизацией кадрового потенциала [7]. И здесь ключевую роль играет эффективность государства с позиции обеспечения кадров, инфраструктуры, долгих кредитных денег для модернизации традиционных производств и создания новых индустрий.

Проблемы и ограничения цифровизации. Эффекты от внедрения цифровых решений нельзя характеризовать только с положительной стороны – как безусловное преимущество, которое обеспечит конкурентоспособность. В литературе отмечены значительные барьеры для цифровизации, такие как «компьютерный парадокс», который проявляется в том, что внедрение цифровых технологий не всегда может приводить к быстрому росту производительности. К препятствиям относятся низкий уровень подготовки кадров, недостаток инфраструктуры, а также социальные и институциональные ограничения и многое другое.

Так называемый «компьютерный парадокс» обнаружен в конце 1980-х годов Робертом Солоу. В связи с этим парадоксом повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий может не дать существенного и быстрого прироста производительности производства, а даже наоборот, может спровоцировать некий спад, который обусловлен увеличением расходов на адаптацию новых технологических производственных и организационных процессов при внедрении цифровых технологий. Поэтому можно говорить, что имеет место ряд значимых ограничений для внедрения цифровых технологий в промышленности: требуются должный уровень существующих производственных технологий, социальная, институциональная и другие виды инфраструктуры, а также должный уровень подготовки кадров [9].

Наличие и использование цифровой инфраструктуры позволяет компании развернуть локальную корпоративную сеть с доступом в Интернет и дает ряд неоспоримых преимуществ. Цифровая инфраструктура преобразует бизнес-среду, создает новые модели и способы ведения бизнеса, оптимизирует и автоматизирует многие бизнес-процессы. Таким образом, ключевая роль государства в цифровой трансформации экономики сводится к созданию и поддержанию инфраструктуры как на макроуровне, так и на уровне предприятий. Адресные меры цифровизации также показали свою эффективность в мировой практике [8; 9]. Стратегии развития инфраструктуры и цифровизации бизнеса в мире одинаково популярны и не должны

исключать друг друга. В нашей стране секторами – лидерами в сфере цифровизации являются финансовый сектор и сектор государственных услуг. Цифровизация данных секторов, безусловно, представляет собой часть формирования эффективной цифровой среды [6]. Адресные меры цифровизации должны быть направлены непосредственно на внедрение цифровых решений в реальном секторе экономики. Необходимо отметить, что процесс цифровизации начинается с информатизации и организационных процедур компании [1–3].

Цифровизация промышленности и экономики – это объективное настоящее и даже успешное прошлое для многих компаний. Следовательно, все большее значение приобретает создание условий институционального и инфраструктурного характера для обеспечения этого процесса.

Роль государства в цифровой трансформации. Во многих источниках подчеркивается ключевая роль государства в создании и поддержании цифровой инфраструктуры. Государство обеспечивает институциональные условия и реализует системные меры поддержки, которые стимулируют внедрение цифровых технологий. В мировой практике особое внимание уделяется развитию инфраструктуры, в то время как в России акцент делается на поддержку конкретных секторов, таких как промышленный сектор и сектор государственных услуг. Для скорейшего внедрения новых цифровых технологий, современных методов производства и управления, для снятия институциональных и инфраструктурных барьеров цифровизации отраслей необходимо успешное взаимодействие бизнеса и органов власти.

Таким образом, на основе проведенного обзора литературы о механизмах цифровизации в настоящем исследовании сформулирована следующая гипотеза. Меры государственного регулирования и поддержки предприятий в области цифровизации должны осуществляться системно. Адресные меры необходимо подкреплять институциональными преобразованиями в области создания цифровой инфраструктуры, а главное, в области кадрового обеспечения этого процесса [4; 5; 7; 11]. Наибольший эффект от использования цифровых технологий получит экономика, в которой будут «не только хорошо развиты,

с позиции цифровизации, традиционные производства и сфера услуг, но, прежде всего, будут сформированы кооперационные связи между ними»².

В соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 01.09.2023 № 607 «О внесении изменений в приказ Минэкономразвития России от 15 декабря 2020 г. № 828 “Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта “Системные меры по повышению производительности труда”, входящего в структуру национального проекта “Производительность труда”», под «цифровой экосистемой производительности (цифровая экосистема)» понимается совокупность сервисов, типовых решений, организационных и правовых механизмов, действующих в условиях единства клиентских путей и целей по повышению производительности труда и уровня цифровой зрелости³. Основной акцент делается на внедрение российского программного обеспечения, включая инженерное и промышленное, что позволяет предприятиям модернизировать свои производственные процессы и бизнес-процессы для повышения производительности труда.

При этом цифровая зрелость является ключевым показателем успешной цифровой трансформации предприятия в рамках нацпроекта «Производительность труда». Такой подход способствует значительному повышению производительности труда, поскольку оно достигается посредством модернизации управления производственными процессами и бизнес-процессами и позволяет перейти к принятию управленческих решений на основе аналитических данных, что должно обеспечивать более точное, своевременное и обоснованное операционное управление, оптимизацию ресурсов и сокращение издержек предприятия.

² *Перспективы* Индустрии 4.0 и цифровизации промышленности в России и мире. – URL: <https://json.tv/analytic/perspektivy-industrii-40-i-tsifrovizatsii-promyshlennosti-v-rossii-i-mire-20180312123158/>.

³ См.: *Приказ* Министерства экономического развития Российской Федерации № 607 от 01.09.2023. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MET_100112.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

В методике расчета показателей упомянутого выше федерального проекта подчеркивается важная роль ИТ-функции в процессе достижения цифровой зрелости предприятия. Она включает в себя создание, поиск, обработку и хранение информации, которая используется в управлении производственными процессами и бизнес-процессами. Эффективное выполнение ИТ-функций позволяет предприятиям переходить к управленческим решениям, основанным на данных, что составляет неотъемлемую часть цифровой трансформации.

Инструментом цифровой трансформации предприятия в рамках нацпроекта «Производительность труда» является реализация комплексных проектов, которые включают в себя набор сервисов и решений, сопровождающихся экспертной поддержкой АНО «Цифровые технологии производительности» (ЦТП). Цель комплексного проекта – создать на предприятии значительные заделы для повышения производительности труда и достижения цифровой зрелости. Эксперты АНО «ЦТП» оказывают поддержку на всех этапах реализации проекта, обеспечивая адаптацию типовых решений к специфическим требованиям и условиям предприятия.

Документально подтвержденное использование предприятием определенного сервиса или решения в рамках цифровой экосистемы называется «внедренный сервис». Это использование направлено на повышение производительности труда и уровня цифровой зрелости предприятия. Документальное подтверждение позволяет оценить эффективность внедрения и измерить его вклад в общие показатели производительности и цифровой зрелости предприятия.

Таким образом, анализ понятий, используемых в рамках цифровой экосистемы национального проекта «Производительность труда», реализуемой АНО «ЦТП» через портал эффективность.рф, должен демонстрировать значительный потенциал для цифровой модернизации предприятий и повышения эффективности их деятельности. Теоретически совокупность сервисов, ИТ-функций, экспертной поддержки и организационных механизмов должна позволять предприятиям успешно интегрировать цифровые технологии в свои процессы,

что в конечном итоге ведет к устойчивому росту производительности и цифровой зрелости.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДАННЫЕ

В процессе цифровой трансформации экономики в рамках национального проекта «Производительность труда» участвуют различные стороны: разработчики цифровых решений, платформа *эффективность.рф*, операторы нацпроекта (федеральный и региональные центры компетенций) и предприятия – участники нацпроекта. Кратко опишем их функционал и цели в реализации нацпроекта.

Разработчики цифровых решений – это компании и организации, создающие программное обеспечение, инструменты и технологии для автоматизации и оптимизации бизнес-процессов на предприятиях, которые могут быть адаптированы к различным отраслям и типам предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда», а также для расширения их присутствия на рынке за счет внедрения этих решений в рамках национальных проектов.

Платформа эффективность.рф – это цифровая экосистема, созданная АНО «ЦТП» специально для выполнения задач нацпроекта «Производительность труда». Платформа представляет собой набор сервисов и инструментов, предназначенных для помощи предприятиям в процессе цифровой трансформации. Цель платформы – повышение уровня цифровой зрелости предприятий, обеспечение эффективного внедрения цифровых решений и содействие достижению целевых показателей национального проекта.

Операторы нацпроекта – Федеральный центр компетенций (ФЦК) и региональные центры компетенций (РЦК) в сфере производительности труда. Эти центры выступают в роли посредников между цифровой платформой, разработчиками и предприятиями-участниками, а также продвигают использование цифровых решений, представленных на платформе *эффективность.рф*, в ходе реализации адресной поддержки предприятий – участников нацпроекта

«Производительность труда». Их интерес заключается в успешном достижении целей и выполнении задач национального проекта. Поэтому ФЦК и РЦК стремятся к тому, чтобы инструменты и сервисы платформы эффективность.рф использовались максимально эффективно, обеспечивая рост производительности предприятий.

Предприятия, участвующие в нацпроекте, – это конечные потребители цифровых решений, предлагаемых через платформу эффективность.рф. Их мотивация связана с улучшением собственных бизнес-процессов, повышением производительности, а также снижением издержек. Предприятия заинтересованы в получении проверенных и адаптированных решений, которые соответствуют их специфическим потребностям и обеспечат реальную практическую пользу.

Платформа эффективность.рф предоставляет предприятиям возможность провести бесплатную диагностику и получить консультацию у эксперта для определения уровня их цифровой зрелости. На основе этих данных предприятиям предлагается подбор программного обеспечения, способного оптимизировать работу в таких областях, как производство, логистика, ИТ, маркетинг, финансы и управление персоналом. Сотрудничество с платформой также обеспечивает поддержку пользователей в процессе закупки ПО и возможность получения субсидий или грантов для его внедрения. Это позволяет предприятиям автоматизировать производственные и управленческие процессы, улучшая свою производительность.

Таким образом, платформа эффективность.рф, оперируемая АНО «ЦТП», должна играть ключевую роль в национальном проекте «Производительность труда», поскольку представляет собой инструмент для цифровой трансформации предприятий, обеспечивающий им доступ к современным цифровым решениям без необходимости значительных инвестиций. Несмотря на текущие результаты и достижения, такие как привлечение к сотрудничеству 2861 предприятия к апрелю 2024 г., имеется потенциал для дальнейшего роста результативности цифровой экосистемы эффективность.рф.

Эффективность работы данной системы оценивается на основе мнений ее реальных и потенциальных пользователей – участников национального проекта. Основными источниками данных являются Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), национальный проект «Производительность труда» на платформах производительность.рф, эффективность.рф и аналитическая система СПАРК-Интерфакс.

Метод сбора информации – проведение полуструктурированных интервью, в рамках которых анализировался опыт предприятий – участников национального проекта «Производительность труда» в Свердловской области, а также изучалось мнение по данному вопросу представителей РЦК Уральского федерального округа.

Исследование основано на выборке из 185 предприятий Свердловской области, участвующих в национальном проекте «Производительность труда» на 24 апреля 2023 г. В Свердловской области на 2023 г. в проекте участвовало 185 предприятий, из которых 73% относятся к обрабатывающим видам деятельности. Для опроса было разослано 84 письма, по итогам которых в исследовании приняли участие 54 предприятия. Отраслевая структура выборки предприятий показана на рис. 1.

Предприятия Свердловской области, участвующие в национальном проекте «Производительность труда», имеют ряд как типичных, так и специфических особенностей, которые влияют на их участие в процессах цифровой трансформации. Во-первых, многие предприятия сталкиваются с типичными проблемами, характерными для экономики региона, такими как недостаток квалифицированных специалистов, ограниченные финансовые ресурсы и слабая осведомленность о возможностях цифровизации. Во-вторых, особенностью промышленных предприятий Свердловской области является то, что они относятся к единичному и мелкосерийному типу производства, а значит, цифровизация не дает таких эффектов, как при работе конвейерной линии. В результате ожидания предприятий от внедрения цифровых решений не соответствуют результатам, что снижает желание

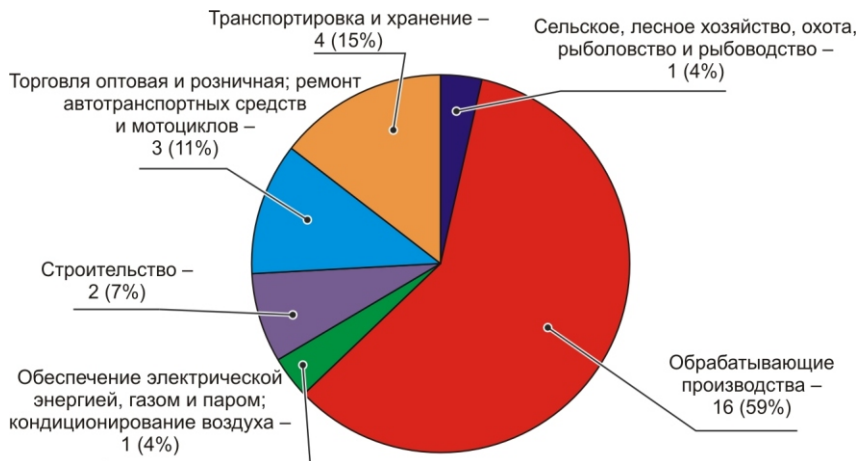

Рис. 1. Отраслевая выборка предприятий, принявших участие в интервью

Источник: составлено авторами на основе данных интервью

предприятий в дальнейшем заниматься внедрением цифровых решений в сфере повышения производительности труда.

В ходе интервью рассматривались три ключевых вопроса, связанных с интересом предприятий к процессу цифровизации и к взаимодействию с цифровой платформой эффективность.рф в рамках нацпроекта «Производительность труда»:

- 1) известно ли предприятию о платформе эффективность.рф?
- 2) какие предложения по цифровизации предприятия для повышения производительности труда, размещенные на платформе эффективность.рф, интересны для предприятия?
- 3) есть ли у предприятия интерес к цифровизации бизнес-процессов в целом?

Полученная информация является ключевой для анализа опыта взаимодействия предприятий с платформой эффективность.рф и для разработки рекомендаций по дальнейшему развитию цифровой платформы.

Рис. 2. Схема проведения исследования

Источник: составлено авторами

Исследование было проведено в несколько этапов с марта по октябрь 2023 г. (рис. 2).

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Прежде всего, проведенный анализ стратегических документов, касающихся реализации национального проекта, продемонстрировал нестабильность показателей в области оценки эффективности цифровой экосистемы. Показатели, характеризующие результативность цифровой экосистемы эффективность.рф, кардинально поменялись в период с 2021 по 2024 г. Всего можно выделить шесть показателей, которые официально публиковались на сайте ЕМИСС (см. таблицу). Все эти показатели относятся к федеральному проекту «Системные меры по повышению производительности труда», входящему в структуру национального проекта «Производительность труда». Динамика показателей представлена на рис. 3 и 4.

Показатели, характеризующие результативность цифровой экосистемы производительности

2021–2022	2023–2024
1. Динамика количества предприятий, воспользовавшихся услугами экосистемы для оптимизации бизнес-процессов	1. Количество предприятий – участников цифровой экосистемы производительности
2. Количество внедрений сервисов цифровой экосистемы на предприятиях – участниках национального проекта	2. Количество реализованных комплексных проектов на предприятиях – участниках цифровой экосистемы производительности
3. Удовлетворенность предприятий предоставленными сервисами цифровой экосистемы национального проекта	3. Доля предприятий, на которых ФЦК проведена диагностика уровня зрелости ИТ-функций, реализовавших комплексные проекты

Источник: составлено авторами.

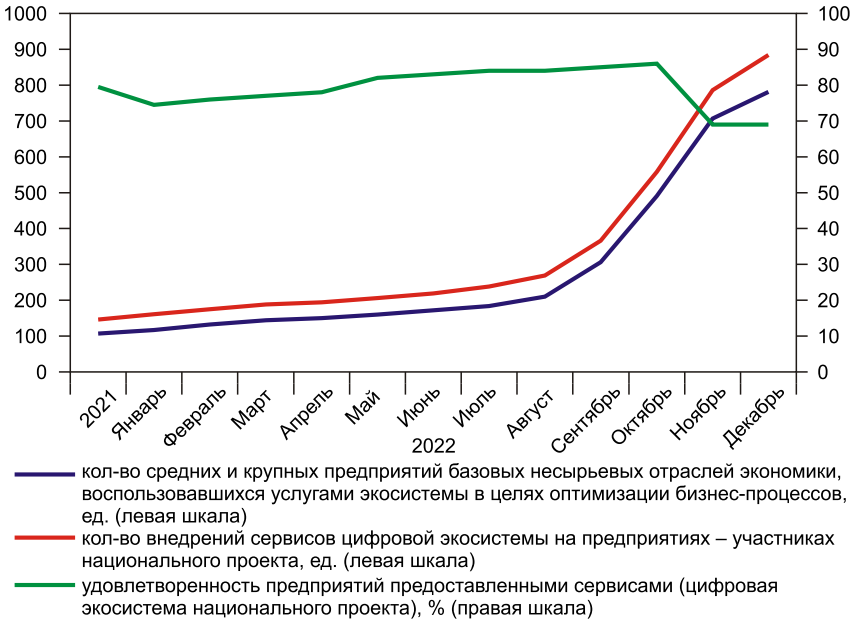

Рис. 3. Динамика показателей, характеризующих результативность цифровой экосистемы производительности за период 2021–2022 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных сайта производительность.рф

Три показателя использовались для характеристики результативности экосистемы с 2021 до 2022 г. включительно.

1. Динамика количества предприятий, воспользовавшихся услугами экосистемы для оптимизации бизнес-процессов.

В 2022 г. наблюдается значительное увеличение (в 6,6 раза) количества предприятий, воспользовавшихся услугами экосистемы, – на 674 ед. (с 107 в 2021 г. до 781 по итогам 2022 г.), что, с одной стороны, указывает на высокую востребованность и активное внедрение цифровых решений среди предприятий базовых несырьевых отраслей экономики, но с другой стороны, не позволяет оценить, какими услугами воспользовались предприятия-участники.

Рост в 2022 г., вероятнее всего, связан с активной государственной поддержкой и продвижением экосистемы эффективность.рф,

Цифровая трансформация предприятий Свердловской области в рамках нацпроекта
«Производительность труда»: проблемы и перспективы реализации

Рис. 4. Динамика показателей, характеризующих результативность цифровой экосистемы производительности за период 2023–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных сайта производительность.рф

а также с повышением осведомленности предприятий об этом в рамках нацпроекта «Производительность труда».

В 2023 г. сбор данных по показателю прекратился. Отсутствие данных за 2023 и 2024 гг. затрудняет анализ тенденций, соответственно, без этих данных затруднено полноценное понимание оценки эффективности экосистемы по нацпроекту.

2. *Количество внедрений сервисов цифровой экосистемы на предприятиях – участниках национального проекта (L1).*

За 2021 г. было внедрено 146 сервисов, что в 6 раз меньше, чем в 2022 г. (884 внедрения). Это указывает на значительное увеличение активности по внедрению сервисов цифровой экосистемы.

Месячный прирост внедрений за 2022 г. характеризуется стабильным увеличением. Так, наименьшее количество внедрений было в январе 2022 г. (50), а наибольшее – в декабре 2022 г. (160).

Среднемесячное количество внедрений сервисов цифровой экосистемы в 2022 г. составляло около 73,7 ед., однако несмотря на наблюдаемую положительную тенденцию к росту числа внедрений сервисов цифровой экосистемы в 2022 г., неясно, какие последствия это имело для цифровой трансформации предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда» и достижения ими цифровой зрелости.

3. Удовлетворенность предприятий предоставленными сервисами цифровой экосистемы национального проекта.

Удовлетворенность предприятий предоставленными сервисами снизилась с 79,5% в 2021 г. до 69% в 2022 г., что может указывать на некоторые проблемы в предоставляемых сервисах и/или на изменение ожиданий предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда».

В первой половине 2022 г. наблюдается постепенный рост уровня удовлетворенности: с 74,5% в январе до 86% в октябре, но в ноябре и декабре произошло резкое падение удовлетворенности до 69%. Неясно, чем объясняется снижение удовлетворенности за два последних месяца 2022 г.

Таким образом, невысокие значения показателей в 2021 г. связаны в первую очередь с запуском платформы эффективность.рф и созданием АНО «ЦТП». В 2022 г. началось активное продвижение экосистемы эффективность.рф в рамках национального проекта «Производительность труда». При этом ни один показатель не дает информации: какими именно услугами экосистемы воспользовались предприятия – участники нацпроекта, что затрудняет понимание их конкретного вклада в оптимизацию бизнес-процессов; как внедрение сервисов цифровой экосистемы влияет на производственную эффективность и рост производительности труда, а также каковы конкретные последствия для цифровой трансформации предприятий и их цифровой зрелости от этих внедрений; какие конкретные проблемы вызвали падение удовлетворенности предприятий предоставляемыми сервисами цифровой экосистемы в конце 2022 г.

С 2023 г. для характеристики результативности экосистемы используются следующие три показателя.

1. Количество предприятий – участников цифровой экосистемы производительности.

Динамика показателя демонстрирует стабильный рост числа предприятий, присоединившихся к цифровой экосистеме производительности на протяжении 2023 г. и начала 2024 г.: с 924 предприятий в январе 2023 г. до 2549 предприятий к концу года (плюс 1625 предприятий), а в 2024 г. прирост составил 267 предприятий.

Показатель не дает информации о виде экономической деятельности предприятий – участников экосистемы, что затрудняет понимание того, предприятия каких отраслей наиболее активно регистрируются в цифровой экосистеме.

Показатель сосредоточен на количественном аспекте, а не на качественных характеристиках влияния участия в цифровой экосистеме на производительность предприятия.

2. Количество реализованных комплексных проектов на предприятиях – участниках цифровой экосистемы производительности.

В 2023 г. было реализовано 34 комплексных проекта, в начале 2024 г. прирост ускорился, и за первые пять месяцев количество реализованных проектов увеличилось на 32 ед., достигнув 77 ед. к маю 2024 г.

Если в 2023 г. среднемесячный прирост составлял примерно 2,83 комплексных проекта, то в 2024 г. он уже увеличился в два раза – 6,4 проекта в месяц, что свидетельствует либо о повышении интереса предприятий к комплексным проектам в рамках цифровой экосистемы производительности, либо об активном стимулировании участия предприятий в таких проектах со стороны ФЦК и АНО «ЦТП».

3. Доля предприятий, на которых ФЦК проведена диагностика уровня зрелости ИТ-функций, реализовавших комплексные проекты.

В 2023 г. в первом квартале доля предприятий, на которых была проведена диагностика уровня зрелости ИТ-функций, реализовавших комплексные проекты, была нулевой или очень низкой, а с марта по май произошло ее резкое увеличение до 100%, что, вероятно,

свидетельствует о позднем начале диагностики уровня зрелости ИТ-функций предприятий со стороны ФЦК, и далее эта доля оставалась стабильно высокой. В 2024 г. также проседает первый квартал, а потом значение показателя становится максимальным.

Неясно, каким образом определяется уровень зрелости ИТ-функций и насколько точными и достоверными являются результаты диагностики.

Таким образом, показатели результативности цифровой экосистемы с 2023 г. направлены на конкретные количественные результаты внедрения цифровых технологий и проектов, в отличие от показателей, использовавшихся в период с 2021 по 2022 г., что делает оценку более объективной. Однако теперь отсутствует оценка мнений пользователей о качестве предоставляемых услуг, которая раньше измерялась через удовлетворенность предприятий предоставляемыми сервисами цифровой экосистемы национального проекта «Производительность труда».

Общий вывод по показателям, характеризующим результативность цифровой системы производительности в рамках нацпроекта «Производительность труда», за оба рассмотренных периода следующий:

во-первых, все показатели являются строго количественными, что не отражает влияние цифровизации на производительность труда предприятий – участников нацпроекта (неясен механизм влияния);

во-вторых, показатели не позволяют качественно оценить влияние цифровой экосистемы на производительность труда предприятий – участников нацпроекта. Например, нет данных о конкретных экономических выгодах, а также об эффективности внедрения цифровых решений;

в-третьих, непонятно, предприятия каких отраслей наиболее активно участвуют в цифровой экосистеме и как это влияет на структурную экономику. Эти сведения помогли бы более точно оценивать результативность цифровой трансформации в различных отраслях;

в-четвертых, отсутствует информация о методах сбора и анализа данных, используемых для расчета показателей, что вызывает со-

мнения в объективности и достоверности полученных результатов⁴. Поэтому прозрачность и объяснение методологии оценки особенно важны для обеспечения доверия к данным;

в-пятых, ни один из показателей не учитывает влияние внешних экономических и политических факторов на процесс реализации цифровых проектов, что также ограничивает возможность объективной оценки влияния цифровой экосистемы на производительность труда предприятий – участников нацпроекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

В рамках исследования предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда» выявлены следующие ключевые моменты во взаимодействии с цифровой платформой эффективность.рф:

1) имеет место низкая осведомленность о платформе, поскольку многие предприятия не знали о существовании платформы эффективность.рф, что привело к их отсутствию на этой цифровой платформе;

2) отмечается недостаток интереса к платформе в связи с тем, что даже если некоторые предприятия слышали о платформе эффективность.рф, то не смогли там найти ничего привлекательного или полезного для себя;

3) несмотря на наличие определенного спектра отечественных ИТ-решений на платформе, не все предприятия – участники нацпроекта готовы к использованию этих решений или заинтересованы в их использовании;

4) некоторые предприятия – участники нацпроекта взаимодействовали с платформой эффективность.рф, однако такое взаимодействие ничем не закончилось;

⁴ Пока показатели национального проекта не содержат критерия оценки реального уровня цифровизации предприятий. Верификация данных при формировании значений показателя осуществляется: а) на уровне модерации АНО «ЦТП»; б) по результатам оценки АНО «ЦТП»; в) посредством подписания совместного протокола между предприятием – участником цифровой экосистемы и АНО «ЦТП», а также посредством направления от ФЦК в адрес АНО «ЦТП» перечня предприятий, на которых завершены проекты по диагностике уровня зрелости ИТ-функций.

5) одно из предприятий-участников прошло цифровой аудит, что свидетельствует о его готовности к внедрению цифровых решений; другие предприятия готовятся к цифровому аудиту или уже участвуют в иных государственных программах по цифровизации;

6) наблюдается неопределенность в использовании российских технологий, поскольку предприятие оценивает не только экономические, но также технологические и практические аспекты замены зарубежного ПО на российские аналоги, что приводит к задержкам принятия окончательного решения об использовании сервисов платформы эффективность.рф из-за комплексности и сложности этого процесса.

В интервью с предприятиями обсуждались вопросы «пробуксовки» взаимодействия предприятий – участников нацпроекта с платформой эффективность.рф, в интервью с представителями РЦК УрФО – затруднения в цифровизации предприятий. На основании анализа мнений представителей РЦК можно выделить три основные причины, которые затрудняют процесс цифровизации у предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда»:

во-первых, имеет место неоднозначное восприятие цифровизации и платформы эффективность.рф у предприятий, поскольку существует разрыв между ожиданиями разработчиков и реализаторов нацпроекта «Производительность труда» и реальным положением дел на многих российских предприятиях: а) несмотря на информирование о платформе эффективность.рф, многие предприятия рассматривают ее скорее как формальный элемент или инструмент «для галочки»; б) наличие платформы и рекомендаций не всегда влечет за собой конкретные действия по цифровой трансформации;

во-вторых, не все предприятия готовы к полноценной цифровизации из-за сложностей в организации процессов, поскольку многие предприятия сталкиваются с хаотичной организацией бизнес-процессов, что затрудняет эффективное внедрение цифровых решений. Поэтому, прежде чем переходить к цифровизации, необходимо наладить порядок в бизнес-процессах и структурировать их;

в-третьих, имеются проблемы с формированием технических заданий для интеграторов ИТ-решений: а) существует сложность в правильном формулировании технических заданий для ИТ-специалистов; б) предприятия часто имеют представление о том, что им нужно, но испытывают затруднения с передачей этой информации на язык ИТ-специалистов; в) это приводит к непониманию и разочарованию от полученных ИТ-решений, которые не соответствуют ожиданиям предприятий и не приносят ожидаемого эффекта.

При исследовании взаимодействия предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда» с цифровой платформой эффективность.рф выявлены ключевые аспекты, затрудняющие процесс цифровизации. На основании анализа мнений экспертов и представителей предприятий можно констатировать следующее:

1) низкая осведомленность о платформе эффективность.рф. Многие предприятия недостаточно информированы о возможностях и преимуществах, которые предоставляет платформа эффективность.рф, а некоторые из них даже не знали о существовании данной платформы;

2) недостаток интереса к платформе, поскольку даже среди тех предприятий, которые знают о платформе эффективность.рф, многие не нашли там ничего полезного или интересного для себя, что указывает на необходимость улучшения информирования о доступных сервисах и их потенциальных преимуществах;

3) неготовность предприятий – участников нацпроекта «Производительность труда» к использованию российских цифровых решений. Многие предприятия не только не готовы к использованию отечественных ИТ-решений, но и в этом не заинтересованы;

4) несовершенство взаимодействия предприятий с платформой эффективность.рф, поскольку некоторые предприятия пытались взаимодействовать с платформой, но это взаимодействие не привело к конкретным результатам, что свидетельствует о недостатках самой платформы.

Таким образом, ключевые препятствия – это низкая осведомленность о платформе и слабый интерес к ней, неготовность предприятий

к переходу на новые технологии, а также несовершенства самой платформы, которые ограничивают ее использование в рамках цифровой трансформации предприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая экосистема эффективность.рф представляет собой важный инструмент государственной поддержки и модернизации предприятий и имеет значительный потенциал для модернизации и повышения эффективности предприятий. Цифровая экосистема как часть национального проекта «Производительность труда» демонстрирует определенные достижения в процессе цифровой трансформации предприятий базовых несырьевых отраслей экономики.

Для обеспечения дальнейшего успешного развития цифровой экосистемы производительности необходимо обратить внимание на несколько критических аспектов:

а) требуются регулярное обновление и публикация данных для мониторинга и принятия обоснованных управленческих решений в области цифровизации как на макроуровне, так и на уровне предприятий;

б) важно проводить регулярные независимые исследования деятельности участников нацпроекта, чтобы четко понимать, как внедрение цифровых технологий влияет на производительность труда и другие результаты их деятельности;

в) необходима понятная для всех методология расчета показателей и оценки эффективности внедренных цифровых решений для обеспечения прозрачности работы платформы эффективность.рф, что поможет предприятиям лучше понимать, какие конкретные шаги они должны предпринять для достижения цифровой зрелости;

г) следует четко сформулировать цели и ожидания от участия в цифровой экосистеме, чтобы предприятия – участники нацпроекта имели ясное представление о том, что они могут ожидать от внедрения цифровых решений.

Успешная реализация этого проекта требует постоянного мониторинга, адаптации к потребностям пользователей и улучшения качест-

ва предоставляемых сервисов. Тщательное внимание к этим аспектам позволит обеспечить достижение целей по повышению производительности труда.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН
Института экономики УрО РАН, тема № 0327-2024-0010
на 2024–2026 гг.*

Список источников

1. Акбердина В.В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 82–99. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-8.
2. Акбердина В.В. Цифровизация индустриальных рынков: региональные особенности // Управленец. – 2018. – Т. 9, № 6. – С. 78–87. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-8.
3. Барышев П.С. Планирование и оптимизация информационной инфраструктуры организации // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 6. – С. 49–52. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.2.
4. Козлов А.В. Определение уровня развития цифровой инфраструктуры в регионе: методика и сравнительный анализ на примере территорий российской Арктики // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журнал. – 2019. – № 2 (58). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38306770> (дата обращения: 07.07.2024).
5. Крамин Т.В., Климанова А.Р. Развитие цифровой инфраструктуры в регионах России // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 60–76.
6. Лопатова Н.М. Международный опыт формирования цифрового правительства // Наука и инновации. – 2019. – № 5 (195). – С. 24–28.
7. Пономарева А.О. Роль цифровой инфраструктуры в формировании платформы пространственного развития промышленного региона // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: Мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / Отв. ред. Ю.Г. Лаврикова. – Екатеринбург, 2019. – С. 33–36.
8. Ревенко Л., Ревенко Н. Международная практика реализации программ развития цифровой экономики // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 4. – С. 20–29.
9. Романова О.А., Пономарева А.О. Прогнозирование развития обрабатывающей промышленности Урала в условиях нарастания внешних финансовых рис-

ков // Вестник Забайкальского университета. – 2024. – № 2. – С. 117–128. DOI: 10.2109/2227-9245-2024-30-2-117-128.

10. Романова О.А., Пономарева А.О. Промышленная политика как инструмент цифровой трансформации экономики индустриального региона // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Мат. XIX Нац. науч. конф. с междунар. участием, Москва, 18–19 декабря 2019 года / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – Вып. 15, ч. 1. – С. 758–763.

11. Рубан Л.С., Цыбулевский В.А. Парадоксы цифровизации и «черный лебедь» российской действительности // Бурение и нефть. – 2020. – № 6. – С. 14–23. – URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8781&type=publ> (дата обращения: 07.07.2024).

Информация об авторах

Потапцева Екатерина Викторовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29). E-mail: potaptseva.ev@uiec.ru.

Пonomарева Алена Олеговна (Россия, Екатеринбург) – младший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29). E-mail: ponomareva.ao@uiec.ru.

DOI: 10.15372/REG20250111

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 1 (125), p. 277–305

E.V. Potaptseva, A.O. Ponomareva

DIGITAL TRANSFORMATION OF ENTERPRISES IN SVERDLOVSK OBLAST UNDER THE NATIONAL PROJECT “LABOR PRODUCTIVITY”: CHALLENGES AND IMPLEMENTATION PROSPECTS

Digital transformation is a key factor in improving the productivity of Russian enterprises. The national project titled “Labor Productivity” aims to stimulate productivity growth at the enterprise level, including through the adoption of digital technologies. A digital platform, эффективность.рф, developed by the Autonomous Non-Commercial Organization Digital Pro-

ductivity Technologies (CTP), operates as part of this project. The platform provides enterprises with tools for digitalizing business processes, helping to optimize production chains, reduce costs, and improve management efficiency.

This study aims to assess the effectiveness of the government-proposed digitalization mechanism and its demand among enterprises. The subject of the research is the interaction of enterprises with the эффективность.рф digital ecosystem. The study formulates the hypothesis that a systematic and comprehensive approach to state regulation and support measures is essential for advancing enterprise digitalization.

The article employs methods of structural and dynamic analysis using data from the Unified Interdepartmental Statistical Information System (UISIS), the digital platforms производительность.рф and эффективность.рф, and the SPARK-Interfax analytical system. We have conducted semi-structured interviews to gather feedback from enterprises participating in the national project regarding the effectiveness of the digital platform. The study analyzes the performance metrics of the эффективность.рф digital ecosystem over the period 2021–2024. The survey results reveal low awareness and interest among enterprises regarding the эффективность.рф platform. The research identifies the challenges enterprises face in digitalizing within the framework of this interaction mechanism. Despite the availability of domestic IT solutions, many enterprises remain unprepared or uninterested in adopting them.

The findings of this study can contribute to identifying ways to improve enterprise engagement with the platform, facilitating the successful implementation of digital technologies within the framework of the national project.

Keywords: digitalization of business; productivity; effectiveness of government mechanisms; national projects

For citation: Potaptseva, E.V. & A.O. Ponomareva. (2025). Tsifrovaya transformatsiya predpriyatiy Sverdlovskoy oblasti v ramkakh natsproekta “Proizvoditelnost truda”: problemy i perspektivy realizatsii [Digital transformation of enterprises in Sverdlovsk Oblast under the national project “Labor Productivity”: Challenges and implementation prospects]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (125), 277–305. DOI: 10.15372/REG20250111.

The study was funded by the state assignment of the Federal State Budgetary Institution Institute of Economics UB RAS, topic No. 0327-2024-0010 for 2024–2026

References

1. *Akberdina, V.V.* (2018). Transformatsiya promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [The transformation of the Russian industrial complex under digitalisation]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], Vol. 19, No. 3, 82–99. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-8.
2. *Akberdina, V.V.* (2018). Tsifrovizatsiya industrialnykh rynkov: regionalnye osobennosti [Digitalization of industrial markets: Regional characteristics]. *Upravlenets* [The Manager], Vol. 9, No. 6, 78–87. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-8.
3. *Baryshev, R.S.* (2013). Planirovanie i optimizatsiya informatsionnoy infrastruktury organizatsii [Planning and optimization of information infrastructure of the organization]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic Phenomena and Processes], 6, 49–52. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.2.
4. *Kozlov, A.V.* (2019). Opredelenie urovnya razvitiya tsifrovoy infrastruktury v regione: metodika i sravnitelnyy analiz na primere territoriy rossiyskoy Arktiki [Determining the level of digital infrastructure development in the region: Method and comparative analysis on the example of the territories of the Russian Arctic]. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektron. nauch. zhurnal* [Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal], 2 (58). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38306770> (date of access: 07.07.2024).
5. *Kramin, T.V. & A.R. Klimanova.* (2019). Razvitie tsifrovoy infrastruktury v regionakh Rossii [Development of digital infrastructure in the Russian regions]. *Terra Economicus*, Vol. 17, No. 2, 60–76.
6. *Lopatova, N.M.* (2019). Mezhdunarodnyy opyt formirovaniya tsifrovogo pravitelstva [International experience in the formation of digital government]. *Nauka i innovatsii* [The Science and Innovations], 5 (195), 24–28.
7. *Ponomareva, A.O.* (2019). Rol tsifrovoy infrastruktury v formirovanii platformy prostranstvennogo razvitiya promyshlennogo regiona [The role of digital infrastructure in forming a platform for the spatial development of an industrial region]. In: Yu.G. Lavrikova (Ed.). *Razvitie territorialnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem: voprosy teorii i praktiki* [Development of Territorial Socioeconomic Systems: Theoretical and Practical Issues]. Proceedings of the XVI International Scientific-Practical Conference of Young Scientists, 33–36. Yekaterinburg.

8. *Revenko, L. & N. Revenko.* (2017). Mezhdunarodnaya praktika realizatsii programm razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Global trends and national specifics of the development of a digital economy]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes], Vol. 15, No. 4, 20–29.

9. *Romanova, O.A. & A.O. Ponomareva.* (2024). Prognozirovanie razvitiya obrabatyvayushchey promyshlennosti Urala v usloviyakh narastaniya vneshnikh finansovykh riskov [Forecasting the development of the Ural manufacturing industry in conditions of increasing external financial risks]. *Vestnik Zabayskogo universiteta* [Transbaikal State University Journal], 2, 117–128. DOI: 10.2109/2227-9245-2024-30-2-117-128.

10. *Romanova, O.A. & A.O. Ponomareva.* (2020). Promyshlennaya politika kak instrument tsifrovoy transformatsii ekonomiki industrialnogo regiona [Industrial policy as a tool for digital transformation of the economy in an industrial region]. In: V.I. Gerasimov (Ed.). *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Prospects for Development], Vol. 15, Part 1, Proceedings of the XIX National Scientific Conference with International Participation, Moscow, 18–19 December 2019, 758–763. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS.

11. *Ruban, L.S. & V.A. Zybulevsky.* (2020). Paradoksy tsifrovizatsii i “chernyy lebed” rossiyskoy deystvitelnosti [Paradoxes of the digitalization and “black swan” of the Russian reality]. *Burenie i nef't* [Drilling and Oil], 6, 14–23. Available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8781&type=publ> (date of access: 07.07.2024).

About Authors

Potap'tseva, Ekaterina Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia). E-mail: potap'tseva.ev@uiec.ru.

Ponomareva, Alyona Olegovna (Yekaterinburg, Russia) – Junior Researcher at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia). E-mail: ponomareva.ao@uiec.ru.

Поступила в редколлегию 04.07.2024.

После доработки 21.10.2024.

Принята к публикации 25.10.2024.

© Потапцева Е.В., Пономарева А.О., 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «РЕГИОН: ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»

Представленные в журнал рукописи научных статей должны излагать новые, еще *не опубликованные результаты* исследований по проблемам *региональной экономики и экономической социологии регионов*.

Статья *с обязательным указанием УДК* должна содержать: аннотацию, ключевые слова, указание на цель исследования, научную новизну, материалы и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы (источников), сведения об авторе (авторах). Возможно указание на то, по какому плану, гранту и т.д. выполнено исследование.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Одна и та же статья рассматривается не более двух раз. Статьи, не соответствующие профилю журнала, не принимаются к рецензированию. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Рукопись статьи объемом *35–40 тыс. знаков с пробелами* оформляется в текстовом редакторе Microsoft Word и высылается *на электронный адрес редакции* со следующими параметрами: размер шрифта – 12 кегль, без переносов, межстрочный интервал – 1,5, горизонтальные таблицы размером не более 110 знаков в строке, *рисунки* размером не более 110 × 165 мм. Файл рукописи статьи называется фамилией автора на латинице, например «Ivanov».

Объем аннотации к статье – от 180 до 250 слов. В тексте аннотации следует избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация должна отражать:

- предмет, тему, цель, гипотезу исследования;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Текст аннотации и ключевые слова (8–10 слов) приводятся на русском языке.

Помимо файла с текстом статьи обязательно в *отдельных файлах* должны сохраняться рисунки. Рисунки должны быть сделаны *в формате, позволяющем производить их редактирование и изменение конфигурации*.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы – по центру (выделяется жирным шрифтом).

Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

Список литературы приводится в конце статьи. По каждому источнику необходимо указать: для книги – общее количество страниц, для статьи – номера страниц, на которых она расположена. По тексту ссылки на источники делаются в квадратных скобках. При этом в случае прямого цитирования указывается номер страницы источника.

Ссылки на нормативно-правовые акты, статистические сборники, адреса сайтов, статьи на интернет-ресурсах без авторства в список источников не следует включать, а надо приводить по тексту статьи в сносках.

Пристатейный список литературы дается в алфавитном порядке. Сначала приводится список источников на русском языке (сортируются в порядке расположения букв русского алфавита), за ним – список нерусскоязычных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация записей источников сплошная.

Перевод аннотации, ключевых слов и списка источников осуществляет редакция научного журнала.

В конце статьи обязательно должны быть приведены сведения обо всех ее авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название организации, являющейся основным местом работы автора, занимаемая должность, адрес электронной почты, почтовый адрес организации, телефон и факс для контактов. Информация представляется ***на русском языке***. Следует также представить транслитерацию имени, отчества и фамилии каждого автора, если они уже публиковались ранее в англоязычных изданиях.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и журналом должен быть заключен Лицензионный договор (см. сайт журнала <http://recis.ru>) на право использования научного произведения в журнале.

При несоблюдении требований к оформлению статей и правил для авторов рукопись статьи редакцией не рассматривается.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей научных статей с авторов не взимается.

Рукописи направлять по электронной почте:
region@ieie.nsc.ru

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах
Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,
Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*
Редактор *Е.Б. Артемова*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панина*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 11 марта 2025 г. Выход в свет 11 апреля 2025 г.
Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.
Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 17,5.
Тираж 140 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

E.A. Kolomak, Doctor of Economics, e-mail: ekolomak@academ.org

Deputy Editors-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru
L.V. Melnikova, Candidate of Economics, e-mail: melnikova@ieie.nsc.ru
S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: region@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: region@ieie.nsc.ru

Executive Editor

E.S. Kopylova

Members of Editorial Board

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology (Russia); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *A.G. Isaev*, Candidate of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.E. Limonov*, Doctor of Economics (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *E.V. Rudoy*, Corresponding Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia); *A.A. Shabunova*, Doctor of Economics (Russia)

Members of Editorial Council

V.A. Kryukov, Member of the RAS (Russia); *Jerzy Bański*, Doctor of Sciences (Poland); *John Bachtler*, Professor (UK); *Davaasuren Avirmed*, Corresponding Member of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia); *Dorz Tuvdiyn*, Member of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia); *Dong Suocheng*, Professor (China); *O.B. Glezer*, Candidate of Geography (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Li Yongquan*, Professor (China); *Nazim Muzaffarli Imanov*, Doctor of Economics (Azerbaijan); *Iлона Пálné Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *Sun Zhuangzhi*, Professor (China); *VI. Suslov*, Corresponding Member of the RAS (Russia); *Tabata Shinichiro*, Professor (Japan); *A.G. Shumilin*, Doctor of Economics (Belarus)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Возможности и условия гармонизации экономических отношений регионов, бизнес-структур и федерального центра
- Анализ бюджетной обеспеченности регионов России: подходы и выводы
- Индекс цифровизации практик потребления в регионах России
- Трансформация института административных жалоб: активизм и кооперация на электронных порталах при решении проблем ЖКХ
- Влияние инвестиций в основной капитал на инновационное развитие регионального социоэкономического комплекса (на примере Южного макрорегиона)
- Стратегия развития Западного макрорегиона в пространственном экономическом развитии Китая: политические эффекты и проблемы
- Стратегия и сценарии цифровизации инициативного бюджетирования в Российской Федерации
- Устойчивое социально-экономическое развитие региона в контексте перехода к одноуровневой модели организации местного самоуправления
- Теоретические и методологические проблемы региональной экономической политики в исследованиях Сибирской научной школы

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается ***индекс DOI*** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru> .

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals> .

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.